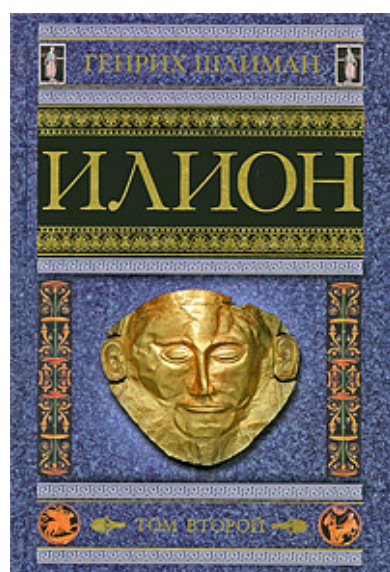

Генрих Шлиман

Илион. Город и страна троянцев. Том 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619035

Илион. Город и страна троянцев. Т. 2: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4575-8

Аннотация

Великая мечта, ставшая смыслом жизни, долгим и кружным путем вела Генриха Шлимана, немецкого коммерсанта, путешественника и прославившегося необыкновенными открытиями археолога-любителя, к легендарному Илиону. Ознакомившись с подробнейшим отчетом о раскопках, проведенных Шлиманом в толще холма Гиссарлык, Микенах и Тиринфе, не только специалисты-археологи, но и все интересующиеся историей смогут оценить вклад в мировую науку знаменитого энтузиаста, общепризнанного «дилетанта» и всемирно известного исследователя древнегреческих древностей, посвятившего более десяти лет поискам и раскопкам «града Приама». Особую ценность книге придает обширный иллюстративный материал и автобиография автора, сотворившего легенду о самом себе. Данная работа переведена на русский язык впервые, что делает это издание уникальным.

Содержание

Глава VII	4
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Генрих Шлиман

Илион. Город и страна троянцев

Том второй

Глава VII

Третий, сожженный город

(Продолжение)

Находка с рис. 360 представляет собой красивую блестящую красную ойнохою грушевидной формы с длинным вертикальным горлышком и носиком-трилистником, который соединяется с туловом длинной ручкой, на которой мы видим слева и справа маленькие ручки; вокруг нижней части горлышка можно увидеть три рельефные ленты; дно плоское. Похожа на нее грушевидная красная ойнохоя (рис. 361), у которой только одна ручка. Образец на рис. 362 – темно-красного цвета и имеет форму овала; у нее тоже носик-трилистник и одна ручка; основание плоское. Образец на рис. 363 – подобной же формы, однако темно-коричневого цвета; его носик выступает практически прямо, как птичий клюв; дно у него выпуклое. Профессор Вирхов заметил мне, что, очевидно, из формы таких ваз развилась широко распространенная клювовидная форма этрусских бронзовых кувшинов.

Рис. 360. Ойнохоя с тремя ручками и длинным горлышком. (Приблизительно 1:3 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 361. Ойнохоя с длинным горлышком. (Почти 1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

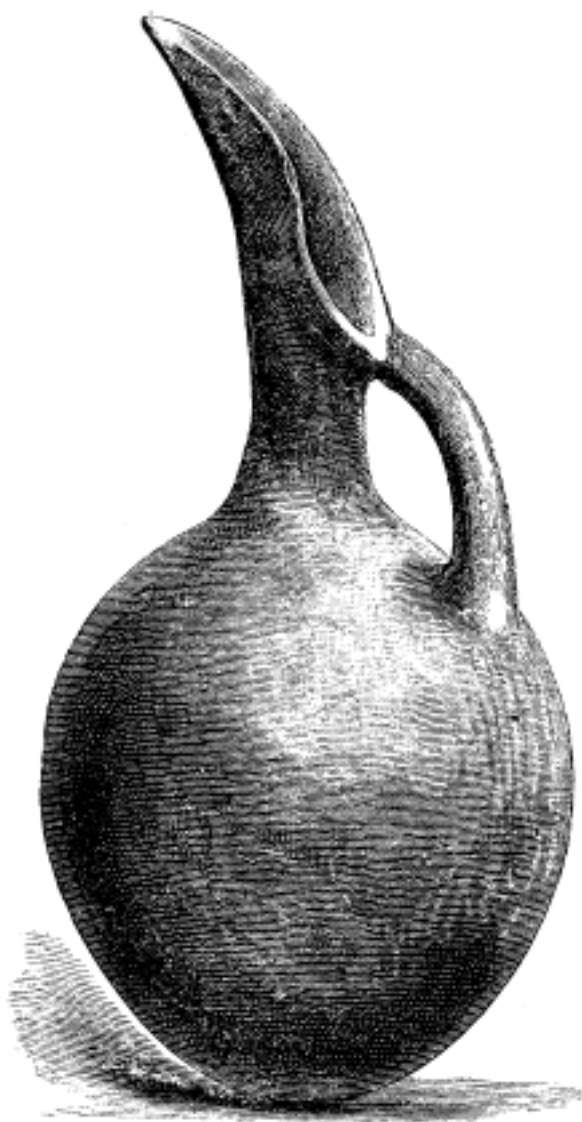

Рис. 362. Ваза овальной формы с длинным горлышком. (1:5 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 363. Ваза в форме чечевицы с длинным горлышком. (1:5 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Из ойнохой, похожих на эти, я в первую очередь должен упомянуть великолепный образец ручной работы из музея Булонь-сюр-Мер, директор которого, не имея никакого понятия о доисторической керамике, считает его римским и поэтому поставил его среди римской керамики, хотя он стоит больше, чем вся коллекция римских терракот в этом музее. Пусть до него дойдет это замечание и пусть в результате эта драгоценная ойнохоя займет то место, которого она заслуживает!

Далее я упомяну три ойнохой практически той же формы, но с коротким горлышком в коллекции греческой архаики в Британском музее; а также ойнохой похожей формы в кипрской коллекции в том же музее. Три ойнохой подобной формы, найденные на Фере под тремя слоями пемзы и вулканического пепла, которые, как предполагают, датируются XVI или XVII веком до н. э., хранятся здесь, в Афинах, в небольшой коллекции Французской школы. Другая, также найденная под тремя слоями пемзы и вулканического пепла на острове Ферасия, которая, как считается, относится к той же эпохе, находится в моей собственной коллекции. Однако эти четыре позднейшие ойнохой имеют орнамент из черной краски, в то время как троянские сосуды – без росписи. Далее я должен упомянуть ойнохой, также очень древнюю, в музее Варвакион в Афинах. И наконец, три красивых кувшина подобной формы (то есть с носиком, наклоненным назад), которые я нашел во время моих раскопок на акрополе Микен; они хранятся в музее Микен в Афинах. Все три украшены расписным орнаментом из птиц, узорами, заимствованными от тканей, или спиральными линиями. Кроме того, несколько похожих кувшинов есть в этрусской коллекции музея Ватикана в Риме.

На рис. 364 – ойнохоя чечевицеобразной формы, блестящая, темно-желтого цвета, с горлышком и носиком, сильно наклоненными назад. У нее тот же своеобразный вырез на носике, который мы видели также на рис. 333 и 357. Блестящий желтый кувшин (рис. 365) имеет ту же форму горлышка. Все эти четыре последних кувшина имеют выпуклое дно.

Рис. 364. Шаровидная ойнохоя с горлышком, наклоненным назад. (Почти 1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

Рис. 365. Шаровидный кувшин. (Почти 1:3 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Похожую форму с наклоненным назад горлышком можно видеть также у яйцевидного кувшина (рис. 366); он блестящего черного цвета и орнаментирован линиями, заполненными белым мелом; у него носик-трилистник. Но подлинной является только верхняя часть; нижняя была реставрирована гипсом. Рис. 367 представляет собой похожий красный кувшин шаровидной формы.

Рис. 366. Кувшин; нижняя часть реставрирована. (Почти 1:3 натуральной величины. Найден на глубине 32 футов)

Рис. 367. Шаровидный кувшин. (1:3 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Из ойнохой с вертикальным горлышком далее я воспроизвожу блестящий темно-коричневый кувшин (рис. 369), который украшен тремя похожими на груди выступами; черный кувшин (рис. 370) – первый сосуд, сделанный на гончарном круге, который встретился нам за долгое время; сосуды с рис. 371 и 372 (также с горлышком-трилистником). Похожи на них по форме и кувшины с рис. 373–376. Вазу такой же формы, как на рис. 376, я нашел в Микенах, и теперь она находится в Афинах, в музее Микен.

Рис. 368. Шаровидный кувшин. (1:3 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Рис. 369. Кувшин с тремя выступами в форме грудей. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

Рис. 370. Сферический кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 371. Сферический кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

Рис. 372. Кувшин. Горлышко реставрировано. (1:3 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 373. Сферический кувшин с прямым горлышком. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 374. Грушевидный кувшин. (Примерно 1:3 натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

Рис. 375. Сферический кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 376. Шаровидный кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 377 воспроизводит блестящую темно-красную шаровидную бутылку с длинным узким вертикальным горлышком. Такие бутылки в Трое встречаются редко. Две терракотовые бутылки той же формы, сделанные вручную, одна желтая, другая черная, найденные в гробницах близ Вифлеема, находятся в Британском музее, где также хранится (в ассирийской коллекции) бутылка из Нимруда похожей формы, сделанная на гончарном круге. Сделанные на гончарном круге терракотовые бутылки похожей формы найдены также в гробницах Кипра, а также в древних египетских погребениях; в Британском музее, в коллекциях кипрских и египетских древностей есть множество экземпляров таких изделий. Несколько терракотовых бутылок похожей формы были также найдены на Кипре генералом ди Чеснолой¹. Я могу упомянуть еще одну такую терракотовую бутылку с Кипра – в музее Южного Кенсингтона в Лондоне.

¹ *Cesnola L.P. di. Cyprus. Pl. XII.*

Рис. 377. Шаровидная бутылъ; горлышко вертикальное. (Почти 1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

На кувшин с рис. 377 несколько похож кувшин с рис. 378, у которого ниже ободка по обеим сторонам есть выпуклый орнамент в форме ушка.

Рис. 378. Шаровидный кувшин с выступами, похожими на ушки. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Три очень красивых блестящих желтых или красных кувшина овальной формы, с вертикальными или слегка отклоненными назад носиками представлены на рис. 379–381; у всех у них выпуклое дно. Кувшин с рис. 379 по обеим сторонам от носика снабжен круглым выступом в форме глаза. У кувшина с рис. 381 – ручка в форме веревки и над туловом – рельефная лента, орнаментированная вертикальными насечками. Два похожих, но сделанных на гончарном круге кувшина хранятся в египетской коллекции Британского музея. Кувшины похожей формы часто встречаются и в Трое, но, за исключением двух египетских образцов, я не знаю о таких находках где-либо еще.

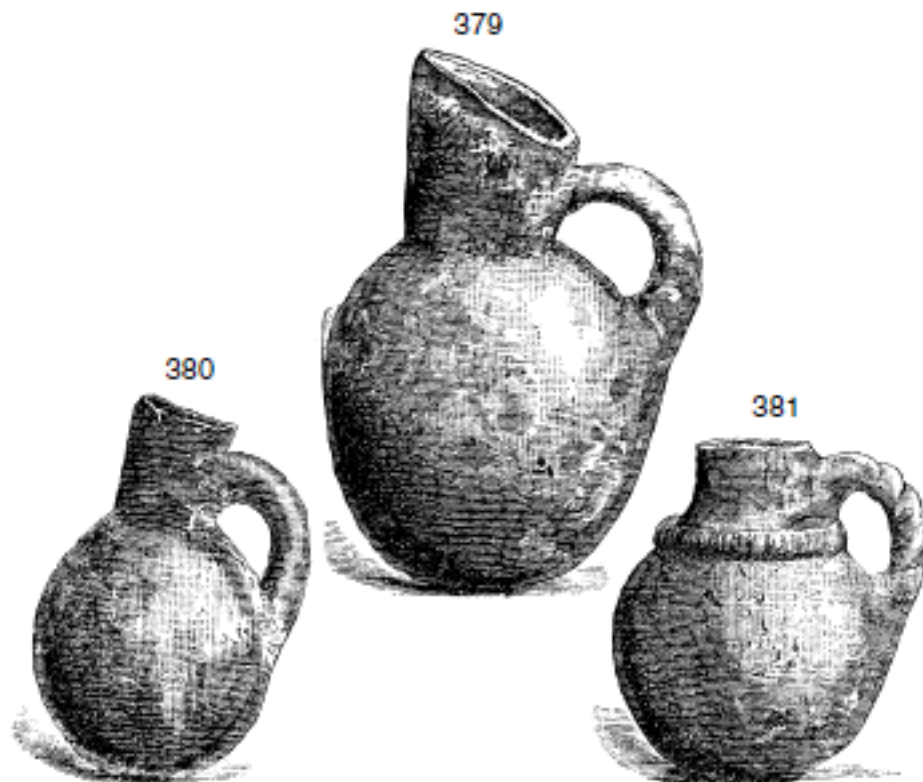

Рис. 379–381. Кувшины шаровидной формы, с одной ручкой. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 32 футов)

На рис. 382 – красивая блестящая темно-серая ойнохоя с носиком-трилистником; она орнаментирована десятью прочерченными параллельными лентами. Ойнохоя такой же формы, которую я нашел в Микенах, воспроизведена на с. 65, № 26 в моей книге «Микены».

Рис. 382. Терракотовая ойнохоя с прочерченным орнаментом. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

На рис. 383–388 – похожие на бутылки кувшины красного, желтого, коричневого или черного цвета. Из них всех у кувшина с рис. 387, с его длинным горлышком и широко выгнутой ручкой, – самый лучший материал и самая изящная форма. Его тулово разделено двумя прочерченными горизонтальными параллельными линиями на два поля, которые орнаментированы прочерченными вертикальными линиями. В Меркишес-музеуме в Берлине есть два кувшина, похожие по форме на кувшин с рис. 383. Кувшин с рис. 388 украшен семью прочерченными горизонтальными параллельными линиями.

Рис. 383. Кувшин. (Почти 1:3 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 384. Кувшин шаровидной формы. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 385. Шаровидный кувшин. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 386. Шаровидный кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 387. Кувшин из терракоты с прочерченным орнаментом. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 388. Кувшин с прочерченными лентами. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине от 22 до 30 футов)

Один из самых изящных образцов троянских кувшинов представлен на рис. 389; он коричневого цвета и украшен вокруг горлышка орнаментом вроде растительного; все его тулово украшено очень симметричными выпуклыми вертикальными полосками. На рис. 390–393 я воспроизвожу четыре обычных кувшина из грубого материала. Мы смотрим на них, и нам невольно кажется, что уже где-то видели такие формы раньше; но хотя они очень часто встречаются в третьем и четвертом доисторических городах Гиссарлыка, я не

знаю, чтобы они были найдены где-то еще, за исключением кувшина, похожего на кувшин с рис. 393, который я нашел в Микенах².

Рис. 389. Кувшин с желобчатым туловом и орнаментом-лентой, имитирующей растение. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 390–393. Кувшины разных форм. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 26 футов)

На рис. 394–400 я воспроизвожу еще семь красных, желтых или коричневых кувшинов размером побольше; из них кувшин с рис. 397 сделан на гончарном круге. Из сделанных на гончарном круге кувшинов, похожих на этот, несколько сотен были найдены в третьем, сожженном, а также в четвертом и пятом городах, но особенно в четвертом. В общем и целом эти сделанные на гончарном круге кувшины – из очень грубого материала, обожжены лишь слегка; они имеют желтый цвет самой глины и совсем не отполированы. Но в очень многих случаях они отполированы как внутри, так и снаружи, и с помощью «штукатурки» из высококачественной глины и несколько более длительного обжига они в таком случае приобретают красивый вид. Такие полированные кувшины, сделанные на гончарном круге, во многих случаях очень легкие и иногда такие же легкие, как римская или греческая керамика. Однако особого внимания заслуживает то, что эти отполированные кувшины, сделанные на

² См.: Schliemann H. Mycenae. P. 163, № 237.

гончарном круге, свойственны этому третьему, сожженному городу и не встречаются в четвертом или пятом городе. Рис. 399 очень тяжелый и сделан из очень грубого материала.

Рис. 394, 395. Кувшины различной формы. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 32 футов)

Рис. 396. Кувшин из очень грубого материала. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

Рис. 397. Кувшин с шарообразным основанием. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Рис. 398–400. Кувшины. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 32 футов)

Из кувшинов той же формы в других местах я смог найти только один, сделанный на гончарном круге, в Британском музее; он был найден в погребении близ Вифлеема. Еще два, также сделанные на гончарном круге, найденные в древних египетских погребениях, также находятся в Британском музее; и один, обнаруженный на Кипре, хранится в Лувре. Далее я должен упомянуть как относящийся к подобному типу кувшин на рис. 11 в книге Йозефа Хампеля «Доисторические древности Венгрии» (*Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie*. 111. VI); а также кувшины в Национальном музее Будапешта, которые были найдены в Сихаломе и представлены на фотографиях, соответствующих номеру стеклянных витрин, в которых они хранятся (Pl. IX. № 10, 20, 21).

Далее, на рис. 401–403 я воспроизвожу три больших кувшина с одной ручкой, из очень грубого материала, с выпуклым доньшком. Мне нужно только представить их здесь, поскольку такая форма не была найдена где-либо еще. В Трое они весьма обычны.

Рис. 401. Кувшин с выпуклым дном. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине от 23 до 29 футов)

Рис. 402. Кувшин с выпуклым дном. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 403. Очень грубый кувшин с выпуклым дном. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 404 – большая темно-коричневая ойнохоя с луковичеобразным туловом. Рис. 405 изображает кувшин с одной ручкой и с носиком.

Рис. 404. Кувшин с заостренной ножкой. (Почти 1:5 натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

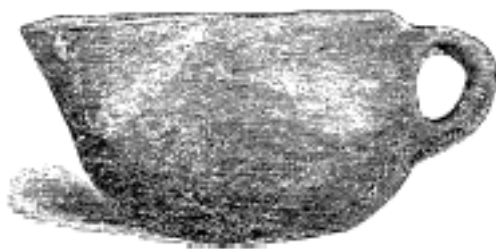

Рис. 405. Чаша с носиком и ручкой. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 22 фута)

На рис. 406–412 я воспроизвожу семь черных, серых или красных терракотовых бутылей, сферических или в форме яйца, без ручки; все они сделаны на гончарном круге; ножка у них выпуклая или заостренная. Бутыли такой формы нередки в третьем, сожженном городе; они также иногда встречаются в следующем, четвертом городе; но, за исключением формы вазы с рис. 411 (аналогичная ваза имеется в музее Лейдена)³, я не знаю о находках подобных сосудов среди остатков доисторических периодов в каких-либо других местах.

Рис. 406. Сферическая ваза. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

Рис. 407. Бутыль из терракоты. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

³ Janssen L.J.F. Op. cit. Bl. II, № 46.

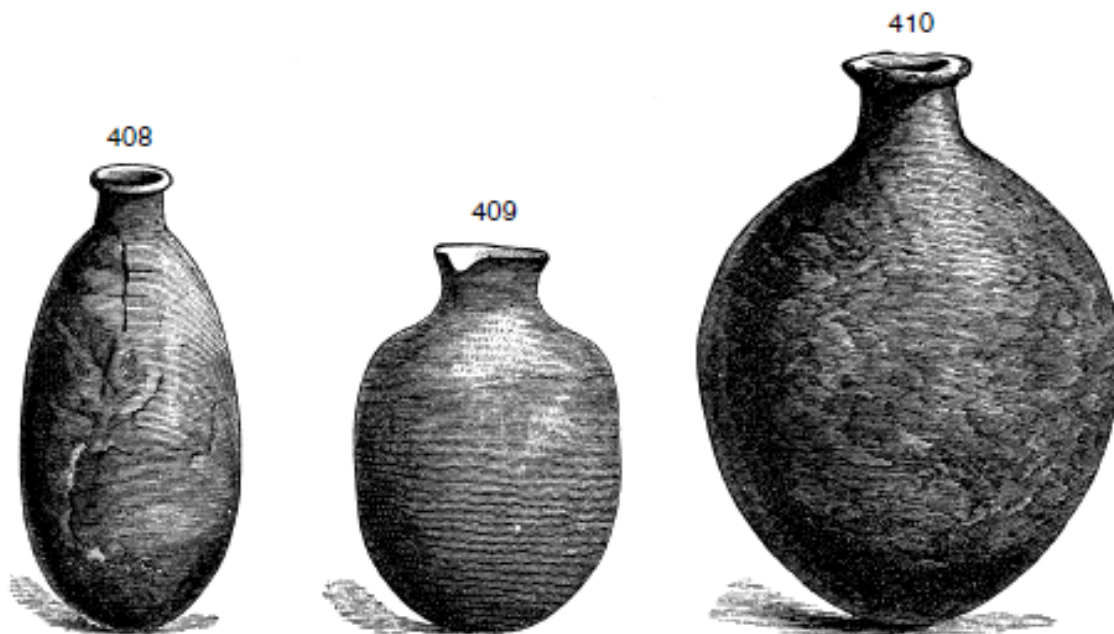

Рис. 408–410. Бутыли из терракоты. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 25 до 29 футов)

Рис. 411, 412. Бутыли из терракоты. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 32 футов)

Рис. 413 и 414 оба также сделаны на гончарном круге. Первый – чаша с тремя круглыми выступами, которые могут изображать нос и два глаза. Рис. 414 – треножник-сковородка или чаша с открытой ручкой.

Рис. 413. Чаша с тремя выступами, похожими на груди. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине от 22 до 32 футов)

Рис. 414. Миска-треножник с одной ручкой. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине от 22 до 32 футов)

Рис. 415 и 416 воспроизводят черные кувшины особой формы, которые я просто показываю здесь, так как нигде не нашел аналогичных сосудов.

Рис. 415. Кувшин. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 416. Шарообразный кувшин. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 417 и 418 – большие красные сосуды с двумя ручками. Чаша такой формы, как на рис. 417, и также сделанная вручную, была обнаружена в Венгрии и воспроизведена у доктора Йозефа Хампеля (*Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie. Pl. VI. № 10*).

Рис. 417. Большая чаша с двумя ручками. (1:3 натуральной величины. Найдена на глубине от 26 до 30 футов)

Рис. 418. Большая чаша с двумя ручками. (1:3 натуральной величины. Найдена на глубине от 26 до 30 футов)

Рис. 419 воспроизводит, в $\frac{1}{5}$ натуральной величины, большую желтую амфору с выпуклым дном. Я положил на нее одну из крышек ваз в форме короны. Подобной же формы – темно-желтые или коричневые амфоры (рис. 410, 421, 422). У последней из них на тулове длинный выступ в форме груди или соска, повернутого вниз. Поскольку у очень многих больших троянских ваз есть подобный выступ, всегда повернутый вниз, я могу предположить, что эти выступы, которые почти что имеют форму крюков, служили для того, чтобы дополнительно поддерживать веревку, которой троянские женщины прикрепляли свои кувшины на спине, когда носили воду из источников. Амфоры такого типа в очень большом

количестве встречаются во всех трех верхних доисторических городах Гиссарлыка, но, как ни странно, такие формы сосудов, как на рис. 419–422, пока еще нигде в другом месте не были найдены.

Рис. 419. Кувшин с двумя ручками; крышка в форме короны. (1:5 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 420. Кувшин с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

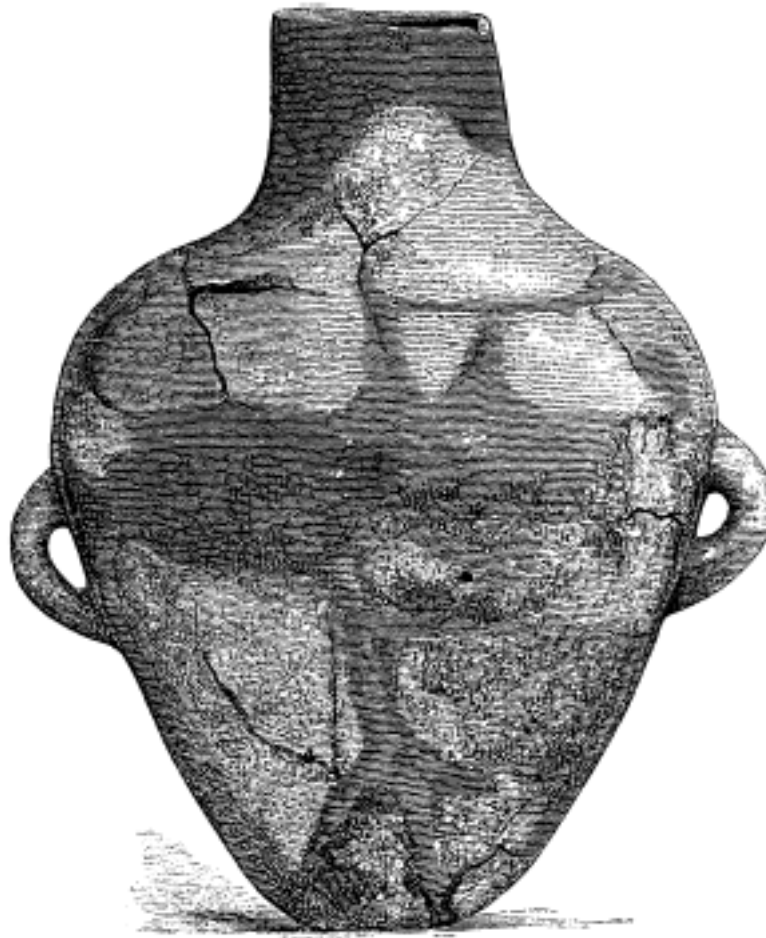

Рис. 421. Кувшин с двумя ручками. (1:5 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 422. Кувшин с двумя ручками. (1:8 натуральной величины. Найден на глубине от 28 до 32 футов)

Рис. 423 воспроизводит троянскую амфору другой формы, похожую на ту, что хранится в маленькой коллекции Французской школы здесь, в Афинах: она была обнаружена на острове Фера (Санторин) под тремя слоями пемзы и вулканического пепла и, как и амфора с рис. 423, имеет как раз 2 фута в высоту.

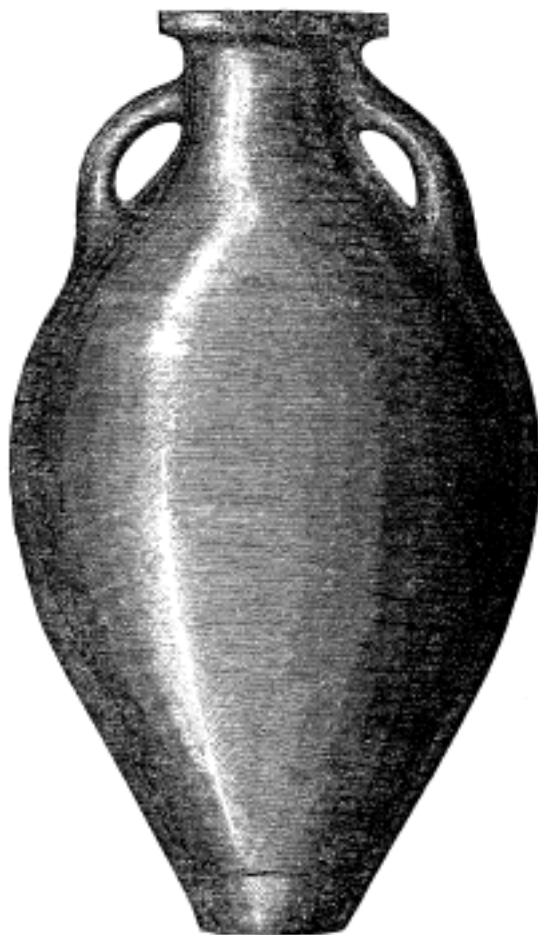

Рис. 423. Большая амфора. (1:7 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Другие варианты больших троянских сосудов с двумя ручками представлены темно-красными или блестящими темными образцами, такими как на рис. 424–426. Образец на рис. 425 украшен с каждой стороны выступом; образец на рис. 426 представляет обычный тип погребальных урн третьего, сожженного города; и на рис. 424 – обычная форма погребальных урн следующего, четвертого города. Только две урны точно такой же формы были найдены на глубине от 26 до 28 футов, и поэтому мы можем быть уверены, что они принадлежат к третьему, или сожженному, городу. Ближайшей аналогией этим вазам может служить блестящая красная ваза ручной работы, найденная на острове Фера (Санторин) под слоем пемзы и вулканического пепла и хранящаяся в коллекции Французской школы в Афинах.

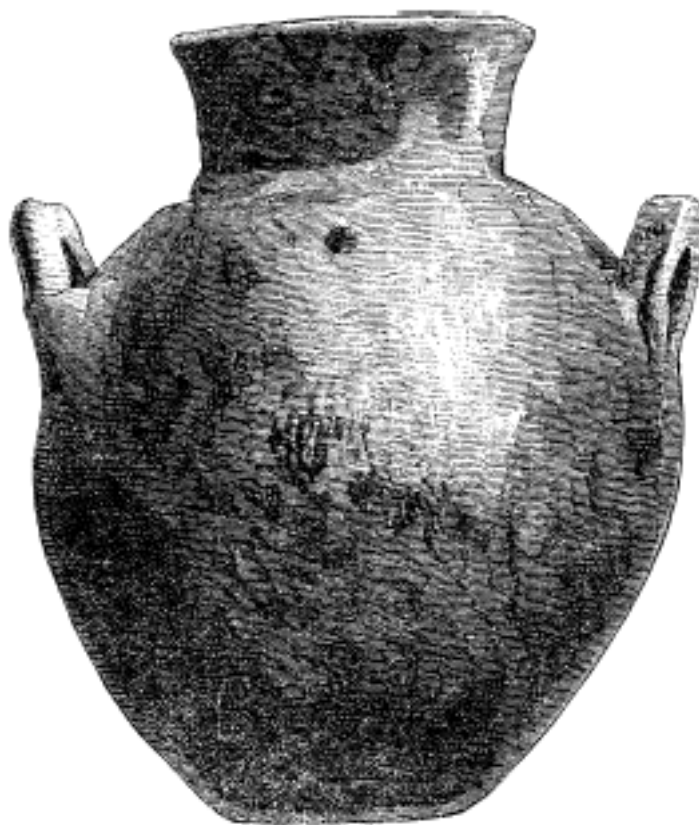

Рис. 424. Ваза шарообразной формы с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 425. Ваза с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 426. Большая ваза с двумя ручками. (1:10 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

На рис. 427 – большая, сделанная на гончарном круге блестящая коричневая терракотовая амфора овальной формы с двумя ручками. Терракотовая амфора подобной формы, найденная в гробнице в Иалисе на острове Родос, находится в Британском музее. Примерно такой же формы сделанная вручную черная ваза с двумя ручками (рис. 428). Овальные вазы (рис. 429–432) сделаны на гончарном круге. На рис. 429 – блестящий черный сосуд с двумя ручками, который во всех других отношениях очень напоминает сделанный на гончарном круге черный сосуд, найденный на Фере (Санторин) и хранящийся здесь во Французской школе; единственная разница в том, что у второго сосуда – только одна ручка. На рис. 430 и 431 – амфоры темно-красного цвета, с двумя большими ручками, которые соединяют носик с туловом, и двумя маленькими ручками на последнем. Того же цвета и сосуд с рис. 432, у которого четыре ручки. Амфора (рис. 433) не овальная, а скорее в форме чечевицы; она блестящая, темно-зеленого цвета и имеет только одну большую ручку, которая соединяет носик с туловом, и еще две маленькие на узкой стороне тулова. Я не нашел ни в одном музее ничего, что можно было бы сравнить с формой этих амфор, но эта форма встречается здесь часто.

Рис. 427. Амфора овальной формы с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 32 фута)

Рис. 428. Кувшин с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 429. Ваза с двумя ручками. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

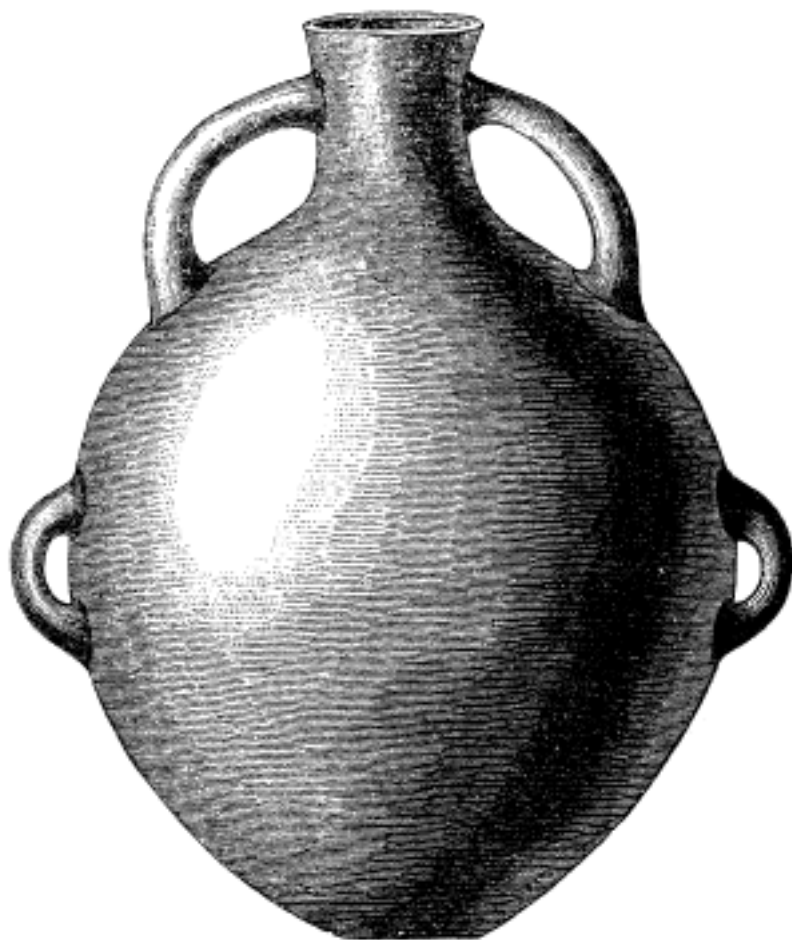

Рис. 430. Большая овальная амфора с четырьмя ручками. (1:5 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 431. Амфора с четырьмя ручками. (1:6 натуральной величины. Найдена на глубине от 26 до 33 футов)

Рис. 432. Овальная амфора с четырьмя ручками. (1:6 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 433. Блестящая темно-зеленая амфора чечевицеобразной формы с тремя ручками. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Терракотовые бутылки ручной работы (рис. 434–436) темно-красного или коричневого цвета, чечевицеобразной формы и напоминают наши охотничьи фляжки. У сосуда с рис. 434 нет ручек, и он украшен четырьмя выступами, похожими на груди; другие две – с двумя ручками. Бутылку с рис. 435 украшена вокруг горлышка выпуклой полосой, орнаментированной вертикальными насечками. Терракотовые бутылки аналогичной формы, найденные в древних египетских гробницах, хранятся в египетских коллекциях Британского музея и Лувра. Коллекция кипрских древностей в Британском музее также содержит множество образцов подобной формы, но с несколько более длинным носиком. В ассирийской коллекции Британского музея также есть значительное количество подобных терракотовых бутылей, найденных в Нимруде и других местах.

Рис. 434–436. Плоские кувшины в форме охотничьих фляжек. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

На рис. 437, а также рис. 438 – сосуды для смешивания вина (кратеры, у Гомера – «кретеры», κρητήρες). Оба сделаны вручную; у первого – две, у второго – четыре ручки; оба из грубого материала, но слегка отполированы и обожжены более, чем это бывает обычно. Сосуды для смешивания вина, как на рис. 437, встречаются довольно часто; однако такие большие, как на рис. 438, попадаются так редко, что я собрал их только восемь.

Рис. 437. Сосуд для смешивания вина (кратер) с двумя ручками. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

Рис. 438. Большой сосуд для смешивания вина (кратер) с четырьмя ручками, 1 фут 9 дюймов в диаметре. (1:9 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Сосуды для смешивания вина были во всеобщем употреблении в античные времена; ибо древние – которые были мудрее, чем мы, – пили вино всегда только смешанным с водой⁴.

⁴ Мы видим, что чистое вино (οἶνος ἄκρατος) в гомеровских поэмах используется только для возлияний; так в II. II. 341 и IV. 159: Вин возлиянье и рук сопряжение на верность обета. Римляне, безусловно, иногда пили *nequit* (несмешанное вино. – *Пер.*). Я не буду спорить с тем, что греки могли в позднейшие времена иногда использовать ἄκρατος. Г-н Филип Смит сделал следующее остроумное замечание: «Пить вино, не смешанное с водой, было само по себе знаком неумеренности,

Мы находим, что слово «кратер» упоминается в «Илиаде» четырнадцать раз⁵, в том числе три раза во множественном числе. Однако, поскольку терракотовые сосуды для смешивания вина были слишком дешевы и обычны для героев, поэт должен был иметь в виду металлические кратеры, а именно золотые, серебряные или, может быть, бронзовые или медные; поскольку однажды он ясно говорит, что Ахилл, держа в своей руке кубок с двумя ручками (δέπας #μικύπελλον), всю ночь лил на землю вино из золотого сосуда для смешивания вина (кратера) и увлажнял ее возлияниями⁶. В другой раз поэт заставляет Ахилла сделать серебряный кратер призом для победителя состязаний в беге на погребальных играх⁷. Третий раз у него Гектор приказывает глашатаю Идею принести из Трои блестящий сосуд для смешивания вина (κρητήρα φαεινόν) и золотые кубки⁸. Итак, не может быть сомнения в том, что и в этом случае кратер был металлическим, но мы можем сомневаться в том, что это был за металл; поскольку это могла быть просто бронза или медь. Я нахожу, что слово «кратер» также используется двенадцать раз в «Одиссее», где Одиссей получает серебряный кратер в качестве подарка от жреца Исмара⁹; одна из служанок Цирцеи смешивает вино в серебряном кратере¹⁰; и Менелай дарит Телемаху серебряный кратер с позолоченным ободком¹¹. Сосуд для смешивания стоял на треножнике в дальнем углу большого зала для мужчин¹². Семпер пишет¹³: «Геродот различает лесбийский кратер от аргонидского, но подробно описывает только последний. Он был украшен кругом выступающими головами грифонов и стоял на трех коленопреклоненных колоссах из бронзы, в семь локтей высотой¹⁴. Кроме них, упомянуты как отдельные разновидности лаконские и коринфские треножники. Сосуды для смешивания вина с тремя ножками, изображавшими колоссов, как те, что были посвящены Гере в храме на Самосе и описаны Геродотом, представлены на египетских рельефах. Небольшая этруская глиняная модель также изображает подобные роскошные сосуды, которые были в древности во всеобщем употреблении».

любопытным образом объединяя два слова совершенно разного происхождения – ἀκράτος οἶνος (несмешанное вино. – *Пер.*) и ἀκράτος ἀνὴρ (необузданный муж. – *Пер.*), который пил его».

⁵ Я считаю своей приятнейшей обязанностью самым сердечным образом поблагодарить здесь моего досточтимого друга г-на Гая Лашингтона Прендергаста за те огромные услуги, которые он оказал науке, составив словарь-конкорданс к «Илиаде» (*Prendergast G.L. Concordance to the Iliad of Homer. London, 1875*) – удивительную по своей полноте научную работу. Тринадцать долгих лет он работал над этой великой книгой, и единственной причиной, побудившей его к этому труду, было лишь восхищение Гомером и желание способствовать распространению всеобщей любви к его божественным поэмам. Г-н Прендергаст не мог лучше показать благородство своих целей и свое бескорыстие, как опубликовав плод своих длительных трудов не для продажи. Он великодушно преподносит его в подарок тем, кто изучает Гомера, или тем, кто сделал целью своей жизни доказать, что его божественные поэмы основаны на реальных фактах. Пусть же кто-нибудь последует благородному примеру г-на Прендергаста и сделает то же самое и для «Одиссеи»!

⁶ ...И всю ночь Ахиллес быстроногий, Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого, Окрест костра возливал и лицо орошал им земное. (II. XXIII. 218–220)

⁷ Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды: Первая – серебряный, пышный сосуд, шестимерная чаша... (II. XXIII. 740–741)

⁸ ...Нес совокупно Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки златые... (II. III. 247–248)

⁹ Дал серебрелитную дивной работы кратеру... (Od. IX. 203)

¹⁰ Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным, Сладким вином; на столы же поставили кубки златые. (Od. X. 356–357)

¹¹ Дам пировую кратеру богатую; эта кратера Вся из серебра, но края золотые, искусной работы... (Od. IV. 615–616.)

¹² Жертвогатель их был он и подле кратеры на самом Крае стола за обедом садился... (Od. XXI. 145, 146)... С своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать... (XXII. 332, 333) Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно К сыну Лаэртovu дивный певец подбежал... (XXII. 340, 341)

¹³ *Semper G. Keramik, Tektonik, Stereotomie, Metallotechnik. Munchen, 1879. S. 16.*

¹⁴ «...Они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на лесбосские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше... Самосцы посвятили богам десятую часть своей прибыли – 6 талантов – и велели изготовить медный сосуд вроде аргонидского кратера. Вокруг чаши по верхнему краю был словно венец из голов грифонов. Этот-то сосуд они принесли в дар в храм Геры, установив его на подпорках в виде трех огромных коленопреклоненных бронзовых статуй в 7 локтей высотой» (*Геродот. IV. 61, 152*).

На рис. 439 – темно-желтый терракотовый сосуд в форме бочонка с коротким носи-ком. Похожий терракотовый сосуд в форме бочонка можно увидеть на изображении темно-коричневого треножника (рис. 440), носик у которого соединен ручкой с бочонком. Похожие терракотовые сосуды в форме бочонка можно видеть в коллекции кипрских древностей в Лувре и Британском музее; но, за исключением Кипра, подобные сосуды, как я полагаю, не были найдены больше нигде. Г-н Филип Смит заметил мне, что «такие маленькие бочки (именуемые деревянными бутылками) обычно берут на сенокос и жатву английские фермеры и наполняют их пивом или сидром; сейчас их делают из полированного дерева, как фляжки для туристов».

Рис. 439. Любопытный терракотовый сосуд в форме бочки из царского дома. (1:6 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 440. Любопытный сосуд-треножник в форме бочонка. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

На рис. 441 – коричневый сферический сосуд-треножник, тулово которого разделено прочерченными линиями на пять больших и пять маленьких полей, перемежающихся в правильном порядке. Все большие поля заполнены точками. Горлышко сосуда имеет только $\frac{1}{3}$ дюйма в диаметре. Я предполагаю, что этот маленький и изящный троянский треножник мог использоваться дамами для хранения ароматного масла, которое, как мы знаем из Гомера, использовали после бани. Он не мог употребляться как лампа – во-первых, потому, что он не приспособлен для такого использования; и, во-вторых, потому, что лампы были, судя по всему, полностью неизвестны в Греции и в Малой Азии до VI века до н. э. Не говоря уже о лампах доисторических городов, я не нашел никаких следов ламп даже в архаических слоях

эллинского, или эолийского, Илиона. Терракотовых ламп действительно много в слое руин Нового Илиона, но они почти все, видимо, принадлежат к римскому времени; едва ли среди них есть хоть одна, которая могла бы относиться к македонскому периоду. Фактически даже в Греции я никогда не видел терракотовой лампы, которую археологи могли бы отнести к более глубокой древности, чем V век до н. э. Безусловно, в течение всей Античности до V века до н. э. люди использовали для освещения факелы. Мы находим упоминание о них у Гомера¹⁵ по случаю свадьбы, которую Гефест изобразил на щите Ахилла. Возможно, они представляли собой не что иное, как просто лучины из сосны или другого смолистого дерева, которые у поэта называются δαῖδες (от δαίω); отсюда слово δῆς, обозначающее «факел». Для освещения домов использовали жаровни или светец (λαμπτήρες), о которых говорится, что три таких стояли во дворце Одиссея и в них горело сухое дерево¹⁶.

Рис. 441. Шарообразная ваза-треножник с прочерченным орнаментом. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

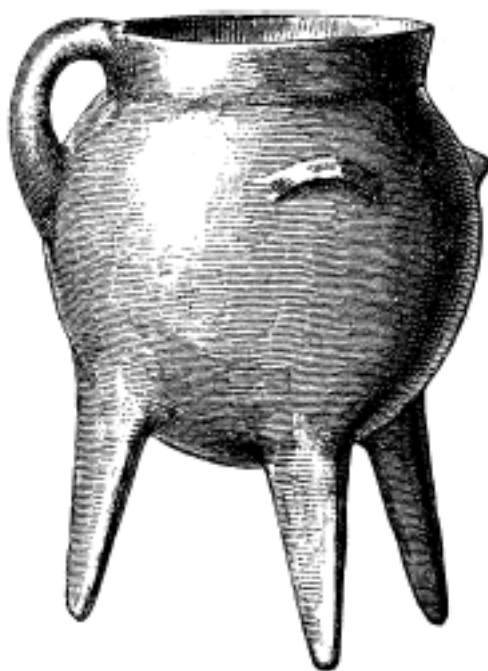

Рис. 442. Сделанный на гончарном круге сосуд-треножник с ручкой и двумя выпуклыми украшениями в форме ушек

На рис. 443 я воспроизвожу большую блестящую темно-коричневую вазу с носиком на тулове и двумя ручками. Поскольку носик находится на нижней части тулова, то я не могу

¹⁵ Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают. (II. XVIII. 492, 493)

¹⁶ Три посредине палаты поставив жаровни, наклали много поленьев туда, изощренной нарубленных медью, мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых факелов к ним подложивши. (Od. XVIII. 307–310)

объяснить использование этой вазы иначе, нежели предположив, что ее ставили под источник, вода из которого лилась через горлышко в вазу, и что «жаждущие души» прикладывали свои уста к маленькому носику, чтобы пить.

Рис. 443. Ваза с двумя ручками и носиком. (1:7 натуральной величины. Найдена на глубине 23 фута)

Небольшой желтый треножник-кувшин (рис. 444) снабжен двумя ручками в форме рогов и носиком на верхней части тулова. Я предполагаю, что этот сосуд, поскольку он довольно небольшой, мог служить бутылочкой для кормления ребенка. Единственным его украшением являются две прочерченные линии вокруг горлышка.

Рис. 444. Ваза-треножник с двумя ручками типа рожков и носиком на тулове. (Натуральная величина. Найдена на глубине 26 футов)

На рис. 445 – блестящий желтый кувшин с горлышком-трилистником, одной ручкой и носиком на тулове. Весьма любопытна красная чаша с рис. 446 в форме корзины с ручкой

над горлышком и носиком на нижней части тулова. Терракотовый сосуд с подобной ручкой над горлышком и носиком на тулове я нашел во время раскопок в Тиринфе. Он хранится в музее Микен в Афинах. Точно так же любопытна маленькая светло-красная ваза (рис. 447), у которой на одном боку есть большой носик. Все эти три последних сосуда не могли, по моему мнению, служить ничем иным, кроме как бутылочками для кормления детей. Похожие терракотовые сосуды с носиком на тулове часто встречаются в гробницах Кипра, а также в древних египетских погребениях, и их можно видеть в коллекциях кипрских и египетских древностей Лувра и Британского музея; в последнем также хранятся два похожих сосуда, найденные в гробнице в Иалисе на Родосе.

Рис. 445–453. Бутылочки для кормления детей, чаши и т. д. (1:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 19 до 26 футов)

На рис. 448 – небольшой кувшин без ручки. Кувшины подобной формы, сделанные вручную, были найдены в Сихаломе, в Венгрии, и выставлены под № 15–18 в стеклянной витрине IX в Национальном музее в Будапеште. Сделанные на гончарном круге кувшины такой формы найдены также в Голландии и, как сообщил мне профессор Вирхов, весьма обычны в Лужице (Лаузиц). Рис. 449 – небольшая чаша с двумя ручками; рис. 450 – очень маленькая чаша с большой изогнутой ручкой: две чаши подобной формы, но несколько большего размера находятся в коллекции профессора Вирхова: он обнаружил их в ходе своих раскопок на кладбище Заборово. Рис. 451 – небольшой кувшин: кувшины ручной работы, похожие на этот, найденные в Сихаломе, также находятся в Национальном музее в Будапеште под № 10, 14, 20, 21, в стеклянной витрине IX. Рис. 452 – маленькая ваза-треножник с выступами с отверстиями для подвешивания; рис. 453 – маленькая чаша, как № 11, най-

денная в Сихаломе; рис. 454 – маленькая шарообразная ваза-треножник с двумя точками на тулове.

Рис. 454. Шарообразная ваза-треножник. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 29 футов)

Теперь я перехожу к тарелкам. Почти все они сделаны на гончарном круге и в этом случае всегда лишь слегка обожжены, не отполированы и исключительно грубы; однако встречается также и достаточно большое количество тарелок, сделанных вручную: все такие тарелки хорошо отполированы и обожжены чуть сильнее. Тарелки, сделанные на гончарном круге, всегда имеют желтый цвет глины и в основном довольно мелкие; те, что сделаны от руки, или темно-коричневые, или красные и обычно побольше. У тарелок, сделанных от руки, никогда нет ручек; однако у тех, что побольше, ручной работы, обычно есть одна или две ручки. Рис. 455–460 представляют пять грубых, сделанных на гончарном круге тарелок вместе с большой, сделанной от руки ручкой (на них сверху). Опять-таки рис. 461–468 изображают восемь грубых тарелок, сделанных на гончарном круге.

Рис. 455–460. Неотполированные мелкие и глубокие тарелки из грубой глины с полированной тарелкой ручной работы сверху. (1:5 натуральной величины. Найдены на глубине от 23 до 28 футов)

Рис. 461–468. Неотполированные мелкие и глубокие тарелки из грубой глины. (1:5 натуральной величины. Найдены на глубине от 23 до 28 футов)

Похожие очень грубые неотполированные тарелки, сделанные на гончарном круге, можно увидеть в коллекциях как ассирийских, так и кипрских древностей в Британском музее. Как любезно сообщил мне доктор Йозеф Хампель, они также часто встречаются в раскопках в Мадьяраде в Венгрии. Профессор Вирхов пишет мне, что тарелки той же формы, но с отполированной поверхностью весьма обычны в Германии. Ни на одной из сделанных на гончарном круге троянских тарелок нет следов употребления и износа. Это тем более удивительно, что из-за их грубой работы и хрупкости любой порез ножом оставил бы на них глубокий след. Точно так же, как греки во времена Гомера («к сладостным яствам предложенным руки герои простерли»)^{17*}, так же, конечно, и троянцы не использовали ни ножей, ни вилок, но ели только руками; тем не менее я думаю, что следы длительного использования на тарелках все равно должны были бы быть. Этих сделанных на гончарном круге тарелок очень много: на небольшом плато, образованном внешней и внутренней стенами, которое я обычно называю башней, я нашел на площади 20 квадратных футов 13 целых тарелок и 12 разбитых, которые мне удалось легко сложить. Заслуживает особого внимания то, что эти сделанные на гончарном круге тарелки очень редки в руинах следующего, четвертого города, в котором, с другой стороны, тарелок, сделанных вручную, очень много.

Рис. 469 представляет собой тигель из терракоты на четырех ножках, лишь слегка обожженный, который, как заявил мой друг, прославленный специалист по металлургии доктор Джон Перси, является одним из самых ценных предметов всей моей троянской коллекции. Возможно, он ценит ее так высоко из-за остатков расплавленного металла и блесков золота, найденных на ней. Профессор У. Чандлер Робертс, который тщательнейшим образом осмот-

^{17*} Эта формула неоднократно повторяется у Гомера, например в «Илиаде» (IX. 91, 221 и др.).

рел этот предмет и проанализировал часть содержащегося в нем металла, любезно предоставил мне следующую заметку на этот счет: «Сосуд, судя по всему, глиняный, содержит зерна кварца. Очевидно, он использовался при каких-то операциях, связанных с золотой металлургией, поскольку капли этого металла можно легко разглядеть на внутренней поверхности. Часть сосуда покрыта пузырчатым шлаком и содержит фрагмент карбоната меди, смешанного с кристаллами красной окиси меди. Возможно, что этот похожий на блюдце сосуд был заполнен пеплом от костей и использовался в качестве «пробника» для купелирования золота или серебра; однако мне не удалось обнаружить присутствие никакой примеси свинца, что практически полностью подтвердило бы эту гипотезу».

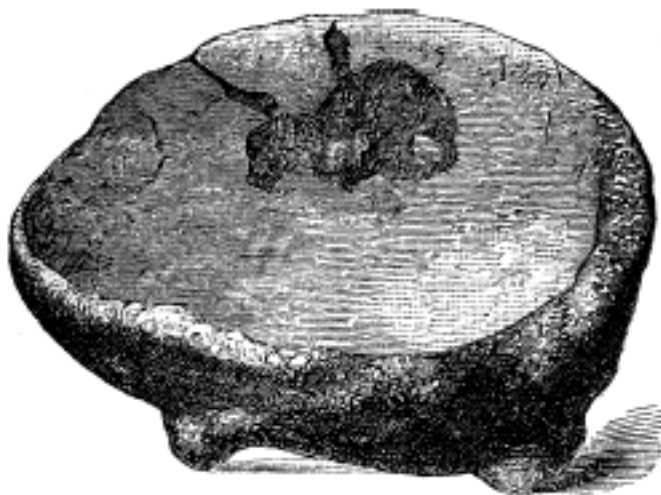

Рис. 469. Глиняный тигель на четырех ножках. Содержит частицы меди и золота, все еще приставшие к поверхности. (Почти половина натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Этот тигель был также сделан из грубой глины, смешанной с навозом, чтобы сделать его прочнее.

На рис. 470 – слегка обожженный тигель, похожий на блюдце, но без ножек.

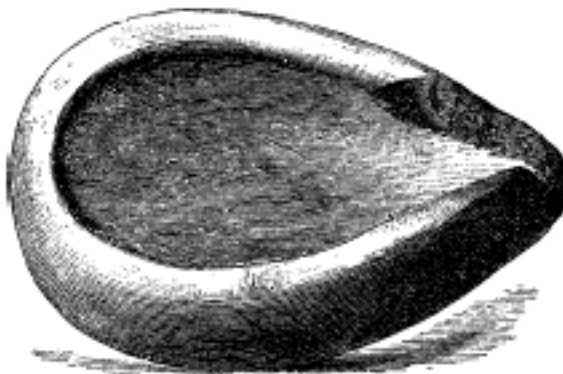

Рис. 470. Глиняный тигель. (Почти половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 471–473 – небольшие, похожие на лодочки чаши из лишь слегка обожженной глины, которые, по мнению доктора Перси и профессора Роберта, также использовались в металлургии, и особенно для очистки золота или серебра. Для этой цели теперь к драгоценному металлу добавляют вчетверо большее количество свинца и оставляют его в огне, пока свинец не испарится. Таким образом, едва ли приходится сомневаться в том, что процесс очистки был практически таким же во все эпохи Античности. Я обращаю особое внима-

ние на форму сосуда с рис. 471. Поскольку он сужается к правому концу, не является ли он копией древнего корабля, причем с каждой стороны четырьмя вертикальными черточками обозначены весла? Сосуд, несколько напоминающий этот, был найден на стоянке Локра на озере Бьенн¹⁸.

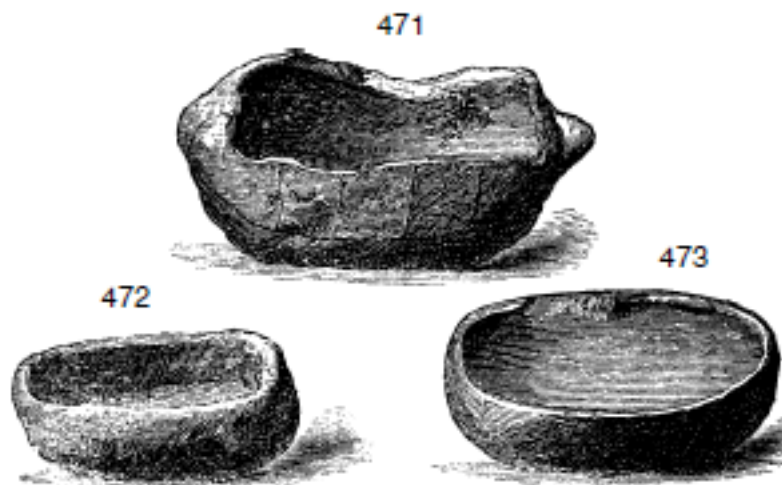

Рис. 471–473. Небольшие, похожие на лодочки чашки из высушенной на солнце глины. (Почти половина натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 26 футов)

Весьма любопытны маленькие терракотовые ложечки (рис. 474 и 475), которые, поскольку они обожжены лишь слегка, также могли использоваться троянскими металлургами. Похожие ложки очень редки в Гиссарлыке; редки они и в других местах. Сломанная ложка похожей формы была найдена в поселении каменного века в Инцигхофене¹⁹. Три других подобных экземпляра были найдены в Дозмате в графстве Ваш и в Тиса-Уге в графстве Хевеш в Венгрии²⁰. Сломанная терракотовая ложка, обнаруженная в Сихаломе, выставлена под № 38 в стеклянной витрине IX в Национальном музее в Будапеште. Две такие терракотовые ложечки были найдены в озерных жилищах каменного века на стоянке Овернье на озере Невшатель²¹ и на стоянке Жерофин на озере Бьенн²². Профессор Вирхов сообщил мне, что ложки из обожженной глины иногда встречаются в древних могилах на востоке Германии.

¹⁸ Gross V. Les dernières Trouvailles dans les Habitations lacustres du Lac de Bienne. Portentruy, 1879. Pl. II, № 11.

¹⁹ Lindenschmidt L. Op. cit. Bl. XXVI, № 1.

²⁰ Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie. Pl. XIII, № 18, 20, 22.

²¹ Gross V. Deux Stations lacustres, Moeringen et Auvernier. Neuveville, 1878. Pl. XII, 4.

²² Gross V. Les dernières Trouvailles dans les Habitations lacustres du Lac de Bienne. Portentruy, 1879. Pl. II, № 12.

Рис. 474, 475. Терракотовые ложки. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 26 футов)

Рис. 476 изображает в половину натуральной величины воронку из слюдяного сланца. Воронки из терракоты той же формы часто встречаются во всех трех верхних доисторических городах в Гиссарлыке; однако данная воронка – единственная каменная воронка, которую я когда-либо находил. Я полагаю, что эти воронки использовались в металлургии. Профессор Сэйс заметил мне, что похожая воронка из терракоты, помеченная кипрскими буквами, была обнаружена покойным г-ном Джорджем Смитом под полом дворца Ашшурбанипала в Куюнджике, и он предполагает, что она использовалась в качестве мерки. Две

воронки из терракоты точно такой же формы, каждая помеченная знаком , были найдены мною в пятом доисторическом городе Гиссарлыка. Они воспроизведены в книге на своем месте²³. Рис. 477 и 478 – большие, хорошо отполированные лощеные воронки из терракоты полушаровидной формы, с отверстиями, напоминающими решето.

Рис. 476. Воронка из слюдяного сланца. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

²³ См. рис. 1338 и 1339.

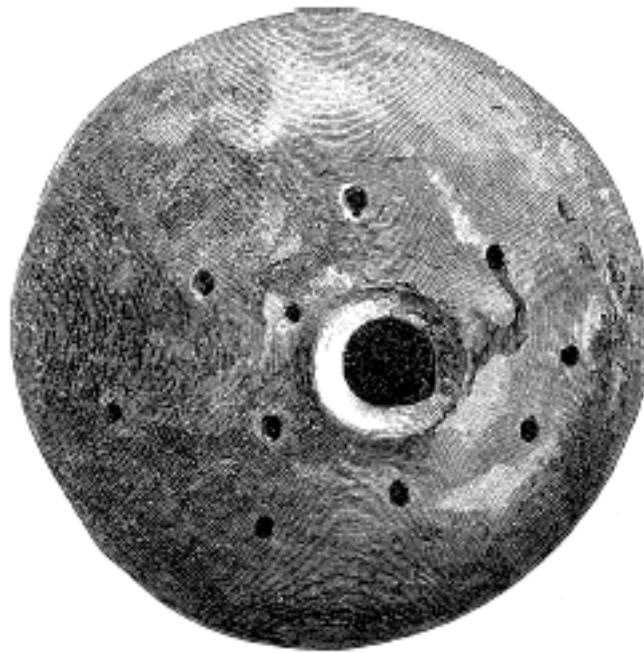

Рис. 477. Большая воронка из терракоты в виде полушария с отверстиями наподобие сита. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

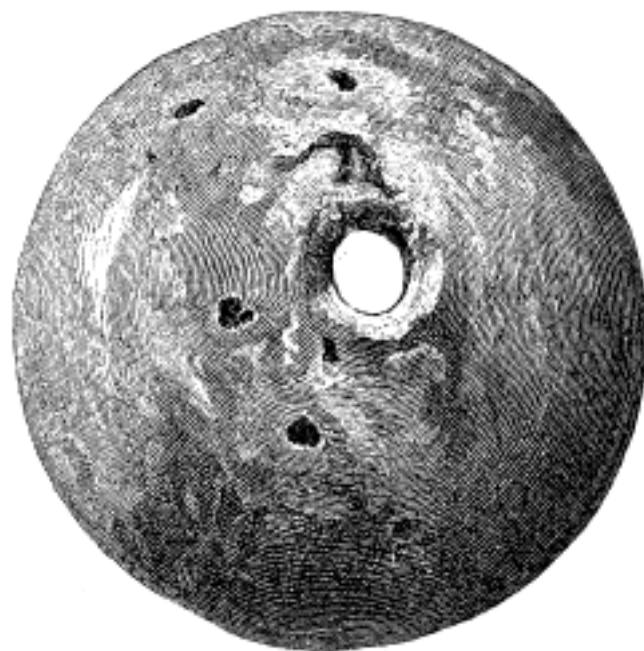

Рис. 478. Большая воронка полушаровидной формы с отверстиями наподобие решета. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

На рис. 479 – сплошной кусок терракоты с отверстием от одного бока до другого; спереди у него два не очень глубоких отверстия в виде глаз. Этот предмет мог служить грузиком для прялки или для рыболовной сети.

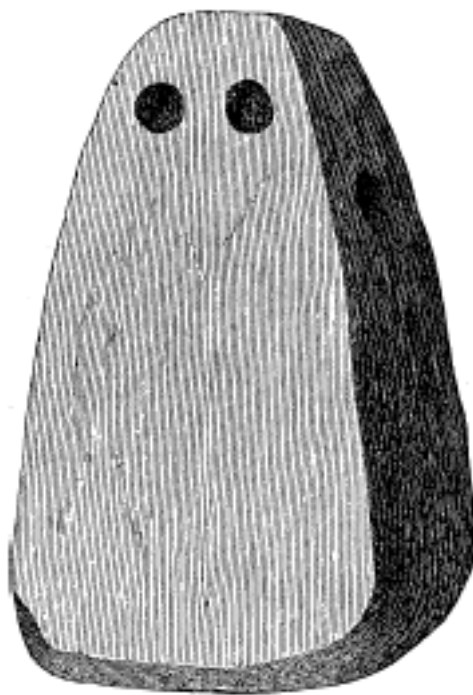

Рис. 479. Фрагмент из терракоты с двумя неглубокими отверстиями спереди наподобие глаз и отверстием от одного бока до другого. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 480 – слегка обожженный предмет из терракоты в форме кубка с отверстиями наподобие решета; он не может быть ничем иным, как курильницей. Два подобных сосуда, которые профессор Вирхов считает курильницами, находятся в его коллекции древностей из Заборова в Позене. Похожие курильницы хранятся в Меркишес-музеуме в Берлине.

Рис. 480. Курильница из слегка обожженной глины в виде кубка с отверстиями наподобие решета. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 23 фута)

На рис. 481 – очень красивый красный лощеный сосуд в форме цветочного горшка. Его плоское дно украшено геометрическим орнаментом и крестом из точек. Гравюра воспроизводит вид сбоку на этот любопытный сосуд; орнамент воспроизведен над ним. Эта крышка от вазы находит свой аналог в том, что мы видим на вазе, найденной близ Губена в Лужице (Sessional Report of the Berlin Society for Anthropology. 21 July, 1877. Pl. XVII, № 5).

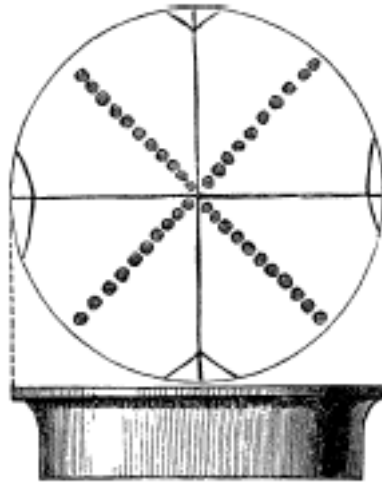

Рис. 481. Сосуд в форме цветочного горшка с прочерченным орнаментом. (1:6 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 482 и 483 фрагменты очень большой красной вазы, украшенной попеременно широкими лентами, наполненными разнообразными черточками и рядами маленьких и больших отпечатков штампов, воспроизводящими рельефные кресты; даже ручки украшены отпечатками с подобными крестами. Эти фрагменты, очевидно, подверглись воздействию очень высокой температуры во время пожара, поскольку они обожжены полностью. Профессор Сэйс заметил мне, что «кружки с крестами в них напоминают вавилонские розетки, любимый вавилонский и хеттский орнамент». Профессор Вирхов заметил мне, что он видел похожий орнамент на терракотовых сосудах, найденных в Болонье.

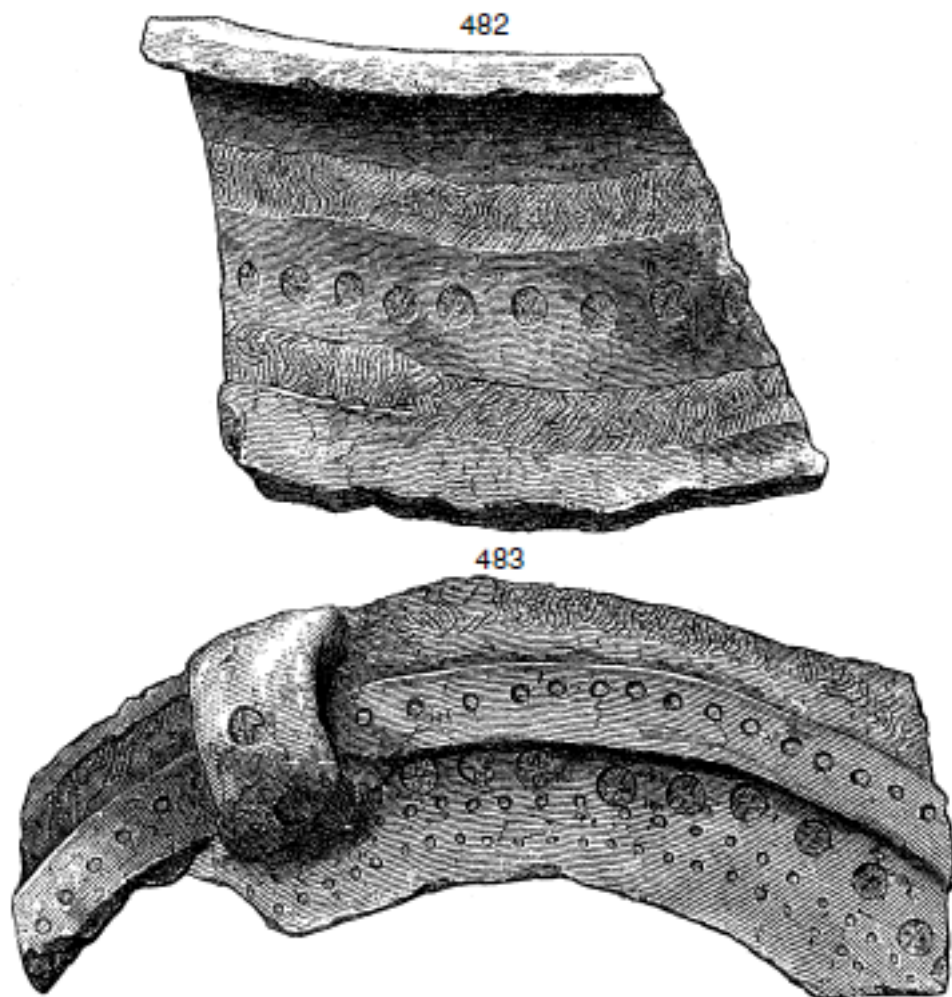

Рис. 482, 483. Фрагменты большой красной вазы с любопытным штампованным орнаментом. (Почти 1:5 натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

Находка с рис. 484 представляет собой фрагмент серой крышки от вазы с прочерченным геометрическим орнаментом, изображающим оленя и еще одно животное – возможно, имелась в виду каракатица; однако профессор Вирхов считает, что первобытный троянский художник хотел изобразить черепаху. Здесь мы также видим орнамент типа растительного; возможно, имелось в виду дерево. Похожий прочерченный орнамент весьма обычен на троянских пряслицах²⁴. Рис. 485 воспроизводит терракотовый волчок; на рис. 486 любопытная погремушка из черной терракоты, украшенная прочерченными линиями; на ручке есть отверстие для подвешивания. В погремушку вложены небольшие кусочки металла; возможно, это детская игрушка. На рис. 487 еще одна погремушка с кусочками металла внутри; как и в другой, в ней нет отверстия. Она сделана в форме женщины, которая сложила руки на груди; головы нет; ожерелье обозначено тремя горизонтальными линиями и орнамент на груди – шестью вертикальными линиями. Хотя она и была найдена на глубине 20 футов, погремушка, безусловно, принадлежит третьему, или сожженному, городу, как и по своему характеру, так и потому, что на ней видны отметины от пожара, в который она попала.

²⁴ См. рис. 1867, 1879–1882, 1885, 1886, 1951 и 2000.

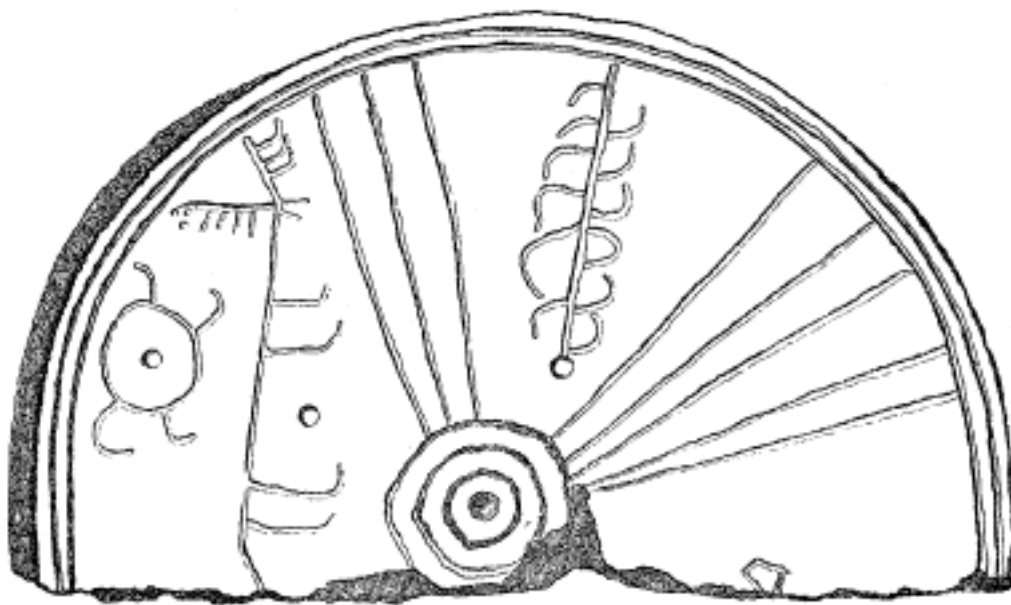

Рис. 484. Крышка вазы из терракоты с прочерченным орнаментом, воспроизводящим дерево, оленя и, возможно, каракатицу. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 485. Волчок из терракоты. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 23 футов)

Рис. 486. Любопытная погремушка из терракоты. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 23 футов)

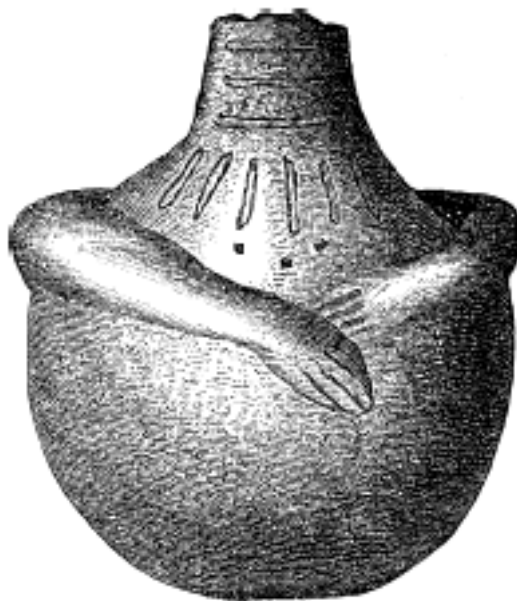

Рис. 487. Погремушка из терракоты в виде женщины; голова отсутствует. (2:3 натуральной величины. Найдена на глубине 20 футов)

Рис. 488 и 489 воспроизводят ручки от щеток из особого вида плотной и очень чистой желтой глины с отверстием для подвешивания; множество небольших отверстий, которые видны в нижней части на рис. 488 и которые есть и на рис. 489, служили для фиксирования щетины или любого другого материала, из которого могла быть сделана щетка. Профессор Ландерер, который очень тщательно рассмотрел эти ручки для щеток, написал мне следующее замечание на данную тему: «Мне удалось извлечь из трех из этих маленьких отверстий остатки какого-то материала, которые, когда их положили в платиновую ложечку и подожгли, пахли не животной, но какой-то растительной материей. Таким образом, я полагаю, что в отверстия вставлялись небольшие стебельки растений вроде тех, которые и сегодня используют в качестве зубочисток, например финикийский венчик; они и составляли собственно щетку. Кроме того, отверстия эти слишком велики для щетины, если только не вставить несколько щетинок в одно отверстие»²⁵.

Рис. 488. Терракотовая ручка троянской щетки с отверстиями, в которые вставлялась щетина. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 33 фута)

²⁵ Это не может служить возражением, поскольку обычные щетки всегда делают, вставляя пучок щетины в одно отверстие.

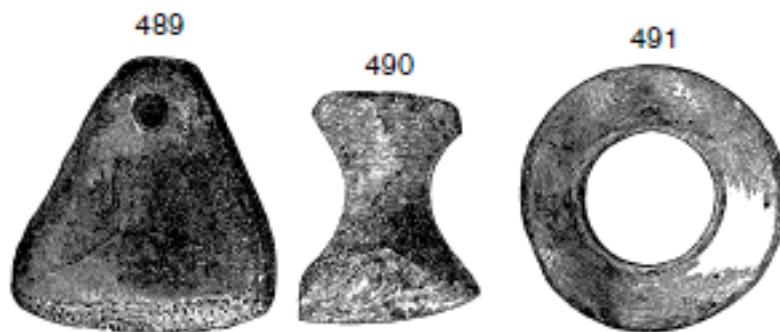

Рис. 489–491. Ручка щетки из сушеной глины, предмет из терракоты и кольцо из перламутра. (1:3 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 32 футов)

На рис. 490 – предмет из слегка обожженной глины, который, возможно, служил для чесания льна. На рис. 491 – кольцо из перламутра.

На рис. 492–499 – восемь печатей из очень слабо обожженной глины. Печать с рис. 492 снабжена ручкой с отверстием для подвешивания на шнурке. Очень любопытны нанесенные на ней знаки, которые напоминают буквы какой-то письменности. Профессор Сэйс заметил мне: «Все знаки представляют один и тот же символ, который по форме идентичен со знаком, который мы видим как в хеттских, так и в кипрских надписях; в последних он читался как *ne*; именно таково могло быть происхождение троянской свастики». На печати с рис. 493 мы видим два креста, из которых один прочерчен, другой выдавлен точками. На рис. 494 прочерчены зигзагообразные линии и несколько прямых линий; образец на рис. 495 опять-таки

украшен прочерченными крестами. На рис. 496 мы видим с ветвями, закрученными в две спирали; на рис. 497 нет ничего, кроме точек; и на рис. 498 прочерченный крест и точки. Мой друг г-н Панагиотес Эвстратидес, генеральный директор древностей в Греции, заметил мне, что образец с рис. 493 мог быть не печатью, а пуговицей или ручкой от крышки вазы. Может быть, оно и так, но все остальные определены печати.

Рис. 492. Печать из терракоты. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

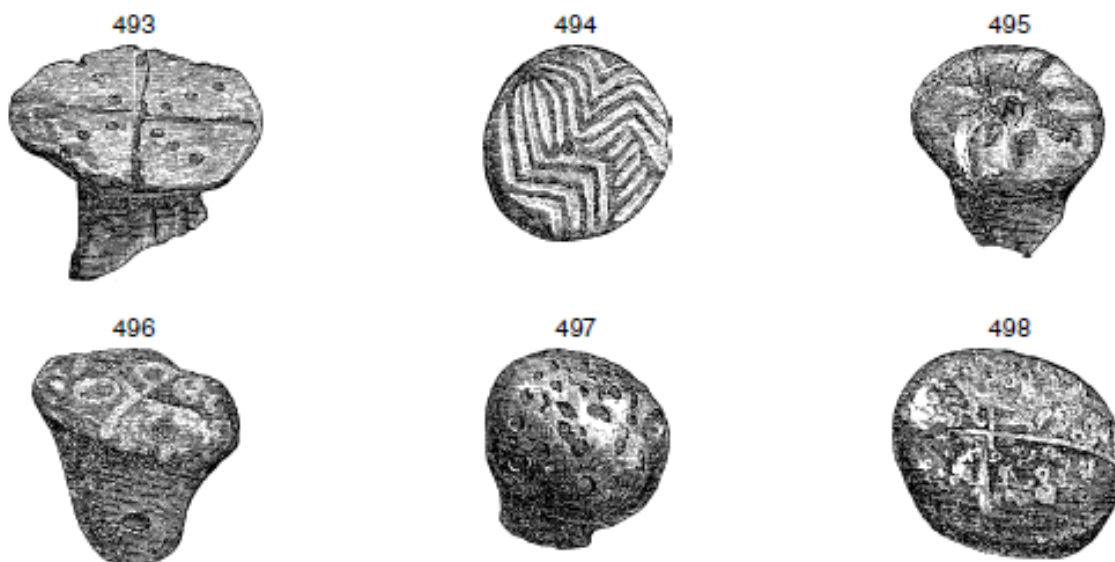

Рис. 493–498. Шесть печатей из терракоты. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 35 футов)

Самая любопытная из всех – это терракотовая печать с рис. 499, в которой есть отверстие для подвешивания. На обеих сторонах ручки прочерчен орнамент в виде елочки, и на третьей стороне, справа от среза, прочерчена надпись, в которой, как говорит профессор Сэйс, «легко можно узнать знаки, которые встречаются также в кипрской слоговой азбуке. Кипрский знак, означающий е, здесь в более древней форме, чем любые знаки, которые можно найти на самом Кипре, выгравирован на штампе печати». Обе надписи, как на ручке, так и на печати, проанализированы профессором Сэйсом в приложении о троянских надписях²⁶. Самую поразительную аналогию к троянским печатям дают терракотовые печати, обнаруженные в ПиLINE в Венгрии²⁷; на них мы видим кружки, звезды, кресты, ромбы и другие геометрические фигуры.

Рис. 499. Терракотовая печать с надписью. (Примерно 1:3 натуральной величины. Найдена на глубине 23 фута)

Рис. 500 и 501 воспроизводят две стороны терракотового цилиндра с отверстием; он украшен прочерченным орнаментом, изображающим дерево, и геометрическим орнаментом. На рис. 502 и 503 все стороны цилиндра из синего полевого шпата; на каждой стороне вырезан двойной цветок, увенчанный с одной стороны полуромбом или наконечником

²⁶ См. приложение профессора Сэйса, где также дана более качественная гравюра с изображением этой печати.

²⁷ Hampel J. Op. cit. Pl. XIII, № 4–9.

стрелы и с другой – знаками (возможно, это имя владельца) внутри картуша²⁸. Он был найден в царском доме. На рис. 504 и 505 я воспроизвожу две двойные прялки в виде волчков; они сделаны из очень высококачественной темно-желтой глины и хорошо отполированы. Волчок с рис. 504 сверху и снизу декорирован прочерченным орнаментом, с рис. 505 – только сверху; возможно, орнамент изображает цветы. Похожие двойные пряслица встречаются нечасто. Я собрал их всего двадцать пять.

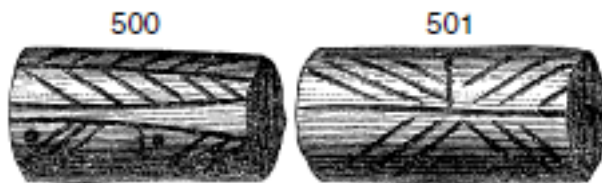

Рис. 500, 501. Терракотовый цилиндр с прочерченным орнаментом из слоя сожженного города. (Половина натуральной величины)

Рис. 502, 503. Резной цилиндр из синего полевого шпата. Из дворца. (Натуральная величина. Найден на глубине 30 футов)

Рис. 504, 505. Двойные пряслица блестящего желтого цвета из слоя сожженного города. (Половина натуральной величины)

Рис. 506—511А, В воспроизводят орнамент семи терракотовых пряслиц. Пряслице с рис. 511 было найдено в царском доме; весьма любопытны изображенные на нем маленькие фигурки, напоминающие лица. Различные формы пряслиц, которые встречаются в третьем, сожженном городе, можно увидеть на литографированных иллюстрациях в конце этой книги на рис. 1806—1808, 1810, 1812 и 1815. Пряслица всех этих форм встречаются действительно в огромнейшем количестве, за исключением образца с рис. 1806: он редок и встречается только неорнаментированным; почти половина всех обнаруженных мной пряслиц имеют прочерченный орнамент, основные примеры которого я даю на иллюстрациях. Глубина, на которой было найдено каждое пряслице, помечена в метрах; таким образом, все те, что помечены от 7 до 10 метров (то есть от 23 до 33 футов) включительно, можно считать собранными в третьем, или сожженном, городе. Среди самых частых узоров – узоры с рис. 1817 и 1818, где изображен крест с большой точкой на каждом конце, и узор с рис. 1820,

²⁸ Более точное воспроизведение этих знаков дано профессором Сэйсом в приложении.

где также фигурирует крест. Узор с рис. 1822 встречается довольно редко, как и с рис. 1825; с рис. 1824 встречается часто. Найден только один образец (рис. 1826), который воспроизводит две свастики и другие непонятные знаки. Однако я должен обратить внимание на сходство верхней фигуры с той, что мы видим ниже, на рис. 1883, где безусловно имелся в виду человек с поднятыми руками. Узоры с рис. 1827 на пряслицах очень часты; те, что на рис. 1830–1832, 1834 и 1836, встретились лишь однажды. Очень частый узор – тот, что на рис. 1833; его идея, возможно, воспроизводит движущееся колесо. Узоры как на рис. 1840, 1841 и 1848 повторяются часто, особенно последний; в третьем городе, а также в двух последующих он встретился несколько сотен раз. Образцы с рис. 1842 и 1843 встречаются лишь однажды; образцы с рис. 1844 – иногда; с рис. 1846 – лишь однажды. Образец с рис. 1853

также встретился лишь однажды; в то время как узоры с – (рис. 1851, 1855 и 1859) очень распространены. Узор как на рис. 1856 был найден множество раз, однако с рис. 1857 и 1860 – только однажды; на последнем, возможно, изображены какие-то знаки письменности.

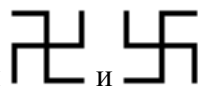
В узоре с рис. 1862 мы опять видим знак , повторяющийся пять раз; здесь изогнуты только его ветви, и центр этого любопытного креста занят кругом с точкой. Этот узор нере-

док. Мы снова видим с его ветвями на спиралях на рис. 1868; этот узор также встречается часто. Знаки с рис. 1869, видимо, знаки письменности, как и с рис. 1870, встречаются

лишь однажды. Узор с рис. 1872, в котором мы видим наряду с горящими алтарями, повторяется множество раз; те, что на рис. 1873–1876 и 1878, – лишь однажды; на всех мы

видим и наряду с другими знаками. Частый узор – на рис. 1877, где мы видим четырех животных; возможно, имелись в виду зайцы.

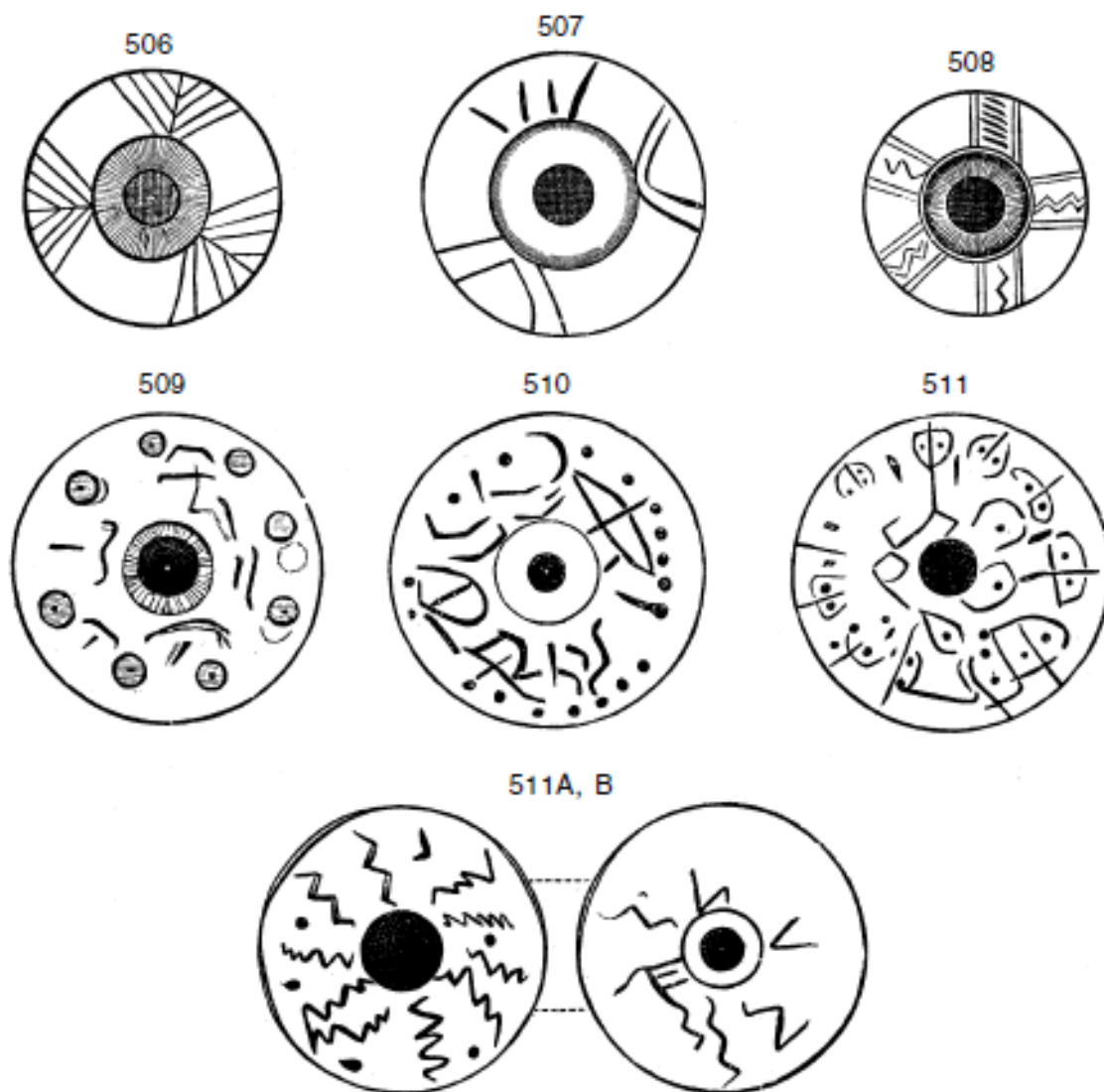

Рис. 506—511A, B. Семь пряслиц из терракоты с прочерченным орнаментом. (Натуральная величина. Найдены на глубине 26 футов)

На рис. 1881 мы видим очень грубое геометрическое изображение трех животных с рогами; возможно, имелись в виду олени. Три оленя, несомненно, также должны быть изображены на любопытном узоре с рис. 1883, хотя у двух из них только три ноги. Похожие очень грубые геометрические изображения оленей или других животных вырезаны на нескольких лицевых урнах, найденных в провинции Поммерель близ Данцига; в основном они хранятся в музее Данцига, другие – в Королевском музее в Берлине.

Полностью аналогичен геометрическим изображениям оленей геометрический рисунок человека с поднятыми руками, который мы видим на том же пряслице с рис. 1883. Похожие геометрические изображения оленей, но с четырьмя ногами видны также и на рис. 1884; пряслица, украшенные этими животными, встречаются часто. Самый грубый рисунок животных, который только можно себе вообразить, виден на рис. 1885; у одного только три ноги, у другого – только один рог. Опять-таки на рис. 1886 мы видим троих четвероногих, нарисованных несколько лучше: у одного из них птичья голова, вполне сносная; рога, судя по всему, только у одного.

Узоры на пряслицах (рис. 1887, 1888, 1890 и 1891) встречаются часто. Узор на рис. 1892 уникален; узоры с рис. 1893 и 1896 очень распространены. На рис. 1894 первобытный резчик, несомненно, пытался изобразить четыре свастики, однако одна из них у него не полу-

чилась. Любопытный узор – с рис. 1897, с его треугольниками и пятнадцатью зигзагообразными линиями; далее, интересны узоры с орнаментами типа растительных (рис. 1898–1901, 1903 и 1904). Похожий штампованный узор, как мы видим, вырезан на плитах местного нижнесилурийского песчаника внутри гробницы Оллама Фодлы²⁹, знаменитого монарха и законодателя Ирландии, где мы также находим орнамент, представленный на верхнем и нижнем поле рис. 1907 и на верхнем поле рис. 1908. Пряслица редко бывают орнаментированы более чем с одной стороны; однако образец на рис. 1902 украшен с обеих сторон – на одной прочерченным цветочным орнаментом, на другой – насечками в форме полумесяцев. На верхнем поле рис. 1909 показан пламенеющий алтарь; мы опять-таки видим четыре таких горящих алтаря на рис. 1914, еще шесть – на рис. 1913, пять – на рис. 1915, три – на рис. 1916. На рис. 1912 мы опять видим (повторенным пять раз) тот любопытный знак письменности, который покойный ориенталист Мартин Хауг из Мюнхена прочел как *si*. Рис. 1919

сплошь орнаментирован зигзагообразными линиями; здесь также есть одно и одно

. Нет никаких примеров точного повторения где-либо узоров на каком-либо из следующих предметов: рис. 1918–1922. На рис. 1921 мы опять видим зигзагообразные линии, как и на рис. 1923; этот узор, а также узор с рис. 1925 встречается множество раз, как и узор с рис. 1924, где мы опять видим горящий алтарь. Образец на рис. 1926 украшен зигзагообразными линиями и крестами. Узоры с рис. 1927 и 1932 попадаются очень часто; с рис. 1930 – много раз, как и с рис. 1933. Образцы на рис. 1934–1936 и 1938 встречаются только однажды. На последнем пряслице мы опять видим, по доктору Хаугу, букву *si*. Я обращаю особое внимание читателя на прекрасный орнамент с рис. 1940, который встречается много раз, а также с рис. 1945, который встречается только раз. Образцы на рис. 1941, 1943 и 1944 встречаются часто; узор с рис. 1942 больше не встретился. Очень любопытен узор с рис. 1946, где мы

видим горящий алтарь, , солнце, четыре точки и черточки. Этот узор, а также узор с

рис. 1948 и 1947 (в последнем мы также видим две и одну) встречается лишь однажды. Знаки с рис. 1949, где мы опять видим зигзагообразную линию, возможно символ

 молнии, и встречаются множество раз; орнаменты с рис. 1950 также попадаются часто. Есть только по одному примеру узоров с рис. 1956 и 1959, которые имеют форму диска, и с рис. 1957. Орнамент с рис. 1958 встречается часто, как и с рис. 1964, где мы видим три цветка, но только на одной стороне. Образцы на рис. 1961–1963 встречаются лишь однажды. Орнамент с рис. 1966, 1968, 1969 и 1971 встречается только однажды; орнамент с рис. 1968 весьма замечателен, поскольку на нем весьма схематично изображены пять птиц со очень длинными шеями и клювами. Едва ли приходится сомневаться в том, что здесь первобытный художник пытался изобразить *аустов*, которые в троянскую эпоху должны были точно так же изобиловать в Троаде, как и теперь.

Но еще более интересна фигура, которую мы видим на рис. 1971; если сравнить ее с той, что изображена сверху на рис. 1826, и с фигурой на нижней части рис. 1883 – а последняя не может быть ничем иным, кроме схематично изображенного человека, – то мы можем быть вполне уверены, что и здесь должен быть изображен мужчина с поднятыми руками, его ноги обозначены двумя косыми линиями. Какими бы грубыми и даже жуткими ни были эти

²⁹ Conwell E.A. Op. cit.

изображения наших братьев-людей, они представляют огромный интерес для нас, если мы увидим в них предтечу шедевров искусства эпохи Перикла. Но мы уже видели, что троянцы вполне могли слепить из глины сравнительно неплохие изображения людей и животных (см. рис. 190, 191, 226 и 333–340); почему же они чертили на своих пряслицах такие жуткие фигуры людей и животных, фигуры, которые своей грубостью превосходят грубейшие каракули дикарей в Африке? Есть ли какие-то аналогии между этим кошмарным искусством и другими ремесленными изделиями троянцев? Если мы посмотрим на керамику – грубую, но все же симметричной формы – или взглянем на множество золотых украшений, в которых видно так много художественного мастерства и которые могли быть только работой художественной школы, просуществовавшей много веков, – возможно ли предположить, что люди, столь далеко продвинувшиеся по пути цивилизации, могли бы сделать такие, грубейшие из грубых, изображения людей и животных, если только эти последние не были условными фигурками, которые должны были служить вотивными приношениями богу-покровителю, фигурками, освященными употреблением в течение веков? Это предположение, как кажется, определенно подтверждается самими фигурками: все они одинаково ужасны. Действительно, по-другому эту аномалию никак нельзя объяснить, поскольку если бы это объяснение было неправильным, то по крайней мере была бы какая-нибудь разница в стиле фигурок: некоторые из них могли бы быть плохими, другие – получше, и третьи – сравнительно терпимыми. Но точно так же, как обитатели четырех верхних доисторических городов с горячим благочестием были привержены к изготовлению традиционных и условных отвратительных совиных голов на своих священных вазах, с таким же горячим благочестием они были привержены и к традиционным и условным процарапанным изображениям жутких человечков и отвратительных фигурок животных на своих вотивных приношениях богине-покровительнице. По меньшей мере, мне кажется, что это единственный способ объяснить эти странные факты, для которых нигде нет никаких аналогий.

Пряслице с рис. 1970 было найдено на глубине 12 метров, или 40 футов и, таким образом, может принадлежать ко второму городу. Но его узор встречается также и в третьем и четвертом городах. Узоры с рис. 1974 и 1975 встретились только однажды: я обращаю внимание читателя на любопытный знак на последнем, который может быть письменным знаком. Мы опять видим этот знак письменности, *si Хауга*, на рис. 1976. Два узора с рис. 1977, а также с рис. 1978, которые изображают цветок, встречаются очень часто; то же самое можно сказать о тех, что мы видим на рис. 1979 и 1981. Узор с рис. 1980 с зигзагообразными линиями встречается много раз. На рис. 1982 мы снова видим три свастики. Одним из наиболее обычных узоров является тот, что нанесен на рис. 1985. Рис. 1986 воспроизводит терракотовый шарик с кружком на каждом «полюсе» и зоной вокруг экватора, в которой мы на обеих сторонах видим круглую канавку; две канавки соединены кривой линией; кроме того, весь шарик орнаментирован точками. Похожие шарики, но без канавок и кривых линий встреча-

ются очень часто. На узоре на рис. 1987 мы видим помимо обычных кривых линий с изогнутыми ветвями, которые выходят из крута в центре. Похожий орнамент есть на пряс-

лице с рис. 1989, но здесь ветви у прямые; узор на этом последнем пряслице вполне обычен. Орнамент точно как на рис. 1988 – с двумя свастиками, тремя изогнутыми линиями и тремя рядами точек – встречается только однажды. То же можно сказать и об узоре на пряслице с рис. 1992, где мы видим несколько спиралей и тринадцать пучков из трех линий, перечерченных линиями из пяти точек в каждом. Очень замечательны знаки, которые мы видим на пряслице с рис. 1994; некоторые из них могут быть знаками письменности; однако если мы вернемся на несколько страниц раньше, то опять снова легко узнаем в большом

знаке справа схематичное грубое изображение человека с поднятыми руками и ногами, протянутыми направо и налево; данное изображение человека оказалось более удачным, чем в уже описанных трех образцах, так как оно гораздо более симметрично. На пряслице с рис. 1996 изображены знаки письменности, которые будут объяснены в приложении о троянских надписях. Узор, который мы видим на пряслице с рис. 1995, весьма обычен.

Самым замечательным из всех найденных терракотовых шариков, безусловно, является рис. 1997, который я уже обсуждал выше³⁰. Здесь на виде *b* мы видим два больших совиных глаза с четко обозначенными бровями, как и на многих идолах и нескольких «совиных» вазах; клюв показан черточкой, которая спускается вертикально от промежутка между глазами; слева от совиного «лица» мы видим (вид *a*) колесо с шестью спицами; справа от совиного «лица» (вид *c*) расположен большой круг с маленьким и под кругом, между ним и вертикальной чертой, еще один небольшой круг; сзади – несколько вертикальных черт, видимо, как на многих идолах, изображают женские волосы. Эти волосы не представлены на гравюре; все остальное можно видеть на видах *a*, *b*, *c*, а также на подробном рис. 1998 под ними. Возможно, совиное «лицо» – это символ утра, восстающего между солнцем, представленным колесом и луной, показанной концентрическими кругами, под которой небольшим кружком обозначена утренняя звезда?

Очень любопытен также и терракотовый шарик с рис. 1999, который прочерченными линиями разделен на восемь полей; его развертка показана на рис. 2000; на одном из полей

мы видим , на другом – дерево, и во всех – группы точек. Профессор Сэйс заметил мне, что, судя по аналогии с вавилонскими цилиндрами, последнее может изображать планеты или звезды.

Все пряслица снабжены отверстиями; и хотя они сделаны из одной и той же грубой глины, смешанной с толченой слюдой, кварцем и кремнеземным камнем, при этом они хорошо отполированы и, очевидно, перед обжигом неоднократно облицованы в штукатурке из высококачественной глины; поэтому у них в основном лощеная поверхность. Они бывают красного, желтого, черного или зеленого цвета. Все пряслица третьего города, которые подверглись воздействию очень высокой температуры во время пожара, хорошо обожжены, и в основном их немедленно можно узнать по цвету; но даже и в других доисторических городах можно найти великое множество тщательно обожженных пряслиц, что совершенно неудивительно, поскольку из-за их небольшого размера огонь мог достичь их со всех сторон. Но в основном пряслица других доисторических городов, как и вазы, обожжены только наполовину. Глина у многих из тех, что обожжены хорошо, и особенно у черных, так плотна, что каждый думает, что это камень.

Все то же самое можно сказать и о шариках. Орнамент обычно прочерчен острым или заостренным инструментом из кости, дерева или кремня перед первым обжигом и заполнен белым мелом так, что узор бросается в глаза. На многих пряслицах и шариках этот белый мел из узора уже исчез; однако поскольку на многих сотнях пряслиц мы видим, что орнамент заполнен белым мелом, то можно с очень большой долей вероятности предполагать, что все орнаментированные пряслица были украшены именно так. Но мы часто видим пряслица с уродливыми царапинами, которые могли бы быть сделаны только после обжига заостренным куском кремня. На многих пряслицах прочерченный орнамент замечателен своим изяществом и симметрией, как, например, на рис. 1825, 1895, 1902, 1921, 1940 и 1945; однако в общем и целом он так же груб, как если бы это была первая попытка первобытного художника заняться изготовлением инталий.

³⁰ См. Кн. 1. С. 486.

Все рисунки пряслиц и шариков были сделаны месье Бюрнуфом и его высокообразованной дочерью, мадемуазель Луизой Бюрнуф, которым здесь я приношу свою глубочайшую благодарность. Все пряслицы и шарики представлены в натуральную величину. Что касается нескольких пряслиц, для которых не показана глубина в метрах, то в этих случаях она неизвестна.

Для чего именно использовалась эта действительно громадная масса пряслиц – проблема, еще не решенная учеными окончательно, но поскольку практически все они так хорошо сохранились и поскольку лишь сравнительно немногие из них несут на себе следы какого бы то ни было использования, то я предполагаю, что все они или, по крайней мере, декорированные служили приношениями богине-покровительнице города, илионской Афине Эргане, чей Палладий, как уже говорилось, якобы упал с неба, с прялкой в одной руке и копьем – в другой.

Пряслиц из стеатита с отверстиями было найдено всего около пятидесяти, и из них только на одном есть узор из прочерченных кружков; в то время как, я уже говорил, орнаментированных и неорнаментированных пряслиц из терракоты я собрал более 18 тысяч. Во время моих раскопок в Микенах было найдено несколько сотен каменных пряслиц, в основном из стеатита, и только пять неорнаментированных из терракоты. Небольшие терракотовые диски диаметром от $1\frac{3}{4}$ до 3 дюймов, несколько сотен которых было найдено во всех пяти доисторических городах Гиссарлыка, видимо, служили веретенами. Поскольку толщиной они только в $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ дюйма и слегка вогнутые, то нет никаких сомнений в том, что все они были вырезаны из разбитой керамики. У всех в центре есть отверстие. Похожие диски, обнаруженные в Сихаломе в Венгрии, можно увидеть в стеклянной витрине IX, № 2 и 4 в Национальном музее в Будапеште. Похожие диски также были найдены в Пилине³¹ и в германских погребениях³². Мы можем сравнить с ними также так называемые «угольные деньги» из Киммериджа.

Я должен еще описать исключительный предмет с рис. 1809, который представлен в конце этой книги в половину натуральной величины. Он блестящий, желтого цвета, снизу совсем плоский; у него вертикальная ручка, украшенная прочерченным рисунком дерева и цветка. Рядом с ручкой справа есть отверстие, в которое можно вставить руку; таким образом, я полагаю, что этот инструмент мог использоваться для полировки новой и все еще не обожженной посуды.

Наконец, из различных глиняных предметов из третьего, сожженного города я воспроизвожу на рис. 512 совок, лишь слегка обожженный, с отверстием в виде трилистника и небольшой ручкой; на рис. 513 – небольшую чашку из очень грубого материала, не отполированную и лишь слегка обожженную; чашка похожей формы, найденная в гробнице в Корнето, находится в Королевском музее в Берлине. Рис. 514 представляет собой крышку от вазы весьма замечательной и уникальной формы: она из массивной желтой глины, не отполирована и несет на себе следы сильного жара, воздействию которого она подверглась в пламени пожара. Ее нижняя часть вставлялась в вазу, как пробка, так что выдающаяся верхняя часть полностью закрывала горлышко и запирала его почти герметически весом крышки, который превышает 3 фунта. Похожую крышку вазы мы видели на рис. 304, однако у этой последней вся нижняя часть была полушаровидной формы и полая. Эти две крышки или пробки для ваз (рис. 304 и 514) находят себе аналогию в уже описанных крышках ваз, обнаруженных в Сихаломе в Венгрии и выставленных под № 26 и 27 в стеклянной витрине IX в Национальном музее Будапешта.

³¹ *Hampel J.* Op. cit. Pl. XIII, № 37.

³² Похожие диски хранятся в Меркишес-музеуме в Берлине, в Коллекции древностей великого герцога в Шверине и в других местах.

Рис. 512. Совок из обожженной глины. (Половина натуральной величины. Найден на глубине от 23 до 26 футов)

Рис. 513. Небольшая чаша из обожженной глины. (2/3 натуральной величины. Найдена на глубине от 23 до 26 футов)

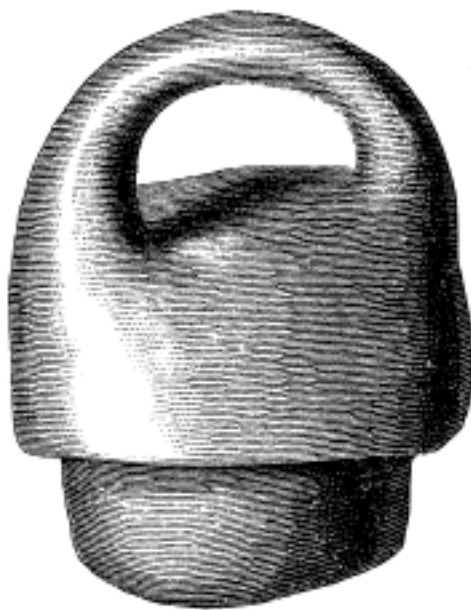

Рис. 514. Любопытная крышка от вазы из обожженной глины. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине от 23 до 26 футов)

На рис. 515 я воспроизвожу любопытный предмет из терракоты с четырьмя ножками и прочерченным линейным орнаментом; он сплошной и мог служить вотивным приношением. На рис. 516 я воспроизвел деревянную рыбу, найденную в сожженном доме на глубине 26 футов; как она могла не сгореть – совершенно необъяснимо. С обеих сторон ее голова блестящего черного цвета, туловище – блестящего желтого; оба этих цвета могут произойти

от высокой температуры во время пожара. Чешуя грубо обозначена маленькими ромбиками, изображенными с помощью перекрещивающихся линий. Рыба похожа на карпа, однако в Троаде карпы не водятся, и поэтому вызывает сомнение, действительно ли первобытный художник пытался изобразить именно этот вид. Но какой бы грубой ни была эта деревянная рыба, она – настоящее произведение искусства, если сравнить ее с уже рассмотренными выше изображениями людей.

Рис. 515. Предмет из цельной терракоты с четырьмя ножками и прочерченным линейным орнаментом. (Натуральная величина. Найден на глубине 30 футов)

Рис. 516. Деревянная рыба. (7:8 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

На рис. 517 – весьма любопытный предмет из слоновой кости, найденный в большом доме рядом с воротами. Он изображает грубо вырезанную свинью, припавшую к земле; ее задние ноги поджаты и находятся под телом, передние – под головой. Изображение с обеих сторон одинаковое; оно живо напоминает нам о золотых львах Микен³³, хотя эти последние, безусловно, показывают больше художественного искусства. Задняя часть нашей фигурки из слоновой кости переходит в нечто похожее на рыбий хвост, снабженный чем-то вроде вертикального отверстия длиной 0,7 дюйма и действительно проткнутый, что заставляет нас предполагать, что этот предмет как-то использовался в прядении. Время, а возможно, также температура от пожара придали нашей слоновой кости темный оттенок; голова и спина почти черные. Профессор Вирхов мне пишет: «Мне кажется сомнительным, что рис 517 изображает свинью. Положение ног и общий вид больше напоминают собаку».

Рис. 517. Предмет из слоновой кости в виде припавшего к земле зверя. (Натуральная величина. Найден на глубине 28 футов)

³³ См.: Schliemann H. Mycenae. № 263, 470, 471.

На рис. 518 и 519 я воспроизвожу два предмета из слоновой кости; каждый из них принадлежал лире, снабженной лишь четырьмя струнами, а на рис. 520 – еще один предмет из слоновой кости, принадлежавший лире с семью струнами; все эти три фрагмента орнаментированы насечками. Образец на рис. 518 украшен орнаментом в виде рыбьей кости с каймой, образованной двумя линиями; образец на рис. 519 украшен только прямыми линиями. На рис. 520 орнамент очень красивый; на краю, где расположены отверстия, сделана кайма из только одной линии; на двух других краях кайма образована двумя линиями и украшена волнистым узором; поверхность разукрашена спиралями, в которых мы также видим волнистые или зигзагообразные узоры.

Рис. 518. Фрагмент лиры с четырьмя струнами. (7:8 натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 519. Кусочек слоновой кости, принадлежавший троянской лире с четырьмя струнами. (1:5 натуральной величины. Найден на глубине 26 фута)

Лира (φόρμιγξ) была древнейшим струнным инструментом греческих певцов; она часто упоминается у Гомера, у которого она прежде всего музыкальный инструмент Аполлона³⁴; однако певцы также играют на ней во время пиров и в других случаях³⁵. Φόρμιγξ упо-

³⁴ Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона.(Il. I. 603)С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!(Il. XXIV. 63)...Слышу и стройно звучащие струныЦитры, богами в сопутницы пиру веселому данной.(Od. XVII. 270, 271)...СтруныСтрастно под плектром звучат золотым на божественной лире.(Hymn. Hom. Apoll. 184, 185)С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя.(Стих 515)(Перевод В. Вересаева. В русском переводе гимнов Гомера этот гимн разделен на два, и процитированные Шлиманом строки являются соответственно строками 6–7 и 337 второго гимна – «К Аполлону Пифийскому».)

минается вместе с флейтами (αυλοί)³⁶; их часто украшали золотом, слоновой костью, драгоценными камнями и резной работой – отсюда их эпитеты: περικαλλής (очень красивая. – Пер.), δαίδαλην (искусной работы. – Пер.), χρυσέα (золотая. – Пер.)³⁷. Сначала у лиры было четыре, потом семь струн³⁸; играть на лире – это φόρμιγγι κιθαρίζειν³⁹ или φόρμιγγα ἐλέλίζειν⁴⁰. Это было нечто вроде большой гитары с поперечиной (ζυγόν)⁴¹, которая соединялась с обейми перекладинами и имела колышки (κόλλοτες), с помощью которых настраивали струны⁴². Она была пустая (γλαφυρή)⁴³, как и наша арфа, но легче, поскольку слово φόρμιγξ обозначает переносную кифару (от φέρω, φορέω, φόρμος), поскольку ее вешали на ремне на плечо и держали в руке, когда на ней играли⁴⁴. Профессор Русополос любезно привлек мое внимание к пассажиру из Плутарха, где упоминаются лиры (φόρμιγγες) с четырьмя струнами⁴⁵.

Рис. 520. Орнаментированный кусочек слоновой кости, принадлежавший троянской семиструнной лире. (Натуральная величина. Найден на глубине 23 футов)

На рис. 521 – предмет из слоновой кости неизвестного назначения; его верхняя часть с обеих сторон разделена лентой из трех линий на два поля, из которых один украшен четырнадцатью, другой – двенадцатью небольшими кружками с точкой в центре; в нижней части предмета таких кружков три с каждой стороны. Пусть читатель обратит внимание на сходство этих кружков с кружками на любопытном предмете с рис. 142 (Кн. 1. С. 380), который, возможно, является идолом.

³⁵ Лиру слепца на гвозде над его головою повесив, К ней прикоснуться рукою ему – чтоб ее мог найти он — Дал Понто-ной, и корзину с едою принес, и подвинул Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает. (Od. VIII. 67–70)... Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной. (Od. VIII. 99)... и пение с звонкою цитрой, душою Пира... (Od. XXI. 430)... с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись Двери, стоял там, колеблясь рассудком — (Od. XXII. 332, 333) и другие.

³⁶ Лир и свирелей веселые звуки. (II. XVIII. 495)

³⁷ Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой, пышной, изящно украшенной, с серебряной накольной сверху. (II. IX. 186, 187) Золотая лира, Единоправная доля Аполлона и синекудрых Муз! (Пиндар. Пифийские песни. I. 1–3; здесь и далее произведения Пиндара приводятся в переводе М.Л. Гаспарова)

³⁸ Прими ее [песню] охотно, Вверх ее семиударной лире! (Пиндар. Пифийские песни. II. 129, 130 (70, 71)... Аполлон, Настигая золотым своим плектром Лиру о семи языках, Вел разноголосый их строй. (Пиндар. Немейские песни. V. 42–45 (22–25))

³⁹ В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире Сладко бряцал... (II. XVIII. 569, 570)

⁴⁰ ...речь твою От дрогнувших струн... (Пиндар. Олимпийские песни. IX. 21 (13–14))

⁴¹ Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой, пышной, изящно украшенной, с серебряной накольной (ζυγόν) сверху. (II. IX. 186, 187)

⁴² ...Как певец, приобывший Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь, Строит ее и упругие струны на ней из овечьих Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает. (Od. XXI. 406, 407)

⁴³ ...и вдруг им оттуда послышались струны Цитры глубокой... (Od. XVII. 261, 262)

⁴⁴ «Та, что носят на плечах (φερομένη)». (Hesychius, s. v. φόρμιγξ).

⁴⁵ Opp. Moralia. P. 1021 E, 1029 A B, 1137 D, 1139 B, 1143 E, 1145 C. Ed. Wytttenbach.

Рис. 521. Предмет из слоновой кости с одинаковым орнаментом по обеим сторонам. (7:8 натуральной величины. Найден на глубине 33 футов)

На рис. 522–524 – два куса слоновой кости с отверстиями, украшенные геометрическим орнаментом; у образца на рис. 524 есть два отверстия. Обе эти трубки, судя по всему, являются частями флейт. Точно так же, видимо, обстоит дело и с красиво украшенной проточенным орнаментом костью с рис. 525. На рис. 526 – любопытным образом орнаментированная трубка из слоновой кости, скорее всего – флейта. Костяные трубки с рис. 527 и 528 также могут быть частями флейт. На рис. 529 – кусок слоновой кости с отверстием, вырезанный в виде многоугольной призмы, каждая сторона которой украшена маленькими кружками с точкой в центре, как на рис. 142 и рис. 521. Похожий предмет из слоновой кости с практически таким же украшением был найден в гробнице в Иалисе на Родосе и хранится в Британском музее.

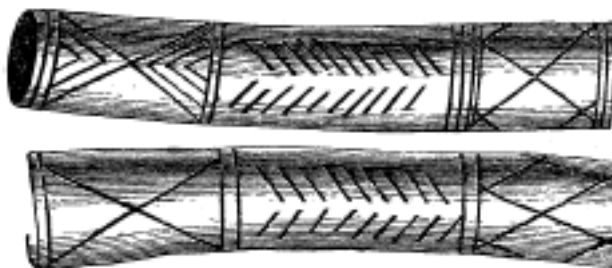

Рис. 522, 523. Две стороны красиво орнаментированной трубки из слоновой кости. Из башни. (2:3 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 524. Изящно гравированная трубка из слоновой кости, возможно часть флейты. Найдена в башне. (2:3 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

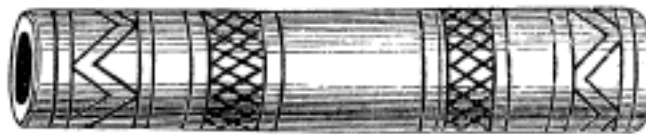

Рис. 525. Кусок кости, любопытным образом инкрустированный. (2:3 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Рис. 526. Орнаментированная трубка из слоновой кости, возможно троянская флейта. (2:3 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

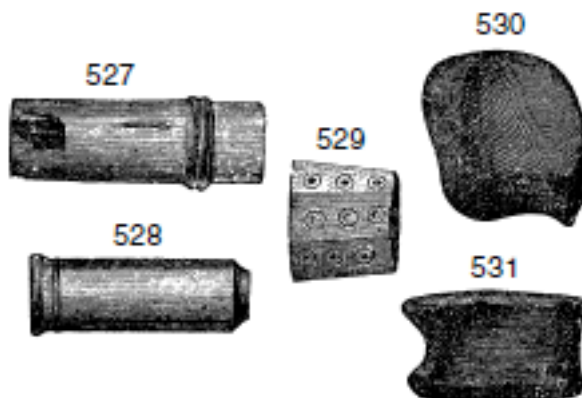

Рис. 527–531. Фрагменты флейты, два астрагала (таранные кости) и предмет из слоновой кости, сплошь покрытый орнаментом. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 30 футов)

На рис. 530 и 531 – таранные кости (астрагалы), которых было найдено очень много. Я уже обсуждал использование этих костей в предыдущей главе (см.: Кн. 2. С. 381). Рис. 532–535 – предметы из слоновой кости, грубо украшенные желобчатым орнаментом, очевидно сделанным с помощью кремневой пилы. Два похожих предмета, найденные в Иалисе, находятся в Британском музее. Из слоновой кости сделан и предмет с рис. 536, который напоминает застёжку от нашей цепочки для часов, как и предмет с рис. 537, в котором есть три отверстия; с рис. 538 (в форме рыбы), а также с рис. 539. Этот последний снабжен любопытным углубленным орнаментом, который, однако, вероятно, не имеет символического значения. Профессор Сэйс заметил мне: «Эти предметы из слоновой кости говорят о торговле с Востоком. На Черном обелиске ассирийского царя Салманасара (840 год до н. э.) люди народа музри, обитавшего на юго-западе Армении, изображены приносящими среди другой дани слона, который, видимо, был вывезен из Бактрии». На том же обелиске показан двугорбый бактрийский верблюд.

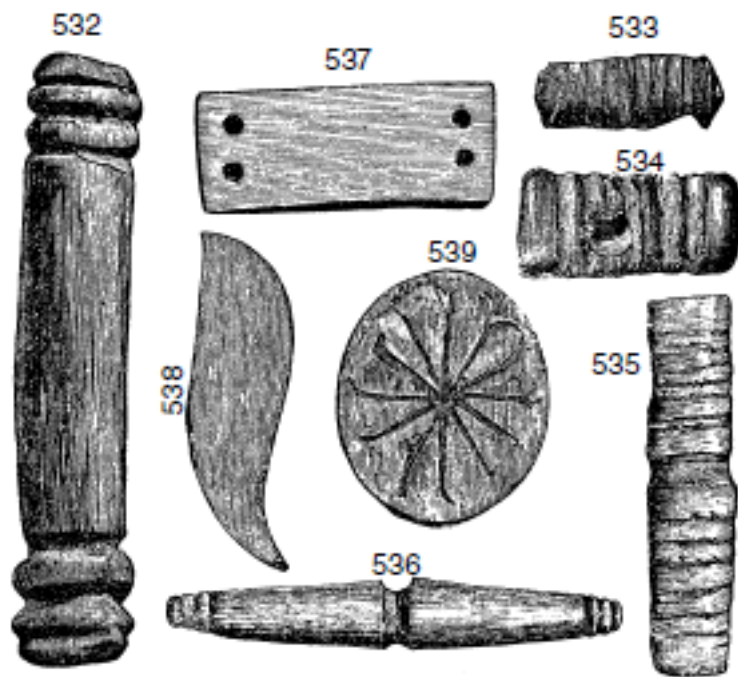

Рис. 532–539. Различные предметы из слоновой кости. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине от 20 до 26 футов)

Из слоновой кости сделаны и любопытные предметы с рис. 540 и 541, которые с обеих сторон украшены несколькими маленькими кружками с точкой в середине и снабжены отверстием с обоих концов. Я бы предположил, что все эти десять предметов (рис. 532–541) и, возможно, также с рис. 521 и 529 служили украшениями для конской упряжи. То, что украшения из слоновой кости использовались именно так, можно видеть в знаменитом пассаже в «Илиаде»:

Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждают обрести; но лежит драгоценная царская утварь
Должная быть и коню украшеньем, и коннику славой⁴⁶.

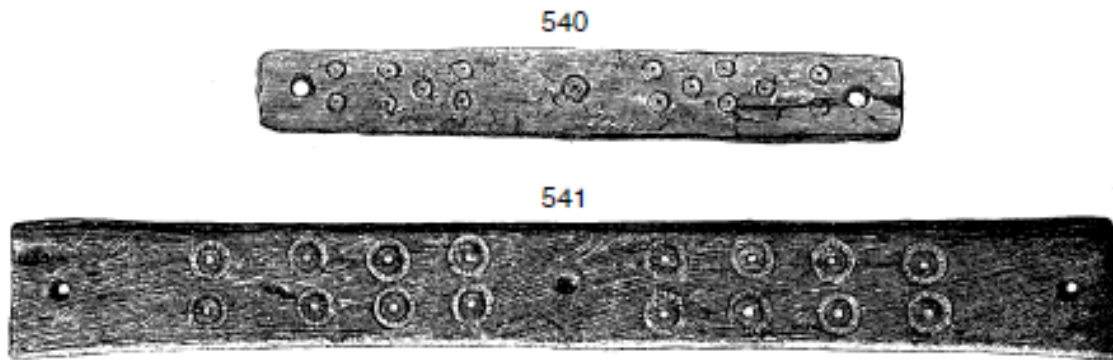

Рис. 540, 541. Предметы из слоновой кости, возможно украшения конской упряжи. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине 24 фута)

⁴⁶ II. IV. 141–145.

Предмет из слоновой кости, похожий на образцы с рис. 540 и 541 и также украшенный небольшими кружочками, был найден доктором В. Гроссом в Невевилле в швейцарских озерных поселениях в Мерингене и находится в его коллекции⁴⁷. На рис. 542 – костяная ручка ножа или какого-то другого инструмента, который прикреплялся к ней медными гвоздиками, из которых один мы все еще можем видеть в верхнем из трех отверстий; на одной стороне ручки видно несколько надрезов.

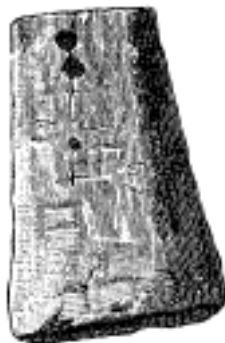

Рис. 542. Костяная ручка ножа или ка ко го-то другого инструмента. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 543–545 также сделаны из кости⁴⁸ и могли служить только рукоятками посохов или тростей (σκ#πτρον от σκ#πτω, «прислоняться», отсюда средневековое σκ#πτομαι, «прислониться к чему-то»). Рис. 546 – также набалдашник посоха или трости; в этом не оставляют никаких сомнений два отверстия, однако сделан он из терракоты. На нем мы видим (но только на одной стороне) ту двойную спираль в форме очков, которую мы постоянно видим на вазах. В общем и целом под словом σκ#πτρον Гомер подразумевает не что иное, как обычный посох, поскольку мы видим, что им без различия пользуются цари, глашатаи, судьи и нищие⁴⁹. Однако в других пассажах σκ#πτρον означает именно царский скипетр, как символ власти и достоинства, и в таких случаях его украшали золотыми гвоздиками⁵⁰ или художественной работой по металлу⁵¹. Среди руин Трои достаточно предметов, которые вполне могли служить набалдашниками таких, государственных скипетров. На рис. 547 – именно такая ручка скипетра из высококачественного горного хрусталя, изображающая грубо вырезанную львиную голову; большое отверстие в нижней части, куда вставлялся сам посох, а

⁴⁷ Gross V. Résultats des Recherches exécutées dans les Lacs de la Suisse occidentale. Zurich, 1876. Pl. I, № 26.

⁴⁸ Я вижу, что похожая костяная ручка посоха, обнаруженная доктором Гроссом в швейцарских озерных поселениях в Сутце, воспроизведена в его работе на листе II, № 28; однако, как ни странно, на с. II она охарактеризована как небольшой молоток (Gross V. Résultats des Recherches...). Профессор Вирхов заметил мне, что совсем неудивительно, что доктор Гросс принял ручку посоха рис. 28 за молоток, поскольку часто встречаются очень на него похожие молотки из рога оленя.

⁴⁹ Ризой оделся и, толстым жезлом подпираясь, в двериВышел хромая...(II. XVIII. 416, 417)Дал ему в руки Евмей суковатую палку...(Od. XVII. 199)...дав посох ему и котомку...(Od. XIII. 437)Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил онПосох...(Od. XIV. 31)...спиной к стене прислонил, суковатую палкуВтиснул ему, полумертвому, в руки...(Od. XVIII. 103, 104)Г-н Филип Смит заметил мне: «В этимологическом смысле это просто вещь, на которую можно опереться или держаться за нее, от σκ#πτω («поддерживать» или «опираться»), средневековое σκ#πτομαι (поддерживаю себя (чем-либо), то есть опираюсь на что-то), с окончанием (лат. -trum), обозначающим инструмент. Именно так умирающий Иаков поднялся на своем ложе, чтобы благословить своих детей, «и поклонился на верх жезла своего» (Быт., 47:31; Евр., 11:21). Среди добычи, взятой фараоном Тутмосом III в Сирии, мы находим «великолепный посох в локоть из дерева загу», «палки или посохи с набалдашниками на них из слоновой кости, черного дерева и кедрового дерева, инкрустированные золотом», а также «один посох царский, сделанный наподобие скипетра, полностью из литого золота» (Brugsch. Hist. of Egypt. Vol. I. P. 374, 385. Engl. trans. 2nd ed.).

⁵⁰ Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,Вкруг золотыми гвоздями блестящий...(II. I. 245, 246)

⁵¹ С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданием.(II. II. 101)

также отверстия по обеим сторонам не оставляют никаких сомнений по поводу его функции. Эта ручка была найдена на глубине 28 футов на площадке, образованной двумя валами, которую я обычно называю башней. Не только эта львиная голова, но и сравнения со львами, которые постоянно встречаются в «Илиаде», делают в высшей степени вероятным то, что в той глубокой древности в этой области водились львы. Гомер не мог бы так великолепно описать свойства этого животного, если бы у него не было частой возможности видеть их, и его географические знания о южных странах слишком незначительны, чтобы мы могли предполагать, что он посещал их и таким образом близко познакомился с характерными особенностями львов.

Рис. 543, 544. Костяные ручки посохов (σκῆπτρα). (Почти половина натуральной величины. Найдены на глубине 23 футов)

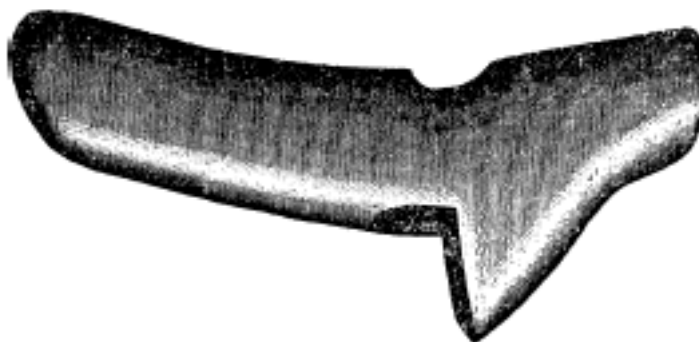

Рис. 545. Костяная ручка троянского посоха (σκῆπτρον). (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 23 футов)

Рис. 546. Терракотовый набалдашник скипетра. (Половина натуральной величины. Найден на глубине около 26 футов)

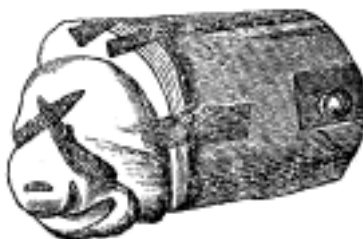

Рис. 547. Ручка скипетра с головой льва из самого лучшего горного хрусталя; найдена на башне. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 28 футов)

Образец на рис. 548 сделан из зеленого египетского фаянса; он был найден вместе с вазой с совиной головой и черной коробкой с рис. 266 и 267 в очень большой разбитой погребальной урне на самой стене, непосредственно к западу от царского дома. Очевидно, он служил ручкой от посоха, поскольку на противоположной стороне у него четырехугольное отверстие длиной 1 дюйм, глубиной 0,6 дюйма и шириной 0,4 дюйма, которое постепенно сужается к концу. На каждой стороне есть насечка по длине, в центре которой имеется отверстие, которое сообщается с четырехугольным отверстием и могло служить только для крепления вставленного в него посоха с помощью гвоздя. На внешней стороне мы видим квадратный выступ с двумя бороздками. Поскольку египетский фаянс слишком хрупок, чтобы служить для набалдашника посоха, то посох, который он украшал, мог быть церемониальным и использоваться для погребальных служб. Снизу он полностью остеклился, и по всей его поверхности есть отметины от огня, действию которого он подвергся; к нему повсюду пристали тонкие хлопья черного пепла. Другой предмет из египетского фаянса лежит передо мной сейчас, когда я пишу это; он также имеет форму набалдашника, но в нем проделано большое отверстие по длине. Он так сильно пострадал во время пожара, что его зеленый цвет разрушился, и он выглядит, как будто бы сделан из плохой пасты из белого стекла. Весь египетский фаянс, как и слоновая кость, указывает на связи между Троей и Египтом.

Рис. 548. Любопытный предмет, возможно рукоятка посоха из египетского фаянса. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине от 26 до 28 футов)

На рис. 549 и 550 (последний имеет отверстие по длине) также, по-видимому, набалдашники посохов или ручки тростей, сделанные из зеленой стеклянной пасты. Оба украшены белыми или желтыми спиралями, которые не нарисованы на стекле, но содержатся в нем. Образец на рис. 551 состоит из зеленой стеклянной пасты, орнаментированной правильными белыми чертами; он также имеет отверстие и сделан почти в форме пряслица, однако он, собственно говоря, сюда не относится, поскольку найден был на глубине всего 6 футов.

Рис. 549–551. Стеклянные пуговицы. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине: правая – 6 футов, другие две – 26 футов)

На рис. 552–554 я воспроизвожу три небольших шарика; на рис. 555 – бусину из белого стекла. Я обращаю особое внимание читателя на тот факт, что эти три шарика, бусина и две ручки от трости – единственные стеклянные предметы, найденные мною в ходе всех моих раскопок в Гиссарлыке; далее, что эти шесть предметов были найдены в третьем, или

сожженном, городе и что никаких следов стекла не было обнаружено ни в одном из нижних или доисторических городов, если только рис. 551 в действительности не принадлежит к последнему доисторическому городу, что мне представляется сомнительным. Я скорее полагаю, что он относится к еще более позднему городу, шестому от материка, который, как я склонен считать, является лидийским по происхождению. Таким образом, весьма возможно, что все эти предметы были импортированы в Трою финикийцами.

Рис. 552–555. Три стеклянных шарика и одна стеклянная бусина. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 33 футов)

На рис. 556 – яйцо из арагонита изящной формы. Образец на рис. 557 представляет собой предмет из диорита неизвестного назначения. Кроме того, было обнаружено множество неотполированных шестиугольников из хрусталя, а также небольшая, тонко отполированная пластинка из хрусталя с четырьмя отверстиями; она могла быть деталью лиры.

Рис. 556. Яйцо из арагонита. (7:8 натуральной величины. Найдено на глубине 26 футов)

Рис. 557. Предмет из диорита неизвестного назначения. (Половина натуральной величины. Найден на глубине от 26 до 28 футов)

Переходим от этих украшений к более полезным предметам. На рис. 558 – очень примитивная расческа из кости; ее зубья могли быть вырезаны обычными пилами из халцедона.

Рис. 558. Костяной гребень. (7:8 натуральной величины. Найден на глубине 23 футов)

В следующей группе иллюстраций к тексту на рис. 559 – предмет из слоновой кости с тремя отверстиями, который мог служить украшением для конской упряжи. На рис. 560–574 – иглы или другие инструменты из обычной и слоновой кости для женской работы. Как я уже говорил, похожие иглы из кости были найдены в пещерах Дордони во Франции, а также в швейцарских озерных жилищах (см.: Кн. 1. С. 380). Они также часто встречаются в погребениях Германии. На рис. 575–580 – костяные шила, такие, как я уже описывал выше (см. там же). На рис. 581–584 – еще четыре шила из кости. На рис. 585–587, согласно профессору Вирхову, – рога лани, заостренные для использования в качестве шил. Похожие рога часто встречаются в трех верхних доисторических городах Гиссарлыка.

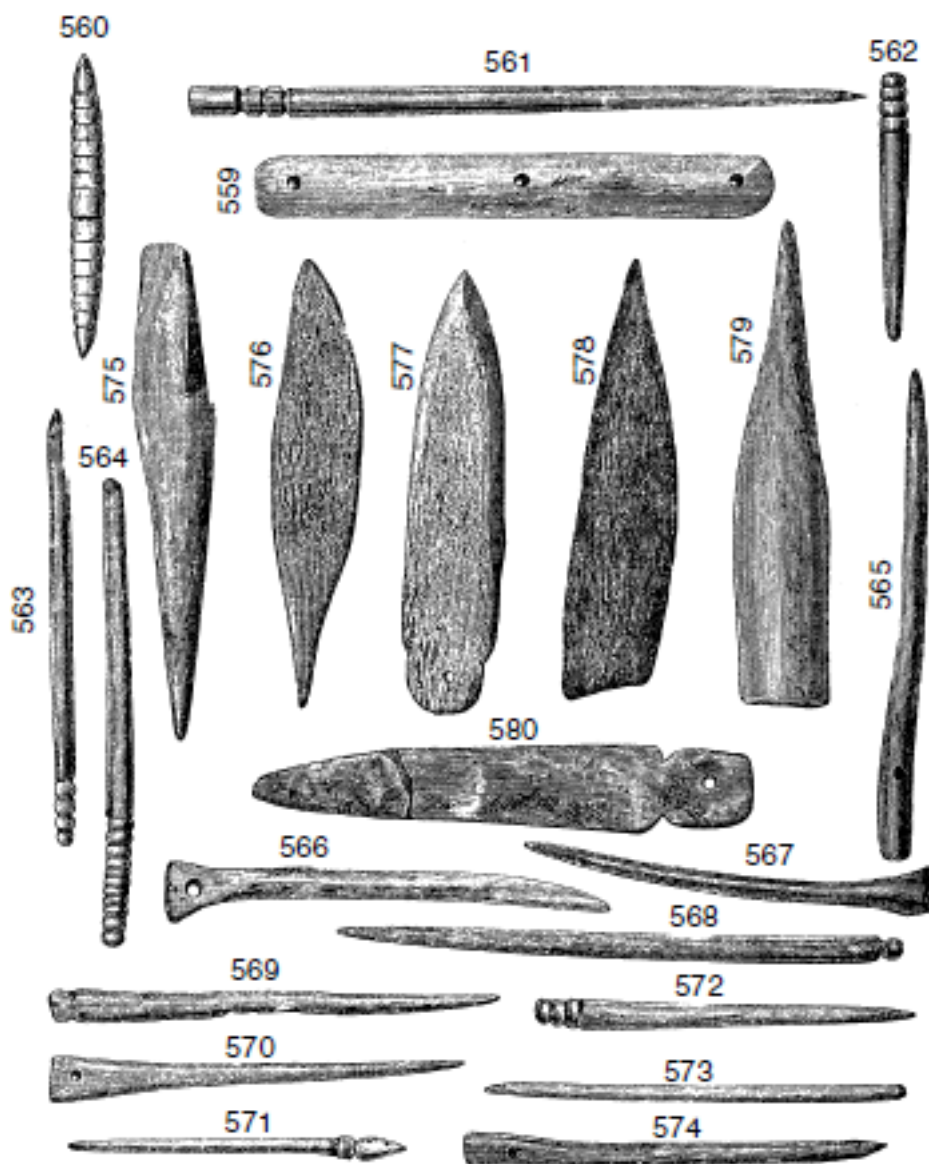

Рис. 559–580. Шила и иглы из обычной и слоновой кости. (Примерно половина натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 23 футов)

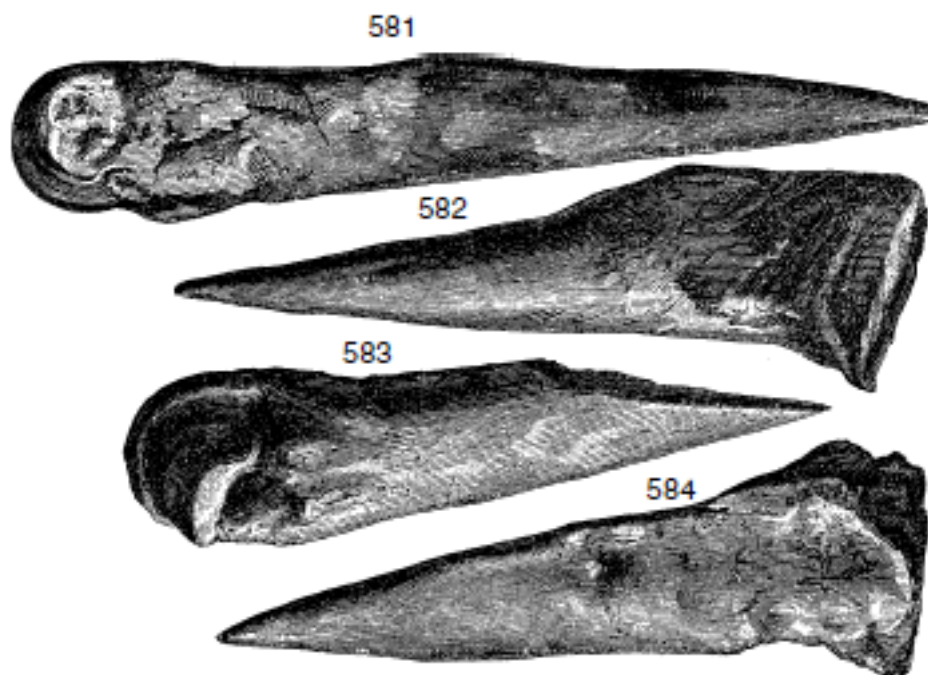

Рис. 581–584. Костяные шила

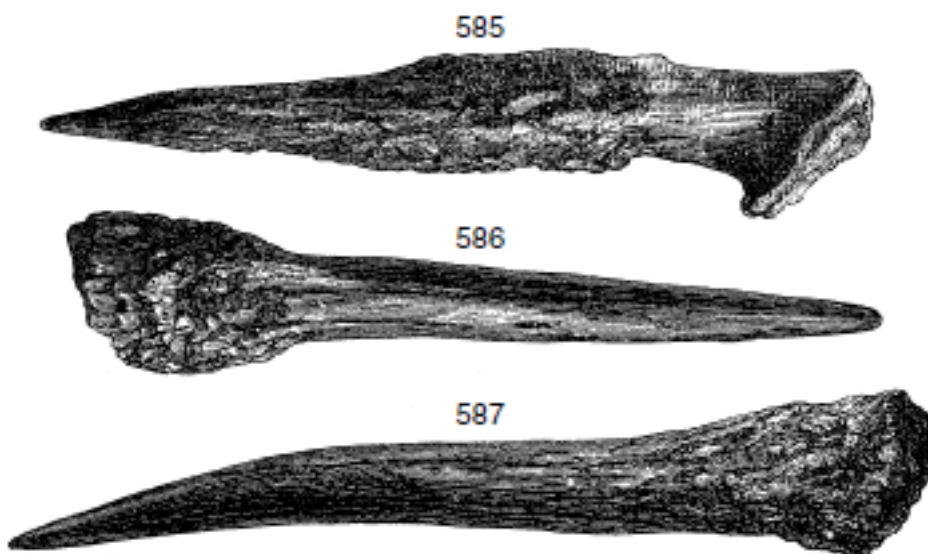

Рис. 585–587. Рога лани, заостренные и, возможно, использовавшиеся как шила. (Почти половина натуральной величины. Найдены на глубине от 16 до 26 футов)

На рис. 588–590 – кабаньи клыки, из которых последние два заострены. Однако представляется сомнительным, что они были заострены искусственно; скорее, их заостряли сами кабаны. Кабаньи клыки очень часто встречаются в руинах всех доисторических городов Гиссарлыка. Профессор Отто Келлер⁵² пишет на эту тему следующее: «Охота на кабана имела огромную важность в повествованиях и пластическом искусстве героических эпох. Судя по найденным кабаньим клыкам, это также было любимое занятие наших европейских обитателей озерных жилищ и жителей пещер⁵³. До сего дня кабаны часто встречаются в Троаде

⁵² Keller O. Die Entdeckung Ilion's zu Hissarlik. S. 46.

⁵³ См.: Lubbock. Op. cit., 3rd ed. P. 210.

и прилегающих областях⁵⁴. Между Адрамиттием и Ассом и в других частях Троады кабаны каждое утро оставляют на земле следы там, где валяются в грязи. Кабаны часто встречаются в лесах Мисийского Олимпа, то есть рядом с Троадой⁵⁵; и в очень древние времена мифический кабан, что порвал Идмона, сына Аполлона (эпизод из легенды об аргонавтах)⁵⁶, и тот жуткий вепрь, который опустошал страну Креза⁵⁷, вышли именно из этих лесов. И в дубраве на вершинах Иды множество великолепных вепрей жирели для древних троянцев, ибо желуди были их любимой пищей. Могли они жить и в болотах на долине»⁵⁸.

Рис. 588–590. Клыки кабана. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 16 до 26 футов)

Рис. 591–598 изображают предметы, которые, согласно профессору У.Х. Флауэру из Коллегии британских хирургов, являются позвонками тунца и небольших акул.

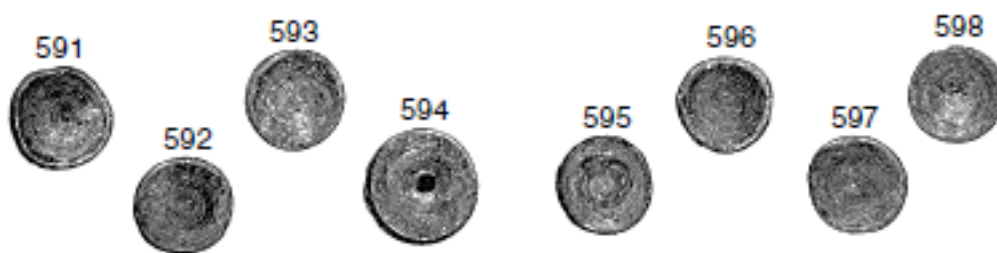

Рис. 591–598. Позвонки акул, дельфинов и тунцов. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 16 до 33 футов)

Теперь я перехожу к троянским литейным формам, которых всего было найдено около девяноста, почти все более-менее фрагментарные; почти все они сделаны из слюдяного

⁵⁴ *Fellows*. Tagebuch einer Reise in Kleinasien. Germ. trans. S. 45, 73.

⁵⁵ *Hamilton*. Reisen in Kleinasien. Germ. trans. I. S. 79.

⁵⁶ *Hyginus*. Fable. C. 14. P. 44; C. 18. P. 47.

⁵⁷ «В то время на Мисийском Олимпе обитал огромный вепрь» (*Геродот*. I. 36).

⁵⁸ *Страбон*. XIII. С. 595; см. также: *Колумелла*. О сельском хозяйстве. VII. 9.

сланца, несколько — из обожженной глины, и только одна из гранита. Рис. 599 и 600 воспроизводят два таких камня с формами для отливки боевых топоров и ножей, а также других инструментов или оружия, нам неизвестного, на всех шести сторонах. Из этих больших форм мне удалось получить невредимыми только четыре или почти четыре. Совершенно не опасаясь возражений, я могу откровенно сказать, что эти формы с углублениями для отливки на шести сторонах уникальны и не были найдены больше нигде; однако о том, что такие формы с углублениями для оружия или инструментов были во всеобщем употреблении в Трое, говорит большое количество разбитых экземпляров. Литейные формы, найденные в швейцарских озерных жилищах⁵⁹, а также те, что были обнаружены в Венгрии⁶⁰ и других местах, имеют углубления только с одной стороны⁶¹. В Микенах я нашел две формы, у одной из них углубления были на шести сторонах, но они были предназначены только для отливки украшений⁶². Эти троянские формы также отличаются глубиной самих углублений, которые в точности соответствуют размеру боевых топоров, ножей и т. д., которые надлежало отливать. Таким образом, очевидно, что эти углубления просто заполняли жидким металлом, а затем покрывали плоским камнем, пока заново отлитые предметы не остывали. В формах, найденных в других местах, процесс отливки проходил по-другому. Было два камня, в каждом из которых была форма оружия, которое было нужно изготовить, однако углубления в каждой форме составляли только половину толщины предмета; эти два камня соединяли так, чтобы оба углубления точно прилегали друг к другу, и так получалась форма для целого предмета. Как мы уже видели на форме с рис. 103 из первого города, в каждом из двух камней чаще всего было по два отверстия, с помощью которых их соединяли друг с другом⁶³; в каждом камне была небольшая бороздка, которая вела от края к каждому углублению; и когда оба камня соединяли, после этого бороздки так же точно прилегали друг к другу; вместе они составляли небольшое трубчатое отверстие, похожее на воронку, через которое жидкий металл заливали в форму. Однако, как может видеть читатель на гравюрах, эти большие троянские формы не имеют таких канавок, через которые можно было заливать металл; таким образом, очевидно, что процесс отливки был так прост, как только возможно: металл просто заливали в формы и затем покрывали плоским камнем.

⁵⁹ См.: Gross V. Résultats des Recherches exécutées dans les Lacs de la Suisse occidentale. Pl. XVII, № 1 — 12; *Idem*. Les dernières Trouvailles dans les Habitations lacustres du Lac de Bièvre. Pl. I, № 6–8, 10.

⁶⁰ Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie; Esztergom, 1877. Pl. XIV, № 1—25.

⁶¹ Профессор Вирхов, однако, заметил мне, что формы с углублениями на двух сторонах в Европе встречаются, но они отличаются от троянских тем, что в них есть канавка, по которой расплавленный металл можно было заливать в форму сбоку.

⁶² См.: Schliemann H. Mycenae. P. 107–109, № 162, 163.

⁶³ Однако часто находят каменные формы и без этих двух отверстий.

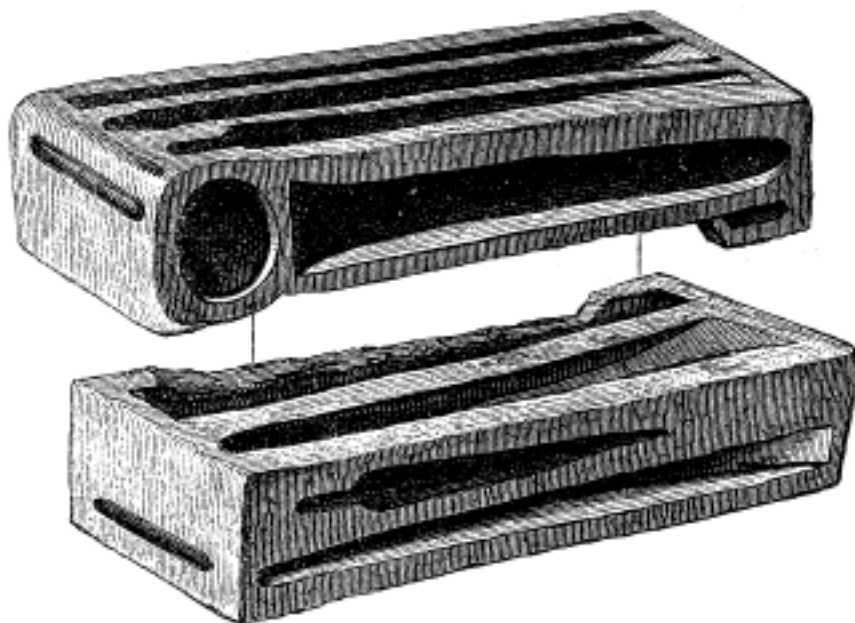

Рис. 599. Форма из слюдяного сланца для отливки различных металлических инструментов. Найдена на башне. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине от 26 до 28 футов)

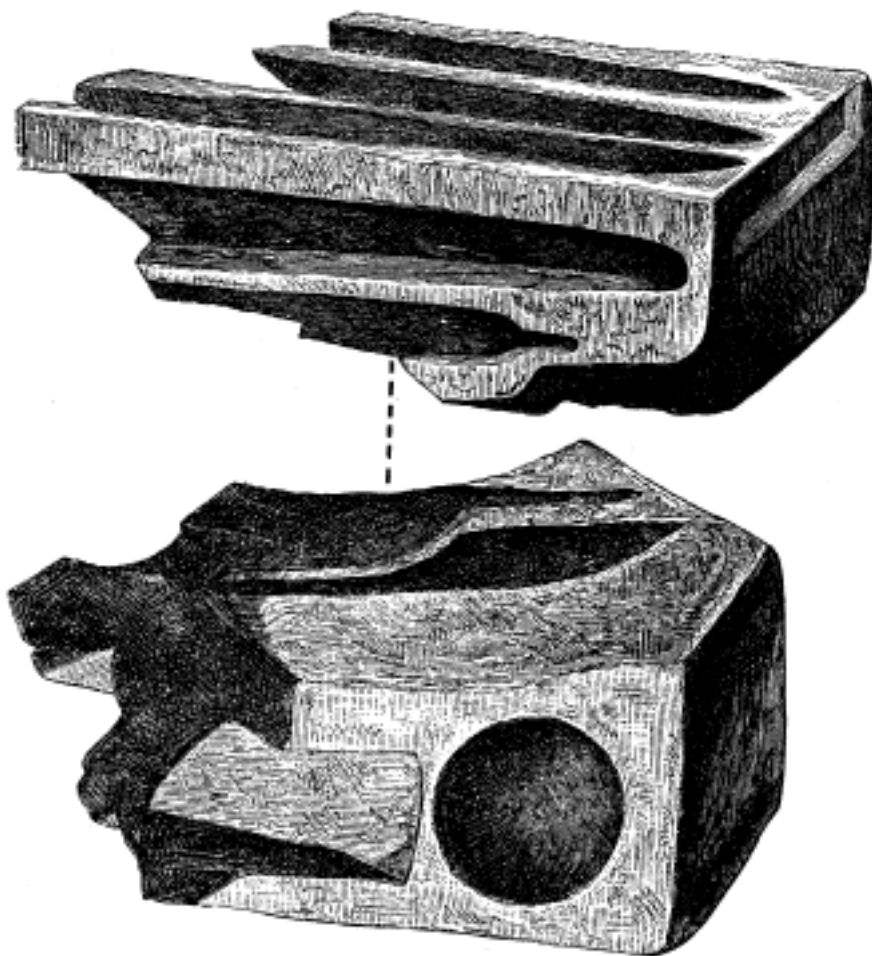

Рис. 600. Форма из слюдяного сланца для отливки разных металлических инструментов. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 28 футов)

Единственные формы, сколько-нибудь похожие на троянские, которые я когда-либо видел, были найдены в Сардинии и теперь хранятся в музее Кальяри. Хороший образец такой формы представлен на рис. 7 на иллюстрации II в работе Винченцо Креспи «Музей древностей Кальяри» (*Crespi V. II Museo d'Antichità di Cagliari*). Это параллелепипед, который, как говорят, состоит из трахито-порфирового камня (*sic*) и снабжен углублениями для отливки оружия с двух сторон: на одной стороне у него форма для двустороннего боевого топора с отверстием в центре, как на рис. 958, на другой – формы для оружия, очень похожего на троянские боевые топоры, как на рис. 806–809 и рис. 828. Здесь *нет* канавки, через которую расплавленный металл можно было заливать в формы. Таким образом, очевидно, что и здесь, как в троянских формах, расплавленный металл заливали прямо в углубления и затем форму, возможно, покрывали совершенно гладким камнем, чтобы сделать оружие ровным.

Точно таким же способом, видимо, отливали в форме из слюдяного сланца с рис. 601 боевые топоры, а также любопытные предметы, формы для которых мы видим на камне на рис. 602, также из слюдяного сланца. Круглая форма на этом последнем камне видна также на рис. 599 и 600, однако там нет формы для миниатюрного молотка, которую мы видим здесь и которая действительно очень интересна. С другой стороны в форме из слюдяного сланца с рис. 603, где есть форма для наконечника стрелы, как в тех, что представлены на рис. 931, 933, 942, 944 и 946, мы видим в точности такую систему, как описана выше, поскольку в камне есть два отверстия и кончик углубления касается края камня; следовательно, к форме с рис. 603 должны были прикреплять другую, такую же форму с помощью отверстий и жидкий металл заливали в нее с помощью маленького канала или воронки сверху.

Рис. 601. Форма из слюдяного сланца. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 602. Форма из слюдяного сланца для отливки медных инструментов. (Примерно 1:3 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Рис. 603. Форма из слюдяного сланца для отливки наконечников стрел примитивной формы. (Натуральная величина. Найдена на глубине 28 футов)

На рис. 604 – разбитая форма для отливки наконечников стрел треугольной формы, но без зубцов; здесь также канавка от каждого наконечника достигает края формы, так что в нее легко можно было заливать расплавленный металл. Рядом с левым нижним углом – одно из отверстий, с помощью которых эта форма присоединялась к другой, такой же, которую клали на нее; другое отверстие, возможно, находилось в отбитой части камня. Форма рис. 605 сделана из очень грубой глины, которая сильно подверглась воздействию огня и поэтому полностью обожжена. Здесь опять-таки нет ни отверстий, ни дыр в форме воронки, через которые можно было заливать в углубления металл; таким образом, очевидно, что углубления в этом случае просто заполнялись жидким металлом и потом их покрывали плоским камнем. Формы в этом камне представляют собой просто слитки; было найдено еще пять-шесть таких форм.

Рис. 604. Фрагмент формы из слюдяного сланца для отливки наконечников стрел. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

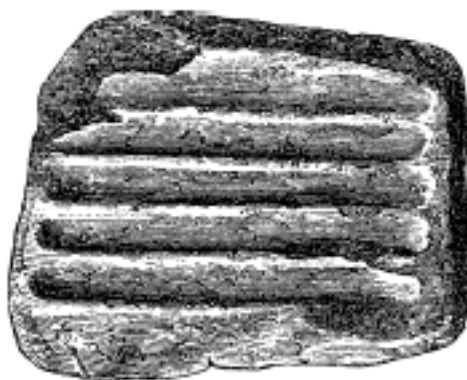

Рис. 605. Форма из обожженной глины. (1:4 натуральной величины. Найдена на глубине 26 футов)

Форма из *песчаника*, похожая на образец с рис. 601, была обнаружена в Пилине⁶⁴, и доктор Й. Хампель сообщил мне, что такие встречаются и в Сихаломе; однако эти венгерские формы все входят в категорию, описанную выше: в них металл заливали между двумя формами, в каждой из которых была в точности половина предмета, который хотели отлить. Я могу добавить, что *до того, как расплавленный металл заливали в эти формы, они должны были быть прогреты до температуры столь же высокой, как и у раскаленного докрасна железа*. Образцы на рис. 606 и 607 сделаны из слюдяного сланца; несомненно, это подставки для вертелов.

Рис. 606. Часть вертела из слюдяного сланца. (Половина натуральной величины. Найдено на глубине 32 фута)

⁶⁴ *Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie. Pl. XIV, fig. 8.*

Рис. 607. Кусок слюдяного сланца с отверстием и канавкой, возможно подставка для вертела. Найдено на башне. (1:5 натуральной величины. Найдено на глубине 26 футов)

Похожие подставки для вертелов из слюдяного сланца, а также из глины встречаются часто. Поскольку у всех них есть наверху канавка и в противоположном направлении – отверстие в центре, представляется, что две такие подставки ставили у огня и соединяли медным штырем, чтобы обе были устойчивы; кроме того, так как канавка для вертела всегда проходит по узкой стороне, вертел нельзя было вращать только на одной стоящей подставке, поскольку он немедленно упал бы.

На рис. 608 – предмет из зеленого габбрового камня с отверстием, возможно гиря. Под рис. 609–616 я воспроизвожу восемь троянских снарядов для пращи из магнитного железняка или гематита; исключение – образец на рис. 616, он из зеленого диорита. Все они хорошо отполированы; и с теми грубыми орудиями, которые были в распоряжении троянцев, вырезать их и разгладить поверхность твердого камня, придав снарядам форму цилиндра, было исключительно тяжелой работой. Фактически труд в те времена должен был иметь очень малую стоимость или вообще никакой, поскольку иначе невозможно вообразить себе, что целые месяцы можно было потратить на изготовление одного снаряда, который терялся сразу, как только его выпустили из пращи. Похожие снаряды для пращи не были найдены нигде, кроме как в Ассирии и в погребении близ Камира на Родосе. В Британском музее находится несколько таких «пуль» из Ассирии; они сделаны из гематита и магнитного железа; две из них, по-видимому, гранитные; кроме того, одна из магнитного железняка с Камира. Заслуживает особого внимания то, что праща упоминается у Гомера только один раз, и мы никогда не видим, чтобы она использовалась в поэмах как оружие:

Руку ж ему повязал искусственно свитою волной,
Мягкой повязкой, клевретом всегда при владыке носимой⁶⁵.

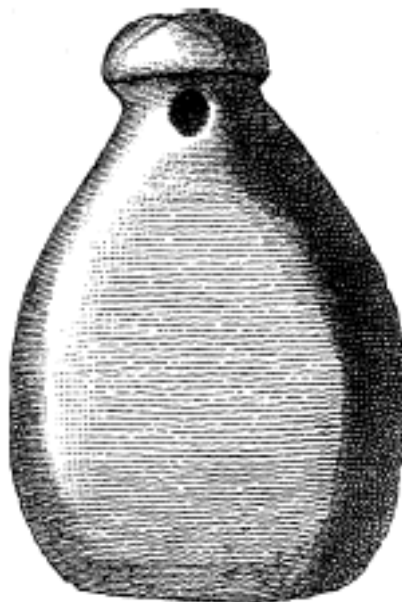

Рис. 608. Предмет из зеленого габбрового камня с отверстием, возможно гиря. (2:3 натуральной величины. Найдено на глубине 39 футов)

⁶⁵ II. XIII. 599, 600.

Рис. 609–613. Снаряды для пращи из гематита или магнитного железа. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине от 30 до 33 футов)

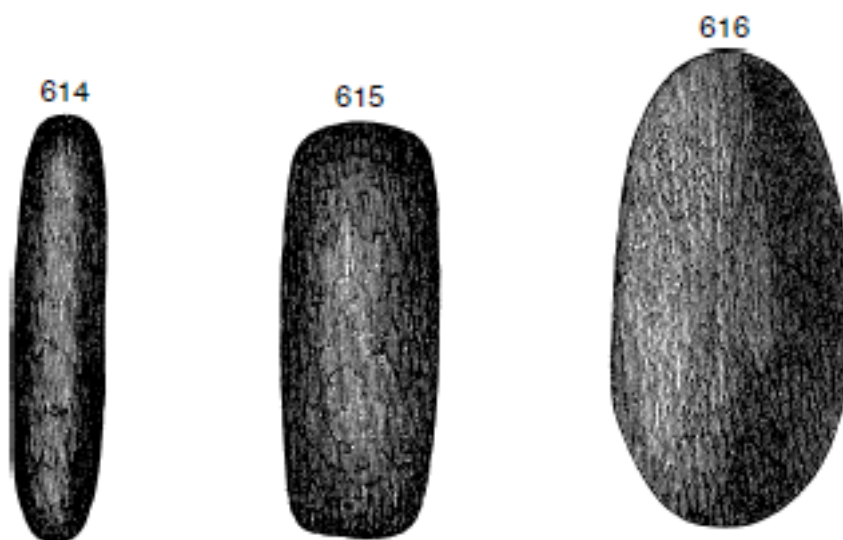

Рис. 614–616. Снаряды для пращи из магнитного железа или гематита и зеленого диорита. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 30 до 33 футов)

Праща была обычным оружием в течение всей Античности и продолжала использоваться и в Средние века. У греков ахарняне и этолийцы славились как пращники (σφενδονηται), подобно жителям Балеарских островов в позднейшую римскую эпоху. Во времена римских императоров Вегетий различал два вида пращи: *fustibalus*, где ремни присоединялись к палке и из которой просто стреляли одним резким движением; и пращу, именовавшуюся *funda*: она состояла из ремней или скрученных волос (иногда человеческих), и ее перед броском крутили над головой. Похожие на желуди свинцовые снаряды (*glandes*) или круглые гальки (*lapides missiles*) бросали из пращей обоих видов с такой силой, что они пробивали щиты и открытые шлемы. У греков и римлян пращники (σφενδονηται) образовывали вместе с копейщиками (ἄκοντισται, *jaculatores*) и лучниками (τοξοται, *sagittarii*) три вида легкой пехоты.

Образцы на рис. 617–619 сделаны, согласно г-ну Дэвису из Британского музея, из коричневого гематита. Похожие хорошо отполированные камни часто находят в слое третьего, или сожженного, города; поскольку они очень тяжелые, то они также могли служить снарядами для пращи. Снаряды из коричневого гематита, той же формы и так же хорошо отполированные, часто находят в Греции.

Рис. 617–619. Хорошо отполированные снаряды для пращи из гематита. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине 30 футов)

Рис. 620 воспроизводит хорошо отполированный боевой топор из зеленого габбрового камня с двумя лезвиями и отверстием для ручки в центре. Каменные боевые топоры совершенно такой же формы обнаружены в Дании⁶⁶. Профессор Вирхов сообщил мне, что они встречаются также и в Германии. Топоры этой формы очень часты в Трое, но почти все экземпляры сломаны.

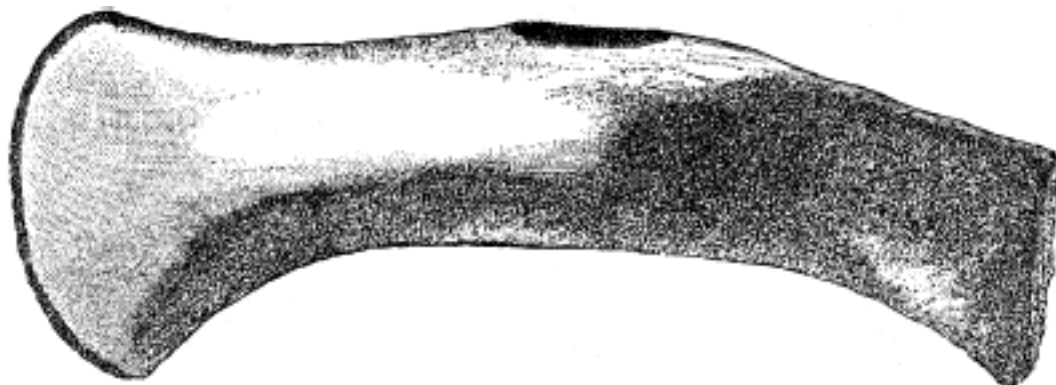

Рис. 620. Топор с отверстием из зеленого габбрового камня. (2:3 натуральной величины. Найден на глубине 30 футов)

На рис. 621 – еще один боевой топор из зеленого диорита, более грубо сделанный и лишь слегка отполированный. У него только одно лезвие; противоположный конец сужается почти до острия; неглубокая бороздка в центре каждой стороны доказывает, что в нем начинали сверлить сквозное отверстие, но бросили.

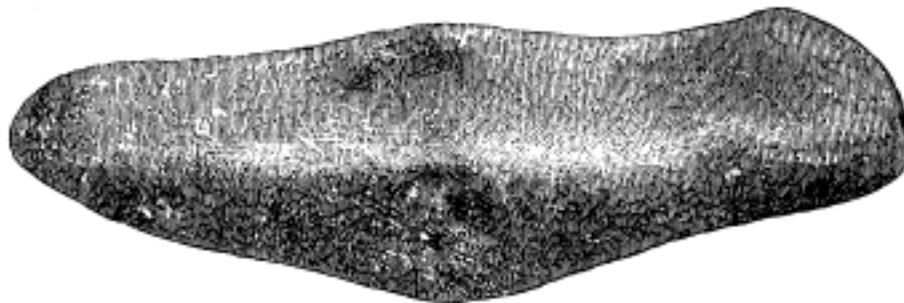

Рис. 621. Каменный топор с бороздкой в центре. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

⁶⁶ Madsen P. Antiquités préhistoriques du Danemarc. Pl. XXXI, № 12; Worsaae J.J.A. Op. cit. P. 13, № 38.

На рис. 622 – полированный каменный топор из черного диорита с отверстием; похожие каменные топоры с отверстиями находят в Англии и Ирландии⁶⁷; представлены они и в Меркшес-музеуме в Берлине.

Рис. 622, 623. Каменные молотки с отверстиями. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 29 до 32 футов)

Рис. 623 воспроизводит молоток из порфира, весьма любопытной формы; отверстие находится на толстом конце и не просверлено, но, очевидно, выбито долотом. Весьма замечательная форма молотка также представлена на рис. 624, который сделан из зеленого габбрового камня; здесь также начали сверлить отверстие, как показывают бороздки на обеих сторонах, но опять-таки работа была оставлена. Я не видел, чтобы эта особая форма бороздки для прикрепления молотка к рукоятке шнуром встречалась где-либо еще. Рис. 625 воспроизводит другую форму молотка с отверстием из полированного порфира; как увидит читатель, здесь отверстие к центру камня сужается. Похожие молотки были найдены в Англии⁶⁸. Профессор Вирхов уверил меня, что они часто встречаются в Германии.

⁶⁷ Evans J. Op. cit. P. 199, 200.

⁶⁸ Evans J. Op. cit. S. 204.

Рис. 624. Каменный молот с углублением. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

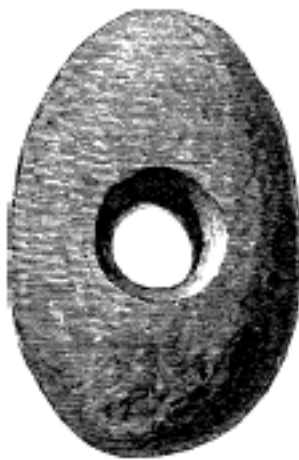

Рис. 625. Каменный молот с отверстием. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

На рис. 626 – топор из кремнеземного камня той же формы; однако здесь опять отверстие только начали проделывать с обеих сторон, но не закончили. Практически такой же формы и полированный молот из диорита на рис. 627, где также сверление отверстия не было закончено; нижний конец этого молотка показывает, что он долго был в использовании. Похожий молот, где сверление было начато с обеих сторон, но осталось незавершенным, был найден фрейлейн Аделью Вирхов во время раскопок, которые она производила вместе со своим отцом на кладбище Заборово. На рис. 628 – неотполированный молот из серпентина с очень глубокими бороздами на обеих сторонах, но отверстие закончено не было. На рис. 629 – небольшой молот из известняка, также с бороздкой с обеих сторон. Молот такой

же формы был найден в Дании⁶⁹; еще один, найденный на острове Сардинии, находится в музее Кальяри⁷⁰. Форма молотков с рис. 622, 625–628 очень распространена в Трое. Образцы молотов подобной формы можно также увидеть в Меркшес-музее в Берлине.

Рис. 626. Каменный молоток с углублениями с обеих сторон. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 627. Каменный молот с углублением с обеих сторон. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 30 футов)

⁶⁹ Worsaae J.J.A. Op. cit. P. 12, fig. 33.

⁷⁰ Crespi V. Il Museo d'Antichità di Cagliari. Cagliari, 1872. Pl. I, № 3.

Рис. 628. Каменный молот с глубоким углублением с обеих сторон. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 22 фута)

Рис. 629. Небольшой молоток из известняка. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 9 футов)

На рис. 630 – кольцо из обожженной глины, которое, должно быть, служило подставкой под вазы с выпуклым дном. Двадцать шесть подобных колец, найденных в Канье, графство Барс в Венгрии, находится в Национальном музее в Будапеште⁷¹; они также найдены в швейцарских озерных жилищах и в других местах. Такие кольца очень часто встречаются в третьем и четвертом доисторических городах на Гиссарлыке; этот факт объясняется наличием многих сотен ваз с выпуклым дном.

⁷¹ *Hampel J. Antiquités préhistoriques de la Hongrie. Pl. XIII, fig. 34.*

Рис. 630. Кольцо из терракоты. (Половина натуральной величины. Найдено на глубине 26 футов)

Сомнительно, является ли предмет из гнейса с рис. 631 молотом; вокруг середины в него бороздка, и он мог служить грузиком для прялки или для двери.

Рис. 631. Предмет из гнейса неизвестного предназначения. (Половина натуральной величины. Найдено на глубине 29 футов)

У очень большого молота с рис. 632, который, согласно г-ну Дэвису, сделан из порфира, вокруг центра есть отметины от веревки, с помощью которой он прикреплялся к ручке; но поскольку камень весит больше 50 тройских фунтов, то ручка должна была быть очень толстой; верхний конец молота свидетельствует о длительном использовании. Профессор Вирхов предположил, что этот инструмент мог быть пестиком для дробления и разбивания гранита и кремнеземного камня и смешивания его с глиной при изготовлении керамики. Образец на рис. 633 сделан из диорита, имеет коническую форму и хорошо отполирован; оба края говорят о длительном использовании; возможно, он употреблялся только как пестик или дробилка. На рис. 634 – один из самых лучших образцов обычных молотков, которые встречаются сотнями во всех четырех нижних доисторических городах; их особенно много в третьем и четвертом городах, поскольку только в этих двух городах я смог собрать их несколько тысяч. Г-н Дэвис, который исследовал все образцы таких молотов, хранящиеся в моей коллекции в музее Южного Кенсингтона, говорит, что они сделаны из диорита, порфира, серпентина, роговой обманки, гнейса, коричневого гематита, кремнеземного камня или габбрового камня. Большинство этих грубых каменных молотков несут на себе следы длительного использования, но очень многие другие кажутся совершенно новыми. Похожие грубые молотки находят почти во всех странах, но, конечно, нигде их нет в таком огромном изобилии, как в Гиссарлыке. Форма одного такого грубого молотка, найденного в Скамридже, Йоркшир, и представленного у г-на Джона Эванса⁷², встречается в Трое чаще всего.

⁷² Evans J. Op. cit. P. 221, fig. 166.

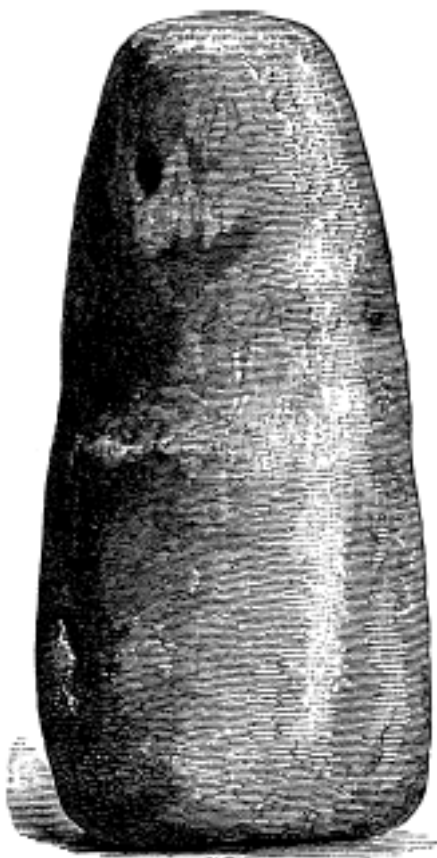

Рис. 632. Большой молот из порфира. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 23 фута)

Рис. 633. Пестик из диорита для дробления. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

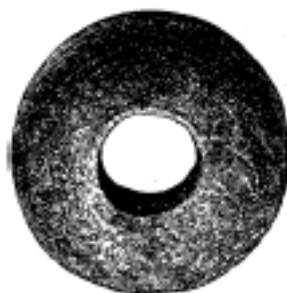

Рис. 634. Молот или дробилка из диорита. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

На рис. 635 и 636 – два хорошо отполированных шара из серпентина с отверстиями; однако на шаре с рис. 637 сверление отверстия только начали и затем прекратили. Назначение этих серпентиновых шаров для нас загадка; может быть, они были привязаны к лассо для ловли скота? У меня нет данных о таких находках где-либо еще в Европе, но они встречаются на Кипре; есть множество образцов таких серпентиновых шаров с отверстиями в коллекции кипрских древностей Лувра. Похожие шары с отверстиями из зеленого порфира были найдены на острове Санта-Роса, Калифорния⁷³.

Рис. 635. Каменный шар с отверстием. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

⁷³ *Rau Ch.* The Archaeological Collection of the United States National Museum, in charge of the Smithsonian Institution. Washington, 1876. P. 31, № 125.

Рис. 636. Каменный шар с отверстием. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 32 фута)

Рис. 637. Каменный шар с глубокой канавкой по обеим сторонам. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На рис. 638 и 639 – опять два из тех сферических камней, о которых мы уже говорили раньше⁷⁴ и огромное количество которых было найдено в руинах четырех нижних доисторических городов Гиссарлыка, и особенно в третьем, сожженном, и четвертом городах. Г-н Джон Эванс⁷⁵ разделяет мое мнение, что они использовались как пестики или дробилки. Примерно пятьдесят подобных пестиков я нашел в Микенах. Доктор Йозеф Хампель пишет мне, что похожие дробилки для зерна очень часто встречаются в Сихаломе, Тосеге, Мадьяраде и т. д. Профессор Вирхов сообщил мне, что они часто встречаются также в Германии, и показал мне несколько таких изделий в Меркишес-музеуме в Берлине. Один также есть в его частной коллекции.

Рис. 638. Круглый камень для дробления. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

⁷⁴ См. с. 345.

⁷⁵ Evans J. Op. cit. P. 224.

Рис. 639. Каменный шар для дробления зерна. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Рис. 640 представляет собой орудие из известняка с бороздкой вокруг середины для прикрепления шнура или ремня, с помощью которых оно соединялось с сетью. Похожие инструменты найдены в Америке⁷⁶ и в Дании⁷⁷. На рис. 641–643 – три предмета из стеатита, из которых в первом проделаны три отверстия, в двух других – только одно, через центр. Первые два плоские, последнее имеет форму пряслица. Рассматривая вместе с моим другом г-ном Анастасиосом Куманудесом, помощником хранителя музея Афин, древности, которые я раскопал четыре года назад в Микенах, я, как уже говорилось, обнаружил, что собрал там более 300 пряслиц из голубого камня такой или конической формы. Однако, как я уже говорил выше, такие пряслица редки в Трое.

Рис. 640. Каменное орудие с глубокой бороздкой вокруг. (Половина натуральной величины. Найдено на глубине 23 фута)

⁷⁶ См.: *Rau Ch.* Op. cit. P. 27, № 107.

⁷⁷ *Worsaae J.J.A.* Op. cit. P. 18, fig. 88.

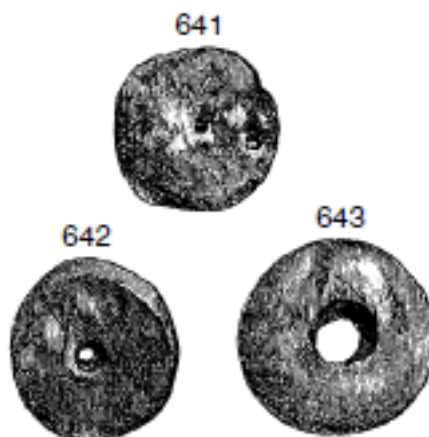

Рис. 641–643. Предметы из камня с отверстиями. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 26 футов)

На рис. 644 и 645 – точильные камни из зеленого порфира; у первого вокруг широкого конца проделана бороздка, последний имеет отверстие для подвешивания. Похожие точильные камни встречаются часто во всех доисторических городах Гиссарлыка. В Микенах я нашел их только четыре. На предшествующих страницах⁷⁸ я перечислил другие места, где они были найдены, и я могу добавить к этому, что похожий точильный камень, найденный в погребении в Камире на Родосе, находится в Британском музее. Похожие точильные камни были найдены также в Сихаломе в Венгрии, два из них находятся в стеклянной витрине X под № 82 и 83 в Национальном музее в Будапеште. Точильный камень из гранита, хранящийся в коллекции Французской школы здесь, в Афинах, был найден в доисторическом городе под слоем пемзы и вулканического пепла на острове Фера (Санторин).

Рис. 644–647. Точильные камни из зеленого порфира и полировальные камни из яшмы. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 28 до 32 футов)

На рис. 646 и 647 я воспроизвожу два образца полировальных камней из яшмы и на рис. 648–651 – еще четыре из того же камня, из диорита и из порфира; все они использовались для полирования керамики. Полировальные камни похожей формы из яшмы, кремнеземного камня, порфира и т. д. очень многочисленны в Трое. Весьма своеобразную форму имеет образец на рис. 651; он хорошо отполирован и выглядит почти как какое-то животное, глаза которого как бы показаны углублениями на обеих сторонах головы. На задней стороне

⁷⁸ См. с. 361.

этого предмета вырезан знак или *то*, который встречается также на двух воронках пятого города и других предметах.

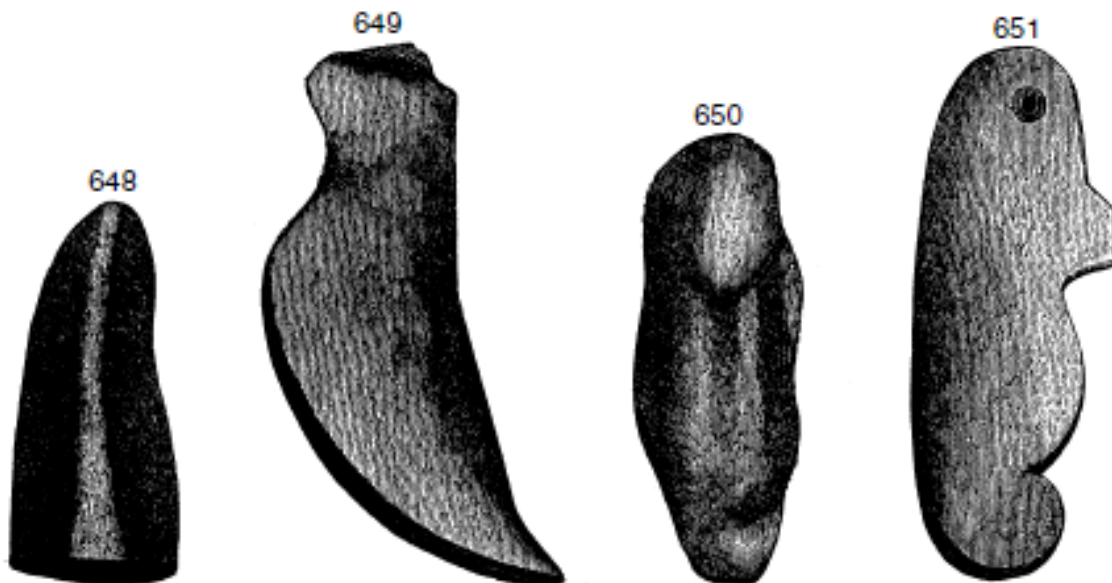

Рис. 648–651. Полировальные камни из порфира, диорита или яшмы. (2:3 натуральной величины. Найдены на глубине от 23 до 33 футов)

На рис. 652 я воспроизвожу небольшую пирамидку, которая, согласно г-ну Дэвису, сделана из габбрового камня; она пестрая, зелено-черная, и через центр у нее проделана трубчатая дыра, заполненная свинцом. Мы не можем даже предположить, для чего она могла использоваться. На рис. 653 – предмет из очень твердого известняка с отверстием, желтоватого цвета.

Рис. 652, 653. Небольшая пирамидка из габбрового камня и каменный инструмент с отверстием. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 28 до 32 футов)

На рис. 654 и 644 – два предмета из кремнеземного камня: у последнего – два отверстия, у первого – только одно; оба могли служить грузиками для дверей или прялок.

Рис. 654, 655. Каменные орудия с отверстиями, возможно гири. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

На рис. 656–659 и 663–665 я воспроизвожу еще семь пил из халцедона или кремня, из которых многие – как, например, на рис. 656 и 665 – несут на себе следы того, что они были вставлены в деревянную ручку. На рис. 660–662 – ножи из обсидиана; но, поскольку я уже полностью описал похожие предметы на предшествующих страницах, я не буду больше говорить о них здесь и просто добавлю, что ножи из обсидиана также были найдены в доисторическом городе на острове Фера (Санторин).

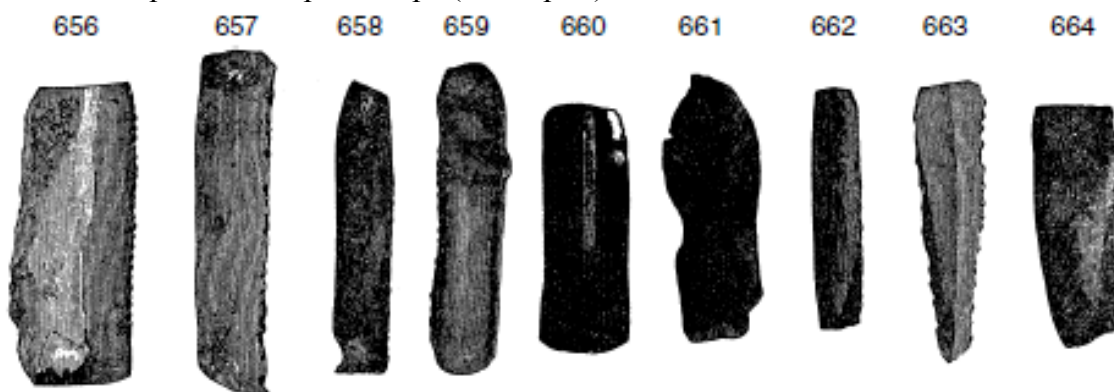

Рис. 656–664. Пилы из халцедона или кремня и обсидиановые ножи. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 24 до 33 футов)

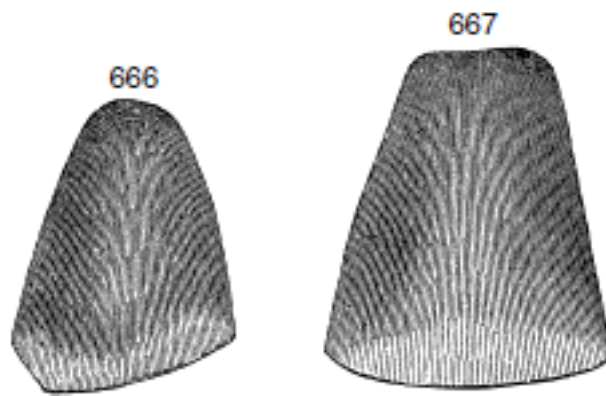

Рис. 665. Кремневая пила. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 30 футов)

Рис. 666–667 воспроизводят двенадцать топоров или долот, которые, согласно профессору Маскелайну и г-ну Дэвису, сделаны из синего серпентинового камня, зеленого габбрового камня, зеленого диорита, темно-зеленой роговой обманки и жадеита или нефрита. Долото с рис. 672 и топоры с рис. 671, 675–677 состоят из последнего, редкого и драгоцен-

ного камня. Хотя я уже в больших подробностях говорил о жадеитовых топорах на предыдущих страницах, однако я не могу воздержаться от того, чтобы не воспроизвести здесь в примечании интереснейшие письма на эту тему из «Таймс», написанные профессором Максом Мюллером и г-ном Стори-Маскелайном, а также весьма ученую издательскую статью «Таймс» которая сопровождает последнее письмо моего друга профессора Мюллера⁷⁹.

⁷⁹ «Нефритовые орудия в Швейцарии» *Издателю «Таймс» 18 декабря 1879 года* Сэр! Сообщение, присланное Вашим корреспондентом в Женеве (от 15 декабря) о скребке, сделанном из нефрита, недавно найденном в ложе Роны, весьма важно. Однако Ваш корреспондент едва ли вполне прав, назвав этот скребок уникальным экземпляром. Скребки или режущие инструменты, сделанные из настоящего нефрита, весьма редки как в Швейцарии, так и в других местах, однако я сам видел несколько прекрасных образцов – среди прочих один, найденный доктором Ульманом из Мюнхен-Бухзее, чья коллекция озерных древностей вся собрана им лично в одном и том же небольшом озере, Моозее-Дорфзее, и является одной из наиболее аутентичных и представительных коллекций во всей Швейцарии. Ваш корреспондент задается вопросом: поскольку истинный нефрит нигде в Европе не встречается, то не могли ли арийские кочевники принести этот скребок из колыбели своей расы в Азии? Почему же нет? Если арийские поселенцы могли принести с собой в Европу столь тяжелое орудие, как свой язык, не отрубив и не отрезав ни одной его грани, то нет ничего особенно удивительного и в том, что они принесли с собою и тщательно сохранили из поколения в поколение настолько удобный и ценный инструмент, как скребок или нож, сделанный из материала, который воистину «бронзы литой прочней» (цитата из оды Горация «К Мельпомене» («Памятник»), III. 30; перевод С. Шервинского). Ф. Макс Мюллер Оксфорд, 17 декабря 1879 г.» «Нефрит как материал в Старом Свете *Издателю «Таймс» 1 января 1880 года* Сэр! Поскольку Вы сообразовали на страницах своей газеты уделить место любопытному вопросу, обсуждавшемуся профессором Роллестоном и г-ном Вестроппом относительно источников доисторического нефрита, это придает мне смелость надеяться, что Вы не отвергнете еще одно письмо на эту тему. Я полагаю, что профессор Роллестон прав, говоря о восточном и, возможно, о единственном восточном источнике доисторического нефрита на континенте Евразии. Я думаю так по трем причинам: нефритовые топоры-кельты очень редки; однако их находят в небольших количествах и на большом расстоянии друг от друга на пространстве от Месопотамии до Бретани; и они свидетельствуют о владевшей всеми расами человечества страсти к владению предметами из зеленых камней, поскольку считалось, что эти предметы драгоценны по самой своей природе. Итак, если нефрит был бы местным продуктом всех или нескольких из тех многочисленных стран, в погребенной пыли которых были так sporadически рассеяны нефритовые орудия, то как же случилось так, что столь замечательный минерал никогда не был обнаружен расами людей, которые жили и умирали в этих странах с тех пор, как в них бродили «древние люди»? Действительно, мы видим небольшой нефритовый кельт, который некогда носила в своем ожерелье греческая дева, – возможно, как талисман, – и он все еще висит на этом ожерелье, образце мастерства древних златокузнецов, в коллекции Британского музея. Но это все же кельт, а не изделие римских ремесленников. Один-единственный цилиндр из сотен ассирийских и вавилонских цилиндров в той же самой огромной коллекции говорит об исключительном характере нефрита как материала среди народов, обитавших в Месопотамии, где, однако, были найдены нефритовые кельты еще более древней эпохи. Но среди многочисленных произведений прикладного и священного искусства Египта нефрит, как мне кажется, неизвестен. Нет никаких данных о том, что греки или римляне когда-либо использовали нефрит, или (вопреки г-ну Вестроппу) даже о том, чтобы у них было какое-либо название для него. Если бы он был продуктом рек или каменоломен римского мира, то образцы его, безусловно, дошли бы до нас в качестве материала для гемм или каких-либо других произведений искусства. Может, конечно, показаться поразительной гипотеза, согласно которой нефритовые копи реки Кара-Каш в горах Куньлунь к северу от гор Кашмира были источником для всех нефритовых топоров, найденных во всей Европе. Поверить в это тем более трудно, поскольку, в то время как здесь добывают как белый, так и зеленый нефрит, в доисторическом мире был распространен только зеленый нефрит, но не белый. Однако несколько месяцев назад доктор Шлиман попросил меня посмотреть на несколько странных камней, которые он обнаружил в древнейшем из городов Гиссарлыка, и здесь, наряду со многими образцами зеленого нефрита (один из них – великолепный прозрачный экземпляр этого камня) был один кельт из прекрасного белого нефрита, точно такого же, какой мог быть добыт из одной из ям над Кара-Кашем или сделан из галек из этого ручья. Рассматривая эти освященные веками сокровища из древнего города или крепости, мы должны признать, что доктор Шлиман обнаружил очень важное поселение, возможно нечто вроде торговой фактории, расположенной на пути доисторической торговли, которое находилось непосредственно в одной из точек, где могли собираться товары из Азии перед тем, как распределиться с помощью бартера среди народов Запада. Или, может быть, это было место, где какую-то большую волну эмиграции остановил на какое-то время барьер Дарданелл? В любом случае здесь найдено значительное количество топоров из зеленого нефрита; безусловно, этот сорт считался более ценным из-за своего цвета; и здесь также был и один белый кельт, который, возможно, сопровождал его из их общего отдаленного дома в горах Куньлунь. Чему же, в таком случае, следует приписать прекращение поставок нефрита в пространство, лежащее к югу и западу от Памира после доисторической эпохи? Я не стану пытаться ответить на этот вопрос; я могу только отметить очевидные факты, свидетельствующие об этом. Вряд ли невероятно то, что орудия из зеленого нефрита имели в каком-то смысле священный характер в доисторические времена и их несли с собой на запад переселявшиеся туда племена, точно так же, как они могли нести с собой домашнюю утварь, в то время как посредством длительного процесса бартера отдельные предметы могли проникнуть от Геллеспонта к побережью Атлантики. Могло быть так, что даже в те отдаленные времена или к концу этих времен люди китайской расы стали господствовать над той областью, что производила нефрит, и закрыли суровые перевалы, которые вели на юг и запад из этого негостеприимного региона; и в то время как в Китае нефрит с незапамятных времен был распространен в изобилии, остальной Азиатский континент мог быть отрезан от источника его поставок. Или, может быть, геологические изменения, которые подняли уровень почвы к северу и востоку

от Персии, все еще продолжали действовать и мало-помалу увеличивали недоступность этой области к концу того времени в Азии, которое мы называем доисторическим периодом. Вполне возможно, что другие источники нефрита далее к северу могли дать что-то из материала, который попадал на запад в виде кельтов. В реке Амур на дальнем севере катятся нефритовые гальки с гор Яблоно (Яблонный хребет) в забайкальской области Сибири, и у китайцев, возможно, были какие-то источники зеленого нефрита, нам неизвестные. Их жадеит (этот материал отличается от нефрита) поступает из рудников в горах к северо-западу от Бхамо в государстве Лао в Бирме, хотя, возможно, и не только оттуда. Появление нефрита или, по меньшей мере, начало его использования в качестве материала для художественной работы в Индии датируется едва ли не вчерашним днем, поскольку оно относится к эпохе ранних императоров Моголов в Дели. «Великолепный сын Акбара», Джехангир и Шах-Джехан, видимо, любили нефритовые чаши и украшения; и искусство инкрустации, которое нашло столь блистательное выражение при постройке Тадж-Махала, копировалось под их блистательным покровительством в самых драгоценных материалах: рубины и бриллианты и другие драгоценные камни инкрустировались в нефрит разных цветов, в котором вырезали изящные ажурные узоры и украшали эмалью, в производстве которой Индия все еще не имеет себе равных. Коллекция этих великолепных изделий индийского искусства хранится в Музее Индии и является прекраснейшей из когда-либо собранных. Она была приобретена по моему совету, когда нынешний канцлер казначейства (сэр Стаффорд Норткот) был Государственным секретарем в Индии; покойный сэр Дигби Уайетт и я сделали выборку из уникальной коллекции нефритовых сосудов всех сортов, которую ценой больших расходов собрал покойный полковник Чарльз Ситон Гатри. Однако можно сказать, что это единственные формы, в которых цивилизованные люди вне пределов Китая превращали нефрит в материал для вырезания предметов искусства. Мексиканцы работали по какому-то сорту жадеита. Маори работали по нефриту, который является местным материалом в их скалах из роговой обманки; и обитатели Новой Каледонии и, можно сказать, Полинезии вообще делали из нефрита или каких-то разновидностей жадеита орудия – полезные, декоративные и, возможно, тоже в каком-то смысле священные. Нефрит ошибочно считается очень твердым материалом. Это никоим образом не так. Его самое замечательное качество – качество, которое необыкновенно подходит к его использованию в качестве орудия, – это его исключительная прочность. Как хорошо закаленная сталь, в которой прочность сочетается с твердостью, достаточной только для того, чтобы резать и при этом сохранять заточенное лезвие, орудия из нефрита разделяют с орудиями из фибролита уникальное сочетание этих качеств, необходимое как для оружия, так и для рабочего инструмента. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой, Невил Стори-Маскелайн Британский музей, 30 декабря 1879 г.» «Орудия из нефрита *Издателю «Таймс» 15 января 1880 года Сэр!* Интересные и познавательные письма о нефритовых орудиях, которым Вы в последнее время дали возможность появиться на страницах Вашей газеты, смогут, как я надеюсь, убедить большинство Ваших читателей, что теория, которую я старался доказать в моем письме, опубликованном в «Таймс» от 16 декабря, не столь безумна, как она могла показаться с первого взгляда. Иногда теория, которые именуют безумными, на самом деле очень умны. Исследователи сначала смеются над ними, затем поворачиваются к ним спиной и пытаются всеми возможными путями убежать от них. Однако наконец, когда факты окружают их со всех сторон и они больше уже не видят никакого выхода, они скромно подчиняются неизбежному, и через некоторое время это неизбежное все уже считают вполне понятным и разумным. Проблема нефритовых орудий на самом деле очень проста. Минералоги уверяют нас, что нефрит – это материал, отождествление которого, если оно проведено надлежащим образом, не вызывает никаких сомнений, и они с такой же уверенностью говорят нам, что в Европе настоящего нефрита нет. Эти два утверждения я буду считать истинными, покуда они не будут опровергнуты компетентными и авторитетными учеными. Если, таким образом, нефритовые орудия великолепной работы эпохи, которую мы называем каменным веком, найдены в Европе, то я не вижу, как мы можем избежать заключения, что эти орудия были привезены из тех хорошо определенных областей в Азии (я полагаю, что мы можем исключить из наших рассуждений Америку и Океанию), – где только и был найден нефрит и где его обрабатывают и до сего дня. Некоторые из этих областей находятся не так уж далеко, поскольку настоящий нефрит находят и на Кавказе, и в горах Урала. Я не отрицаю, что наш современник может почувствовать головокружение, когда он берет в руки один из этих драгоценных скребков и ему говорят, что точно такие же скребки были собственностью первооткрывателей Европы. И именно для того, чтобы устранить это чувство головокружения, я хотел бы привлечь внимание к другому виду орудий, столь же древнему – возможно, даже более древнему, – которые также были привезены в Европу из Азии нашими древнейшими предками и которые мы используем ежедневно, не чувствуя ни малейшего удивления. Хотя сегодня никто не сомневается в том, что наш язык пришел с Востока, однако мы не всегда осознаем близкую преемственность между древней и современной речью, нерушимую цепь, которая связывает вместе все арийские диалекты от Индии до Ирландии. Мы удивляемся тому, как нефритовые орудия могли быть привезены с Востока

Рис. 666, 667. Каменные топоры. (Натуральная величина. Найдены на глубине 26 футов)

и переходить из рук в руки в течение тысяч лет «еще до того, как изобрели карманы», и, однако, каждое слово в нашем языке пришло с Востока и должно было переходить из рук в руки тысячи лет еще до того, как были изобретены карманные словари. Если мы возьмем такие полезные «орудия», как наши числительные, и подумаем, что же подразумевает тот факт, что, принимая во внимание некоторый объем фонетического «износа», числительные в санскрите и в английском одни и те же, то мы, как мне кажется, взволнуемся немного меньше, оказавшись лицом к лицу с нефритовыми орудиями из озерных поселений Швейцарии. Я даже хочу пойти на шаг дальше. Давайте взглянем на тот факт, что у всех числительных от одного до десяти в санскрите только у *saptá* («семь») и *astáu* («восемь») ударение на последнем слоге, и затем посмотрим на древний и даже на современный греческий и заметим ту же самую исключительную акцентуацию здесь. Любой, кто может без дрожи взглянуть в ту бездну, которая внезапно открылась у нас перед глазами, едва ли почувствует дурноту, думая о самых «безумных» теориях, основанных на нефритовых орудиях, найденных в Швейцарии и других областях Западной Европы. Нет необходимости рассматривать здесь вопрос, действительно ли эти нефритовые инструменты были привезены в Европу арийцами или доарийскими колонистами. Конечно, странно, что не существует древнего арийского названия для нефрита, но нет для него и доарийского или туранского названия ни в одном из древних индоевропейских языков. В другом месте (Lectures on the Science of Language. 9th ed. Vol. II. P. 251) я собрал несколько фактов, которые делают вполне вероятным, что арийские языки были распространены в Европе в каменном веке, в эпоху господства шотландской пихты, и я могу добавить, что характер аргументов, которые приводятся против этой гипотезы, скорее усиливают, нежели ослабляют мою собственную в ней убежденность. Однако это всего лишь гипотеза. Однако были ли нефритовые орудия привезены арийцами или доарийскими поселенцами, определенно известно, что эти нефритовые орудия не были сделаны в Европе и что, хотя нефрит *in situ* и мягче, они свидетельствуют о высокой степени цивилизации и механических навыков у людей, которые их изготовили. Мои друзья профессор Роллестон и Маскелайн оставили мне немного места, чтобы добавить что-либо еще в поддержку иностранного происхождения нефритовых орудий. Я могу упомянуть еще только два факта, поскольку они могут помочь другим, как они помогли мне, сформировать свое собственное мнение на этот счет. Является, как я полагаю, фактом (кроме немногих и достаточно сомнительных исключений), такой, как находки в Потсдаме и Швемзале, что нигде в Европе не был найден сырой или необработанный нефрит. Это, по моему мнению, говорит весьма и весьма о многом. Есть и другой факт: в Европе нет древнего названия для нефрита. Если на странице 311 превосходной работы Г. Фишера «Нефрит и жадеит» (Fisher H. Nephrit und Jadeit, 1875) мы посмотрим на хронологический перечень авторов, у которых упоминается нефрит, мы находим в древние времена названия *jaspis*, *jaspis virens*, *jaspis viridis*; но здесь нет ничего, что позволило бы нам отождествить это название с настоящим нефритом. Само слово *jaspis* семитского происхождения. В китайском языке, напротив, мы находим с древнейших до самых недавних времен общепризнанное название нефрита, то есть *yu* или *chn*. Он упоминается как предмет дани в переводе «Шуцзина» профессора Легга (Sacred Books of the East. Vol. III. P. 72); отсюда мы узнаем любопытный факт: в этой книге, которая, как нам говорят, древнейшая из древних, такие товары, как «золото, железо, серебро, сталь, медь и кремень для изготовления наконечников стрел», упоминаются все вместе, как относящиеся к одному и тому же периоду; все они были равным образом приемлемы в качестве дани императорскому двору. Forsan et haec olim meminisse juvabit! («Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить» (Вергилий. Энеида. I. 203). Слово «жад» не встречалось вплоть до открытия Америки. Нефрит, который привозили из Америки, испанцы называли *pedra de yjada*, поскольку долгое время считалось, что он может исцелять боль в боку. По тем же причинам потом его стали называть *lapis nephriticus* (нефрит), *lapis ischiadicus*, *lapis divinus*, *pedra de los renones*, *pedra ischada*, *pietra del fiancho*, «почечный камень» Lendenhelfer; и т. д. Первым, кто ввел эти названия в Европе, был, по-видимому, Монардес в своей Historia Medicinal de las Cosas que se traen de las Indias Occidentales (Sevilla, 1569). Название *pedra de yjada*, которое он использует, употреблено вместо *pedra de ijada*, то есть «паховый камень», или камень, который якобы должен был снимать боль в паху. Испанское *ijada*, согласно Словарю Испанской академии, — это *il lado del animal debaxo del vientre junto al anca*; не приходится сомневаться в том, что оно происходит от латинского *ilia*. *Iliaco* по-испански — это *il dolor colico*. Поскольку само название *ijada*, *jada*, или жад, и вера в его целительные свойства пришли из Америки, то может быть только случайным совпадением, если, как говорит профессор Скит (Skeat) в своем великолепном «Этимологическом словаре» (Etymological Dictionary), в санскритских буддистских текстах фигурирует слово *yeda* в качестве названия материала, из которого делают украшения. Таково состояние вопроса о нефритовых орудиях на данный момент. Тем, кто хочет изучить его историю во всех подробностях, всю необходимую информацию может дать исчерпывающая работа Фишера «Нефрит и жадеит». Его обзор литературы на эту тему, которая может показаться столь невразумительной и неинтересной для широкого читателя, занимает не менее 248 страниц. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой, Ф. Макс Мюллер Оксфорд, 10 января 1880 г.» «Статья от редактора, «Таймс» 15 января 1880 года В декабре прошлого года швейцарские землечерпалки сделали нечто большее, чем просто подняли вверх из ложа реки Роны кусок отполированного резного камня. Они обнаружили самые основания истории. Как будто бы опустело русло калабрийской реки и открылась гробница визиготского покорителя Италии во всем ее величии награбленного золота и драгоценных камней. Но нефритовый скребок, найденный среди озерных жилищ Швейцарии, стал ключом не просто к мертвым руинам древней цивилизации, но к языкам, на которых до сих пор говорят живые люди, и к мыслям, которые они обдумывают. Профессор Макс Мюллер в письме, которое мы публикуем сегодня, высказывает столько глубоких, наводящих на множество раздумий идей, что вопрос о природе и происхождении обработанного нефрита, который стал для всех них основой, рискует быть погребенным под грудой богатств, дверь к которым он нам открыл. Однако, если бы даже ни рядом, ни за этим вопросом ничего не стояло, достаточно сложным стало бы уже исследование вопроса о том, как нефритовый скребок из Роны пришел в Альпы, откуда происходит сам минерал и откуда — искусство, благодаря которому он был обработан, почему он так ценился и как он использовался. Чем дальше идет исследователь, тем более он понимает, что запутался. Китайцы владели

нефритом еще до начала исторических записей человечества. В «древнейшей из древних книг» нефрит перечислен как статья дани китайским властителям. В течение тысячелетий человеческой истории вплоть до открытия Новой Зеландии единственными разрабатываемыми рудниками чистого нефрита были рудники на реке Кара-Каш в горах Куньлунь. В этом регионе господствовал Китай; и так можно проследить источник китайского нефрита. Странно то, что, хотя Европа даже владела нефритом, никто не может высказать более чем теоретических соображений по поводу того, откуда мог взяться европейский нефрит. Озерные жители Швейцарии, как мы знаем, владели им. Его находят, хотя и изредка, среди украшений римских дам. Доктор Шлиман обнаружил его среди руин своего Илиона. Его никогда не находят в древних памятниках без следов обработки; но сама эта обработка бесспорно свидетельствует – зачастую, если не всегда – не о европейском, но о восточном искусстве. Нефритовый скребок, или *стригиль*, из Роны не мог быть обработан и, как можно полагать, не мог и быть использован своим озерным владельцем. Он имел бы смысл в помпейском особняке или в восточной паровой бане, но не среди лесов и потоков в ледяной атмосфере Альп. Когда исследователь движется дальше в область истории, вместе с ним идет и нефрит. Однако тайну его присутствия в ассирийских, греческих и римских дворцах разрешить не намного проще, чем среди грубо построенных из камня хижин. Хотя древние и считали нефрит таким драгоценным, у них не было для него особого имени. Они называли его «яшмой» (*jasper*), хотя, очевидно, яшмой он не является. В Средние века в Европе также ценили нефрит, но процесс, благодаря которому он попадал им в руки, тогдашние европейцы понимали не больше, чем греки и римляне. Сама Индия, которая столько говорит о нем, получала нефрит, как нечто странное и загадочное. Могольские императоры Дели владели нефритом, вряд ли зная, откуда он приходит: его украшали резьбой, драгоценными камнями и эмалью. Они призывали итальянских художников из Венеции и Генуи и повелевали им создавать из нефрита изысканные образы: эта особая форма безумия вводит в помешательство европейских коллекционеров. Однако источник и исток материала, по которому работали их художники, оставался скрытым в облаках легенд и мифов. Но еще до того, как Моголы превратили культ в страсть и моду, жилы минерала, похожего на нефрит, стали известны Европе, хотя и не в Азии. Испанцы, когда они заняли южные области Нового Света, также обнаружили здесь не действительно чистый нефрит, но камень с похожими свойствами, который ценили и почитали. Ацтеки носили украшения из жадеита, покрытые резьбой, на свой манер и верили, что они служат амулетами против болезней. Их завоеватели вскоре узнали, откуда они получают этот материал, и тогда впервые жад приобрел свое настоящее европейское имя. Как бы для того, чтобы подтвердить веру в таинственные силы этого минерала, когда исследовали Океанию, то открыли месторождения чистого нефрита; и когда он был открыт, маори также стали придавать этому камню те же целительные свойства, что и туземцы испанской Америки. Итак, перед нами минерал, которым люди дружно жаждали обладать в четырех из пяти частей света и который почитали, нисколько не понимая, почему и отчего. Одна Африка противилась почитанию нефрита. Он не фигурирует среди сокровищ фараонов. Камень в его естественном состоянии имеет свои определенные достоинства. Цвет, который варьируется от темно-зеленого до молочно-белого, чарует взор художника. Он также обладает, как говорит нам профессор Стори-Маскелайн, исключительной твердостью. С ним легко работать, когда он только что извлечен из жилы, и он застывает как раз достаточно, чтобы им можно было резать, сохраняя при этом режущий край. Именно поэтому жители Новой Зеландии используют нефрит как для томагавков, так и для амулетов, и нефритовые реликвии прошлого, обнаруженные в Швейцарии, часто имеют форму топоров. Однако в ходе всей древней истории мира нефрит, очевидно, использовался и для иной цели, не зависящей от повседневных потребностей жизни, что, очевидно, еще более повышало его ценность в глазах первобытных людей. Когда сын Акбара и его блистательные наследники собирали свои изысканные изделия из резного нефрита, основная привлекательность камня заключалась, судя по всему, в его текстуре. Однако то, что в первую очередь зачаровало глаза людей всего мира, – это не твердость или текстура и даже не красота камня; это была некая недоступная пониманию связь его с чувством и легендой, которые однажды и навсегда запечатлелись в человеческой природе. Это – одна из проблем, связанных с нефритом; другая, в чем-то связанная с первой, – это трудный вопрос, почему и как этот минерал проделал весь этот путь от своих единственных известных нам истоков. Он не мог быть извлечен из европейских месторождений; в противном случае современные следы его уже были бы найдены к нашему времени. Нефритовые топоры были обнаружены в Бретани и даже в Ирландии, а также в Швейцарии. Если действительно европейские рудники давали материал для этих изделий, которые находят повсюду, то к остальным загадкам добавится еще одна: почему же за все те бесчисленные века, прошедшие с тех пор, когда были вырублены и обработаны эти музейные сокровища, современные европейцы ни разу не находили ни одного необработанного куска или жилы, откуда они были вырублены. Если рассуждать методом исключения, то мы будем вынуждены принять один-единственный вывод. Бретонцы Бретани, кельты Ирландии, жители озер в тени Монблана должны были принести с собой свои нефритовые украшения и орудия с далекой родины, из Центральной Азии – своей собственной родины и родины нефрита, – по той простой причине, что в своей новой стране они нигде не могли бы найти этого материала. Восточный, греческий или римский скребок, обнаруженный в Роне, вполне может быть трофеем древних разбойничьих набегов за Альпы в Италию. Однако нефритовые топоры не могли быть похищены в классической Италии. Греки и римляне ничего не знали о следах каменного века, которые ученые теперь открывают как в руинах цивилизованной Италии, так и в первобытных лесах Америки. Доводы профессора Макса Мюллера ведут нас в более возвышенную область рассуждений. Может быть, нет никакой альтернативы гипотезе, согласно которой европейские варвары привезли с собой из Азии нефрит, найденный археологами. Однако с первого взгляда само это объяснение кажется неправдоподобным. наших европейских праотцев, бедных странников, бросало по такому океану пустынь, лесов, пустошей, оледенелых гор и сгорающих от жара равнин, что можно представить себе, как их, словно на берег, выбросило на безлюдные окраины мира без единого следа того сходства, которое было между ними, когда они только начинали свой страшный путь. И то, что у этих арийцев, как бы носившихся по воле волн, когда они пришли в себя от остолбенелого изумления при виде той странной земли, на которой наконец они остановили свой ход, в руках оказался нефритовый топор или драгоценность, которую они ценили как амулет – будь то против землетрясений или болезней – в сердце знойной Азии, несомненно, кажется столь же абсолютно невозможным, как если бы у ребенка, который утонул у Тэй-Бридж, когда его

Рис. 668–670. Каменные топоры. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 32 футов)

вынесло на берег, оказалась бы в руках игрушка, с которой он играл в тот момент, когда его затянуло в бездну. Профессор Мюллер готов был признать, что это невозможно – если бы еще более невозможное явление не оказалось возможным. Язык развивается благодаря окружающей среде. Нет такой окружающей среды, которая была бы более несхожа, чем та, что окружала индоевропейцев, когда они еще были азиатами и когда они стали европейцами. Когда они шли от первого своего местожительства к последнему, то все должно было склонять их к тому, чтобы забыть свой ранний язык и приспособить свой разговор к новой речи. Следовало ожидать, что постепенно сначала пропадет одно выражение, один тон, потом другой – пока от старого языка не останется ничего. Но напротив, они принесли с собой свой словарь почти нетронутым всюду, куда бы ни забрасывала их судьба в этом широком мире. Они так заботились о том, чтобы не утратить ничего, что, хотя все звало к переменам, столь хрупкая вещь, как ударение на нескольких числительных, воспротивилась гению аттической, ионийской и дорийской речи – гению, который казался непобедимым. Если они могли перенести свою арийскую речь на берега Роны, то еще легче они могли, убеждает нас профессор Мюллер, привезти с собой несколько кусков камня. Столь же легко, мог бы сказать он, могли они привезти с собой тот неопределенный инстинкт и религию, которые сделали эти куски камня столь драгоценными в их глазах. Профессор привел нас к обширному полю для размышлений. Пересекая его, мы чувствуем себя людьми-мозаиками: мы и все, что принадлежит нам, все – центоны и компиляции мертвого прошлого, которое живет и дышит в нас. В одном отношении профессор Мюллер, отражая довод о предполагаемой невозможности перевозки нефрита более чем равной гипотетической невозможностью переноса языка, даже слишком убедителен. В случае, о котором мы говорим, перевезен был нефрит, однако имя нефрита, как говорит нам сам профессор, перевезено не было. Если необходимо было еще какое-то добавление ко многим физическим, историческим и философским тайнам этого странного минерала, то вот оно». «Нефрит *Издателю «Таймс» 19 января 1880 года* Сэр! Весьма любопытно было прочесть в передовице «Таймс» за четверг, что у древних не было отдельного названия нефрита; это подтверждается также и в отношении китайцев. Они называли его *Yuh*, или «драгоценность», и классифицировали различные известные им разновидности нефрита на семьдесят семь категорий, но для самого минерала отдельного общего названия у них не было. Однако в отличие от любителей нефрита в других странах они по меньшей мере пытались объяснить, почему люди, говоря словами передовицы «Таймс», «жаждали обладать» и «почитали» этот камень. Согласно прославленному философу Гуань Чжуну, который писал в VII веке до н. э., созерцание куска нефрита открывает для глаз истинного китайца целую панораму поэтических видений. В нем он видит девять высочайших совершенств человечества. Сияющая гладкость нефрита – это символ благожелательности; в его блестящей полировке он созерцает эмблему знания; в его нестигаемой прочности – праведность; в его скромной безобидности – добрые дела; в его редкости и безупречности – непорочность; в его неразрушимости – терпение; в том, как нефрит показывает все свои недостатки, видна непосредственность; в том, что, несмотря на свою исключительную красоту, он переходит из рук в руки, не загрязнив себя, – нравственное поведение; и в том, что, когда по нему ударяют, он дает ноту, которая резко и ясно звучит на расстоянии, заключена музыка. «Именно поэтому, – заключает философ, – люди и считают этот камень самым драгоценным, и именно это заставляет их видеть в нем прорицателя суждений, амулет и счастливое предзнаменование». Другие философы, которые погружались в тайны бытия этого загадочного минерала, утверждали, что он – не что иное, как суть неба и земли. Отсюда и его особое право на почитание и его якобы сила в качестве оберега. Нас не должно удивлять, что то почитание, которым пользуется нефрит в Китае, основывается на не более прочном фундаменте, нежели видения мистиков. Разве большинство тех поверий, которые сковывают людей, не основаны на снах? Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой Роберт К. ДугласКолледж-Гарденз, 5, Далвич, 17 января»

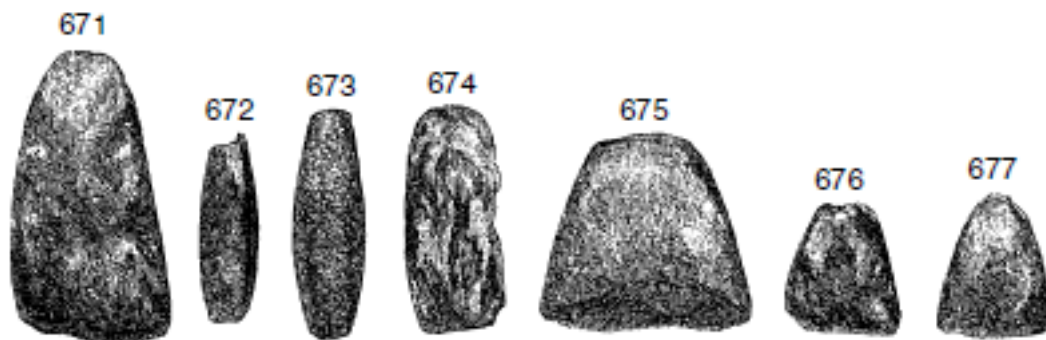

Рис. 671–677. Каменные топоры и долота. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине от 22 до 32 футов)

На рис. 678 – жернов из трахита. Я уже говорил о жерновах на предыдущих страницах: здесь я повторяю, что они в очень больших количествах встречаются в четырех нижних доисторических городах, особенно в третьем и в четвертом, так что я смог собрать их целые тысячи. К списку местностей, в которых найдены подобные жернова, я могу добавить итальянские террамары⁸⁰ и Холихед⁸¹ в Англии. Рис. 679 – это большой кусок гранита, плоский снизу, с большим отверстием в центре. Это отверстие слишком велико, чтобы мы могли предположить, что этот камень мог с помощью деревянной ручки использоваться в качестве верхнего камня жернова; я скорее склонен полагать, что он служил подставкой для ваз с выпуклым дном. Похожи на него каменные диски, которые в большом количестве встречаются в четырех нижних доисторических городах; они, конечно, совершенно круглые, и в центре у них большое отверстие.

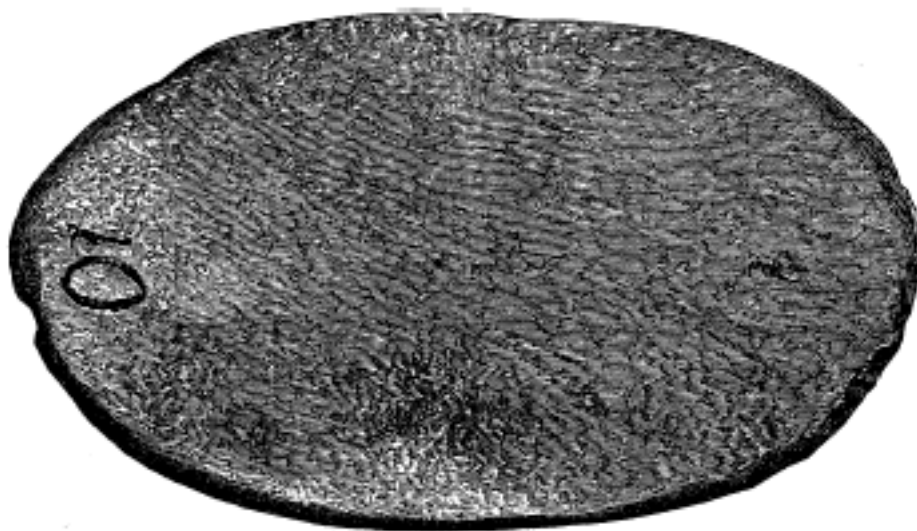

Рис. 678. Жернов из трахита. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 33 фута)

⁸⁰ Helbig W. Op. cit. S. 17, 101.

⁸¹ См. статью г-на Оуэна Стэнли (Stanley) в Archaeological Journal.

Рис. 679. Предмет из гранита с отверстием. (Примерно 1:5 натуральной величины. Найден на глубине 33 футов)

Рис. 680. Массивный молот из диорита. (1:4 натуральной величины. Найден на глубине 33 футов)

Рис. 681. Возможно, приап. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

Рис. 682. Предмет из белого мрамора, возможно приап. (Натуральная величина. Найден на глубине 30 футов)

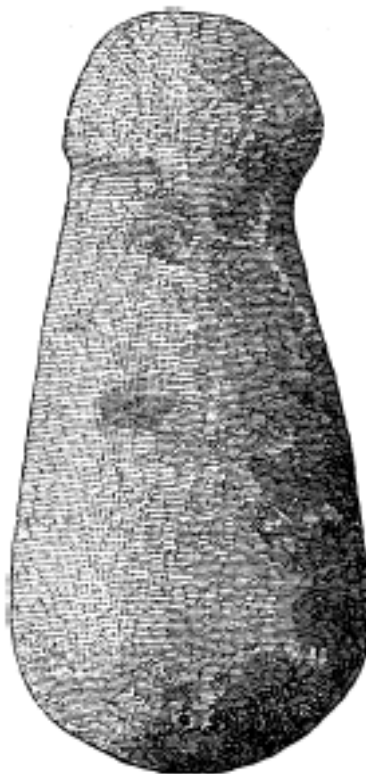

Рис. 683. Предмет из камня, возможно приап. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

Как я уже имел случай упомянуть раньше⁸², профессор Сэйс написал мне следующее: «Путешествуя в прошлом году по Лидии (сентябрь 1879 года), я обнаружил любопытный памятник, спрятанный в кустах на северном склоне горы Сифил, примерно в полумиле к востоку от знаменитой статуи Ниобы и неподалеку от верха скалы. Это был большой фаллос, с нишей, вырубленной в скале по обе стороны от него, и две ямные могилы спереди, похожие на ямную могилу спереди от статуи Ниобы. Фаллос представляет собой естественную формацию, как тот, что расположен близ Бидаррая в Пиренеях, который я однажды видел и который у баскских женщин все еще является объектом почитания и местом паломничества. Однако естественная формация была улучшена искусством. Искусственные ниши по бокам находятся каждая примерно в половине фута от изображения. Очевидно, это должно было быть местом паломничества в доисторическую эпоху Лидии, и лидийские женщины могли посещать его точно так же, как баскские женщины в надежде получить потомство все еще посещают так называемого «святого из Бидаррая». Я сделал заметку о моем открытии в письме в Academy от 18 октября 1879 года».

Теперь я перехожу к металлам третьего, сожженного города, и начну я с предметов, которые находились в большом сокровище, найденном мною на большой стене рядом с древним царским домом к северо-западу от ворот, на месте, помеченном Δ на плане I.

Сначала я перечислю здесь различные предметы, содержащиеся в сокровище, в том порядке, в котором я извлек их:

1. Медный щит (рис. 799).
2. Медный котел (рис. 800).
3. Медная пластинка (рис. 782).
4. Сломанная медная ваза.

⁸² См.: Кн. 1. С. 401.

5. Шаровидная золотая бутылка (рис. 775).
6. Большой δέπας #μικύτελλον (рис. 772 и 773).
7. 6 серебряных талантов (рис. 787–792).
8. 3 серебряные вазы (рис. 779, 780, 781).
9. 1 серебряная крышка для вазы (рис. 778).
10. Серебряная чаша (рис. 785).
11. Серебряная чаша или тарелка (φιάλη) (рис. 786).
12. 2 серебряные вазы (рис. 783 и 784).
13. 13 бронзовых наконечников копий, 6 из которых я воспроизвожу на гравюрах (рис. 801–805 и 815).
14. 14 боевых топоров из бронзы, из которых 5 представлены на рис. 806–809 и 810.
15. 17 обоюдоострых бронзовых кинжалов; см. 4 из них, воспроизведенные на рис. 811–814, и 2 любопытных бронзовых предмета вооружения (рис. 816 и 817).
16. Бронзовый нож (рис. 956 или 967).
17. Медный (или бронзовый?) ключ (рис. 818).

Рис. 684. Предмет из камня, возможно приап. (Половина натуральной величины. Найден на глубине 26 футов)

На дне серебряной вазы (рис. 779) были найдены:

18. Золотая диадема (πλεκτ# #ναδέσμη) (рис. 685 и 686).
19. Еще одна такая диадема (рис. 687).
20. Золотая лента (рис. 767).
21. 4 золотые сережки с подвесками (рис. 768–771).

Среди них и над ними лежали:

22. 56 золотых сережек (рис. 694, 695, 698–704, 752–764).
23. 8700 маленьких золотых колец, призм с отверстиями, игральные кости, золотых пуговиц, небольших золотых брусочков с отверстиями, маленьких сережек и т. д., представленных на отдельных гравюрах (рис. 696, 697, 705–738, 765 и 766) и на гравюрах, изображающих 13 ожерелий (рис. 739–745 и 746–751).

На них лежали:

24. 6 золотых браслетов (рис. 689), 4 из которых показаны отдельно на рис. 690–693.

И сверху лежали:

25. Золотой кубок (рис. 776).
26. Кубок из электрона (рис. 777).

Поскольку все эти предметы я нашел вместе и они образовывали прямоугольную массу или были запакованы один в другой, то кажется бесспорным, что их положили на городскую стену в деревянном ларце (φοτιάριος), таком, как тот, что упоминает Гомер как хранящийся во дворце царя Приама:

Так произнес, – и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
Хлен⁸³ двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою
Выкупить милого сына⁸⁴.

Таким образом, содержимое Приамова ларца вполне можно сравнить с вещами изклада, что находится перед нами.

Вполне возможно, что во время пожара кто-то поспешно упаковал сокровища в ларец и вытащил его, даже не имея времени вынуть ключ; однако, когда он дошел до стены, его настигла рука врага или пламя, и он был вынужден бросить ларец, который был немедленно покрыт на высоту от 5 до 6 футов красными или желтыми углями и кирпичами от соседнего царского дома. Именно так я, конечно, полагал в момент открытия; однако с тех пор я обнаружил в присутствии профессора Вирхова и месье Бюрнуфа на той же самой стене, лишь в нескольких ярдах к северу от того места, где был найден большой клад, другое сокровище, поменьше, и еще три клада на стенах соседнего царского дома или рядом с ними. Итак, я теперь скорее склонен думать, что все эти сокровища выпали во время пожара с верхних этажей царского дома.

Это представляется тем более вероятным, что за несколько дней до обнаружения большого клада я нашел рядом с ним фрагменты шлема и серебряную вазу с рис. 793 вместе с кубком из электрона с рис. 794; обо всех этих предметах я расскажу на последующих страницах.

На древесном угле и кирпичах, которые покрывали сокровище на глубину от 5 до 6 футов, люди последующего, четвертого города, поставили оборонительную стену высотой 20 футов и шириной 6, которая состояла из больших обтесанных и необтесанных камней и земли: эта стена, которая была разрушена в ходе последующих раскопок, простиралась на глубину порядка 3¹/₄ фута в глубь поверхности холма.

Золотая диадема (πλεκτῆς ἀδέρσμη)⁸⁵ с рис. 685 (рис. 686 – другой вид на нее) состоит из нити длиной 22 и шириной почти 1/2 дюйма, с которой свисают с каждой стороны 7 маленьких цепочек, которые покрывают виски. Каждая цепочка состоит из 50 двойных колец, и между каждыми четырьмя из этих колец подвешен шестиугольный листочек с желобком по

⁸³ Х л е н – теплый широкий плащ, верхняя одежда.

⁸⁴ II. XXIV. 228–237.

⁸⁵ Г-н Гладстон высказал остроумное предположение, по которому эти золотые диадемы (рис. 685 и 687) должны быть идентичны по форме той, которую Андромаха сорвала с головы, погрузившись в горе после гибели Гектора; порядок слов заставляет полагать, что украшение носили поверх головной повязки (κρῆμνον): Спала с нее и далеко рассыпалась пышная повязь, Ленты, прозрачная сеть и прекрасноплетенные тесмы; Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты... (II. XXII. 468–470)

длине; эти цепочки соединены друг с другом четырьмя небольшими перекрестными цепочками. На конце каждой из этих боковых цепочек висит фигурка, похожая по форме на троянских идолов. Действительно, посмотрев на весь ряд троянских идолов, никто не может предположить, что первобытный ремесленник мог иметь в виду изобразить здесь что-либо иное, кроме как этих идолов. Единственная разница между этими и каменными идолами — та, что здесь глаза и клюв не прочерчены, а даны в рельефе и последний доходит до самого низа; далее, что колени (или ноги?) показаны здесь, как и глаза, выступающими точками и что как глаза, так и колени обрамлены кругами из маленьких точек. Длина каждого идола составляет почти дюйм; их ширина на нижнем конце — около $\frac{3}{4}$ дюйма. Вся длина каждой из этих цепочек с идолами доходит до 10,4 дюйма. Между этими украшениями для висков находятся 50 маленьких цепочек-подвесок, каждая из которых состоит из 21 двойного кольца, и между каждыми четырьмя из этих колец находится шестиугольный листок. На конце каждой цепочки висит идол такой же формы высотой $\frac{3}{5}$ дюйма; длина этих коротких цепочек с идолами — только 4 дюйма. Число золотых колец, из которых состоят 64 цепи диадемы, достигает 1750, и число шестиугольных листочков — 354; количество идолов-подвесок — 64.

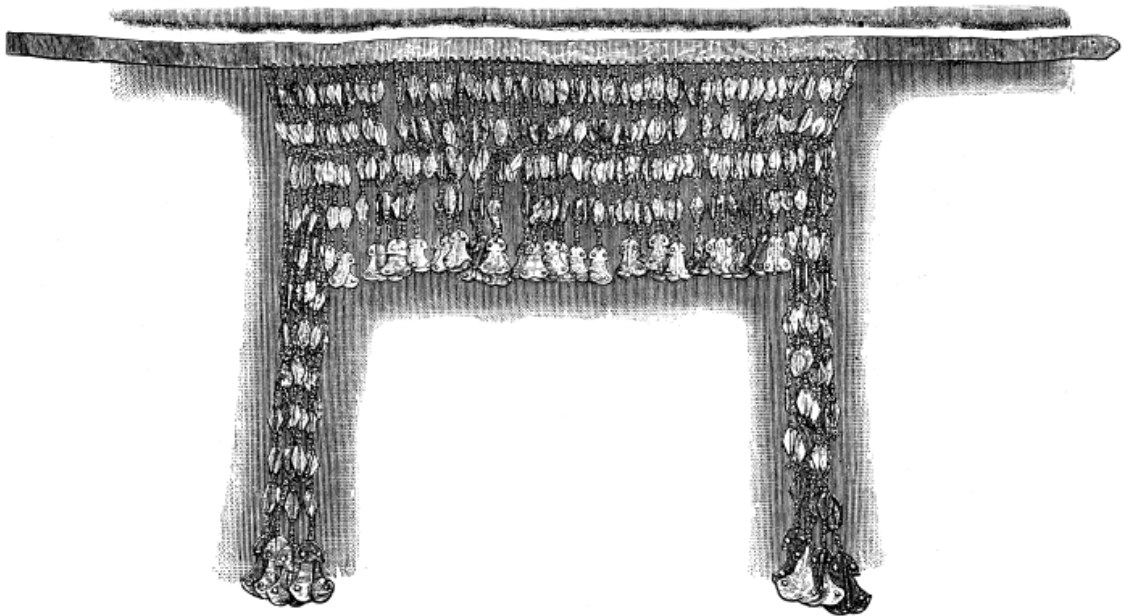

Рис. 685. Золотая диадема (πλεκτῆς χρυσῆς) длиной 22 дюйма с 64 цепочками, к которым присоединены маленькие фигурки в виде идолов. (Немного более половины натуральной величины; была найдена в большом троянском кладе на глубине 28 футов)

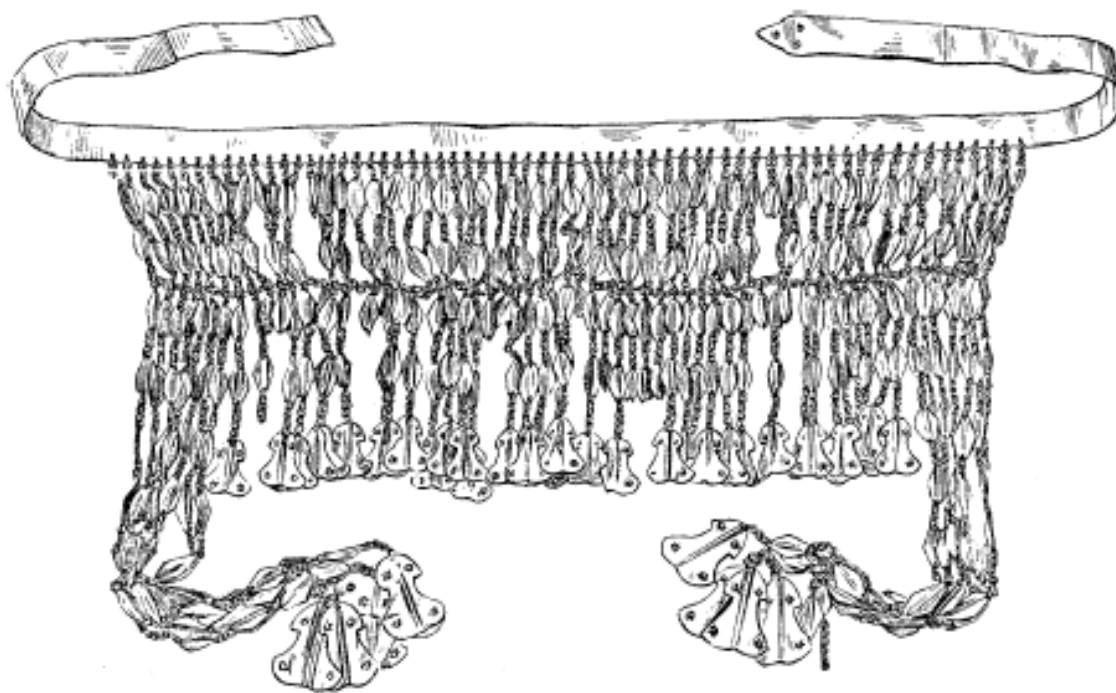

Рис. 686. Другой вид на ту же диадему

Другая золотая диадема (πλεκτῆς #ναδέσμη), с рис. 687, длиной 20,4 дюйма (сверху). Вместо ленты, как на рис. 685, она состоит из золотой цепочки, состоящей из 295 колец двойной золотой проволоки, с которой на каждой стороне подвешены 8 цепочек длиной 15,8 дюйма. Каждая из них состоит из 360 колец, сделанных из двойной золотой проволоки; между каждыми тремя из таких колечек прикреплен копьевидный листок. На конце каждой из этих цепочек подвешена фигурка длиной 1,3 дюйма, в которой мы опять узнаем обычную форму идола; однако здесь лицо не обозначено: мы видим только точку на том месте, где должен быть лоб, другую – в середине и три – внизу. Каждый идол также украшен линиями из точек. Между этими височными украшениями также находятся 74 маленькие цепочки, длиной 4 дюйма; каждая из них состоит из 84 колец из двойной золотой проволоки и украшена 28 копьевидными листочками. На конце каждой цепочки подвешен большой лист похожей формы. Давайте подсчитаем количество двойных колечек и листочков в этом сказочном уборе.

	Кольца	Листочки
В верхней цепочке: двойных колец	295	
В каждой из 16 височных цепочек:		
360 двойных колечек (16 × 360)	5760	
Маленьких копьевидных листочков		1920
В каждой из 74 коротких налобных цепочек:		
84 двойных кольца: (74 × 84)	6216	
Маленьких копьевидных листочков		2072
Кроме того: больших копьевидных листочков		74
Кольца и листочков, всего	12 271	4066
Общее количество деталей (с 16 идолами)		16 353

Все листочки подвешены за отверстия к проволочкам.

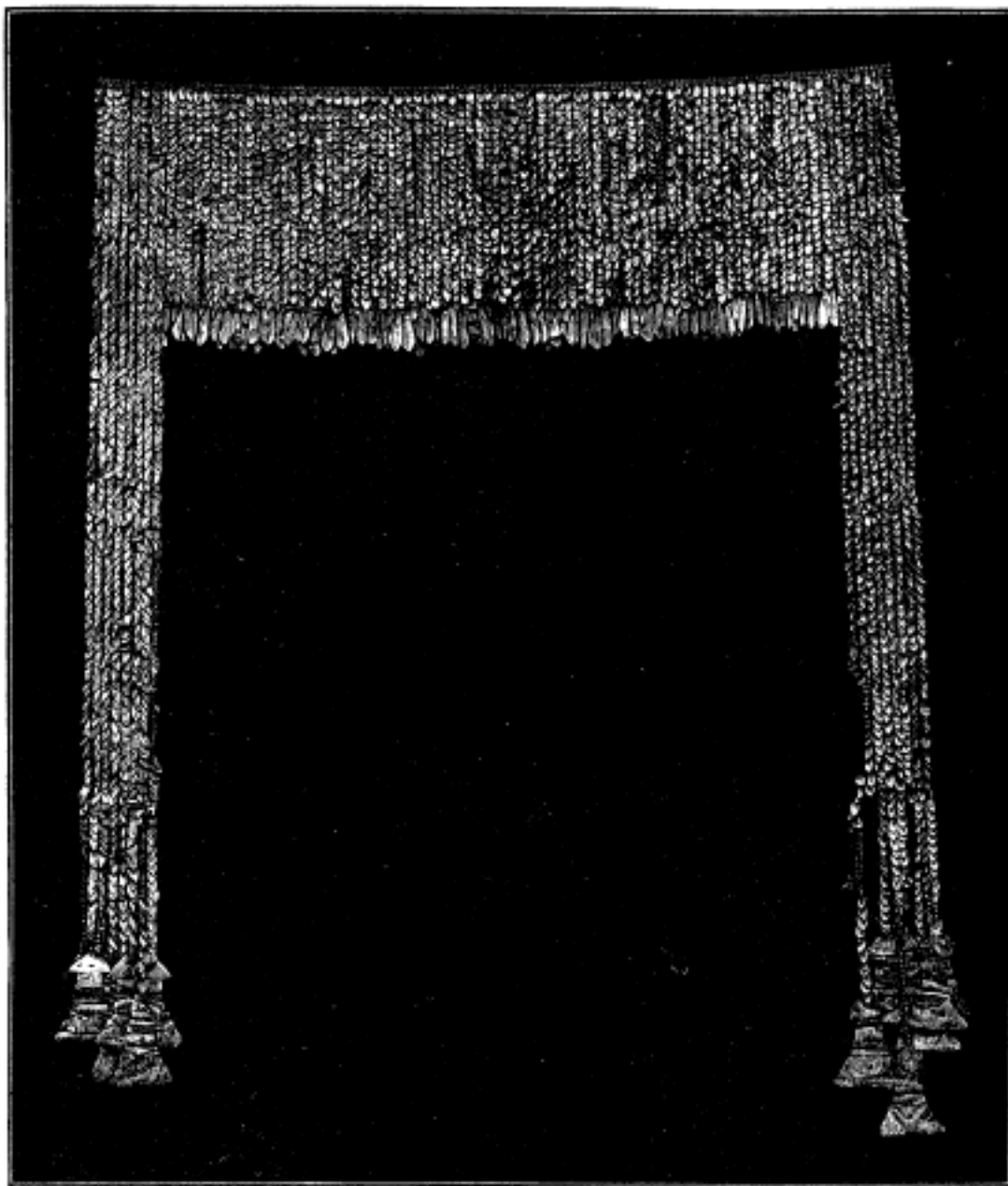

Рис. 687. Золотая диадема (πλεκτ# #ναδέσμη) длиной 20,4 дюйма, с 74 короткими и 16 длинными цепочками, найденная в большом троянском кладе. (1:3 натуральной величины. Найдена на глубине 28 футов)

Мой друг г-н Карло Джулиано, прославленный лондонский ювелир и торговец древностями, который любезно посвятил шесть часов своего драгоценного времени изучению вместе со мной троянских драгоценностей, объяснил мне, что все идола и листочки на обеих диадемах (рис. 685 и 687) были вырезаны из тонкого золотого листа с помощью бронзового пуансона. Чтобы сделать такую тонкую проволоку, троянцы могли использовать только слитки очень чистого золота, которое они пропускали через отверстия на волоочильной доске; такую проволоку они могли постепенно и легко доводить до исключительной тонкости. Использовать золото с примесями для такой тонкой проволоки было нельзя.

На нашем рис. 688 показана диадема с рис. 687 так, как ее могла бы носить троянская дама.

Рис. 688. Диадема (рис. 687) в том виде, в каком ее носили

Рис. 689 воспроизводит спутанную массу из шести золотых браслетов в точности в том виде, в каком я нашел их. Два из этих браслетов, показанные отдельно под рис. 690 и 691, двойные, толщиной $\frac{1}{4}$ дюйма, но совсем простые; на каждом конце у них по выпуклости, похожей на те, что мы видим на конце браслета на рис. 918. Два других, из которых я один воспроизвожу под рис. 692, толщиной только $\frac{1}{6}$ дюйма; они также простые и закрытые; пятый тоже закрытый, однако он состоит из орнаментированной ленты толщиной $\frac{1}{25}$ и шириной $\frac{1}{3}$ дюйма. Согласно г-ну Джулиано, он был сделан следующим образом: две золотые проволоки были скручены в противоположных направлениях, одна – направо, одна – налево; затем золотую проволоку припайвали к изгибу с каждой стороны, как ясно можно видеть во многих местах, где припой был утрачен. Я не даю здесь отдельной гравюры браслета, поскольку фотография не получилась. Шестой браслет, который я воспроизвожу тут на рис. 693, – двойной и состоит из прямоугольной в сечении скрученной проволоки. Я обращаю особое внимание читателя на малый размер этих браслетов, особенно на рис. 692 и 693, которые, как кажется, говорят о том, что у троянских женщин были на удивление маленькие руки.

Рис. 689. Шесть золотых браслетов, соединенных в одну связку, в том виде, в каком они были найдены в большом троянском кладе. (Примерно 1:3 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

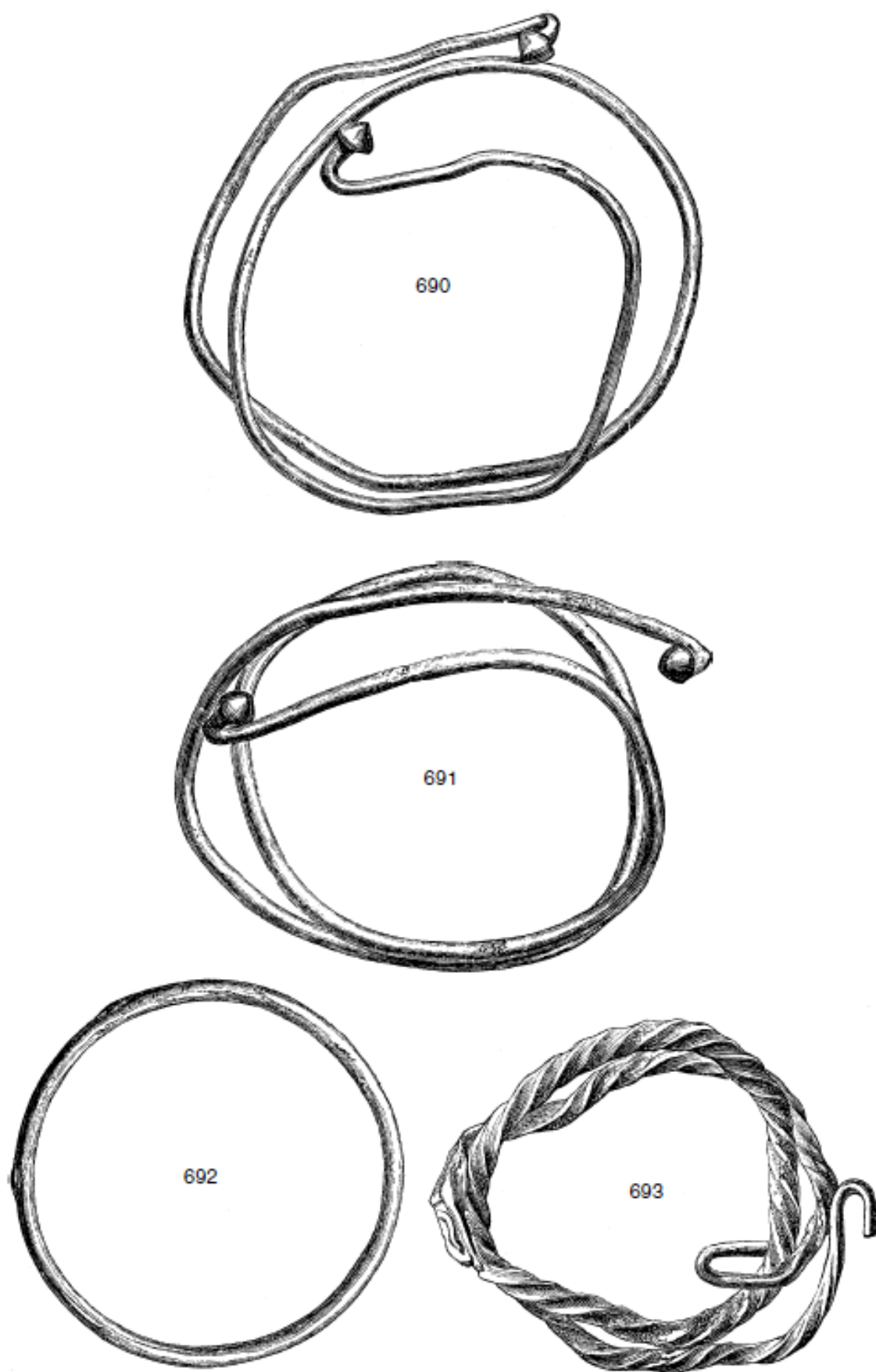

Рис. 690–693 изображают в натуральную величину четыре из шести браслетов, содержащихся в связке (рис. 689)

Из 56 золотых сережек я воспроизвожу различные их формы на рис. 694, 695, 698 и 752–764. За исключением рис. 703 и 704, все эти сережки состоят из сплошных золотых проволочек, которые были спаяны вместе, и из одного конца было выковано колечко и наконечник; затем в серьгах были проделаны желобки; таким образом, получились «бусинки», которые мы видим на рис. 698 и 700–702. Любопытная сережка с рис. 703 сделана в виде двух змеек, а с рис. 704 – в виде трех таких змеек. Они, как объяснил г-н Джулиано, состоят из стольких же пластинок металла, сколько тут змеек: на пластинках сделали выпуклый орнамент и на каждой из них провели несколько рядов желобков; затем соединили вместе две пластинки с выпуклым орнаментом и линии желобков были заполнены шарообразными зернышками; после этого к каждому концу припаяли золотую бусинку; в бусинку на одном конце впаяли шарообразный кусочек золота, такой, как мы видим на толстом конце сережки с рис. 841, в то время как к другой стороне припаяли золотую проволочку, и, таким образом, получилась сережка. Итак, здесь мы впервые видим работу с зернью.

Рис. 694, 695. Две золотые сережки из числа небольших золотых украшений в серебряном кувшине (рис. 779) в большом кладе. (Половина натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

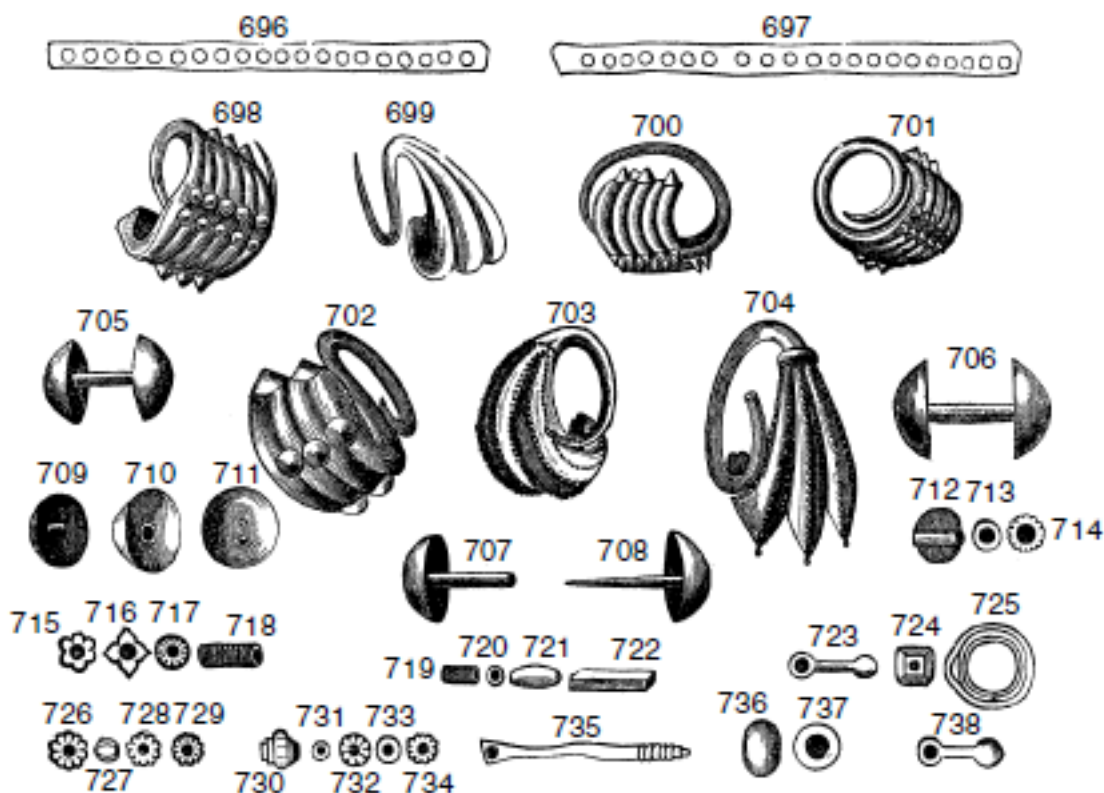

Рис. 696–738. Выборка небольших золотых украшений из серебряного кувшина (рис. 779), хранившихся в большом троянском кладе. (Примерно 2:3 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

Очень просты, но весьма любопытны также золотые серьги с рис. 705 и 706, которых было найдено около дюжины. Они сделаны почти что в форме наших современных запо-

нок, и длина их составляет около 0,3 дюйма. Однако они не были спаяны, а просто соединились; поскольку, как мы видим на рис. 707, на вогнутой стороне в одной половине сережки выступает трубка ($\alpha\lambda\sigma\kappa\omicron\varsigma$) длиной $\frac{1}{4}$ дюйма и из другой (рис. 708) – булавка ($\mu\beta\omicron\lambda\omicron\nu$) той же длины, и, чтобы надеть сережку, эта булавка просто втыкалась в трубочку. Каждая половинка такой сережки состояла из двух небольших золотых пластинок, из которых из одной была выкована миниатюрная чашечка, а из другой сделана небольшая трубочка или булавка. Затем в одну из чашечек впаивали трубочку, а в другую – булавку, и сережку надевали просто вставляя булавку с одной половины в трубочку с другой.

Мой друг профессор Вольфганг Хельбиг⁸⁶ не согласен с тем, что такие драгоценности, как на рис. 694, 695, 698, 700–702 и 752–764, могли использоваться как сережки. Он считает, что они служили украшениями для волос. Профессор Вирхов заметил мне, что они больше похожи на сережки для носа, чем для ушей. Но я определенно полагаю, что они использовались как сережки для ушей, и больше никак.

Очень любопытны также золотые пуговицы высотой $\frac{1}{5}$ дюйма, три из которых я воспроизвожу на рис. 709–711; в их впадине есть колечко для пришивания шириной $\frac{1}{8}$ дюйма; таких пуговиц было найдено около дюжины.

На рис. 712–738 я воспроизвожу различные формы из 8700 небольших золотых предметов, которые, как я уже говорил, были найдены в серебряной вазе с рис. 779. Я нанизал их в два набора: один из них, состоящий из 4610 предметов, представлен 13 ожерельями, (рис. 739–745 и 746–751). Другой набор из 12 ожерелий, содержащий 4090 предметов, совершенно такой же. Читатель увидит здесь золотые колечки диаметром только $\frac{1}{8}$ дюйма; кубики с отверстиями, гладкие или в форме небольших зубчатых звездочек диаметром около $\frac{1}{6}$ дюйма; золотые призмы с отверстиями длиной 0,1 дюйма и шириной $\frac{1}{8}$, украшенные по длине восемью или шестнадцатью насечками, и небольшие листочки с отверстиями по длине, как на рис. 712, состоящие из очень тонких двойных пластинок; их, как объяснил г-н Джулиано, изготовили следующим образом: между ними положили пробойник, затем сдавили с обеих сторон и спаяли. Золотые квадратные призмы, как на рис. 722, столь совершенны, что их, должно быть, протягивали через металлическую волоочильную доску. Делали это так: тонкую золотую пластинку скручивали в форме длинной трубки, затем протаскивали ее через квадратные отверстия в металлической пластине и затем запаивали; однако по большей части эти призмы просто загнуты, а не запаяны.

Чтобы сделать маленькие зубчатые колесики и звезды, как на рис. 714–717, 726, 728, 729, 732 и 734, троянский ювелир брал кусок золота, клал его на угли и расплавлял его с помощью мехов; таким образом получались шарообразные зернышки; затем он делал в них отверстие круглым пуансоном, клал их на пробойник и вырезал бороздки другим продолговатым пуансоном; но перед этим их проковывали, придавая заготовкам квадратную форму.

Далее г-н Джулиано объяснил, что троянский ювелир, чтобы сделать очень маленькие простые золотые колечки или бусы, как на рис. 731, брал длинную золотую проволоку, обматывал ее вокруг медного или бронзового пробойника и вырезал колечки; затем он клал колечки на угли длинными рядами и спаивал два конца каждого отдельно с помощью крошечного кусочка припоя, с тем чтобы не увеличивать вес проволоки. Он мог сделать это, потому что их золото легче поддавалось ковке, чем наше, поскольку было очень чистым. Чтобы сделать предметы, как на рис. 723, он брал маленький брусок золота, проковывал его с одного конца, сплющивал и делал в нем отверстие пуансоном; к другому концу он припаивал цельную бусину. Как показал мне г-н Джулиано, отдельные колечки вроде рис. 725,

⁸⁶ Helbig V. Sopra il Trattamento della Capellatura e della Barba all' epoca Omerica. Roma, 1880.

состоят из двух спиралей золотой проволоки, в три или четыре оборота каждая. Эти две спирали клали одна на другую и спаивали вместе; но так, что на обеих сторонах между ними оставалось отверстие, чтобы предмет можно было надеть на нить ожерелья.

Большие золотые бусины, как на рис. 736, были изготовлены следующим образом: из золотой пластины были выкованы две маленькие чашечки; сначала от каждой из них был отрезан кусочек с каждой стороны в размере половины необходимой величины отверстия; и затем две чашечки были спаяны вместе. Предметы как на рис. 718 и 719 состоят из маленьких золотых колечек числом от восьми до шестнадцати (как на рис. 720), которые были спаяны вместе. Предметы как на рис. 735 были изготовлены из золотого брусочка, один конец которого был сплюснен, и в нем проделали отверстие; другой конец заострили и украсили семью круговыми насечками. Этот предмет похож на болт, но таковым не является. Предметы как на рис. 730 изготавливали таким образом: кусочек золота клали на раскаленные угли и с помощью мехов его расплавляли, получая бусину, в которой затем проделывали отверстие, выковывали и придавали ей желаемую форму пуансоном. Напильники, безусловно, были неизвестны, поскольку я не нашел ни следа их как ни в одном доисторическом городе Трои, так и в Микенах.

Как первобытный художник мог сделать всю эту тонкую работу и в особенности как он мог выполнить тончайшую зернь на сережках с рис. 703 и 704, где бесконечно маленькие золотые зернышки приходилось впаивать в микроскопические бороздки, – как же он мог сделать это без помощи линзы – тайна даже для г-на Джулиано⁸⁷. Но тем не менее это было сделано, и с мощной линзой мы легко можем увидеть пайку даже на самых крошечных колечках, размером меньше, чем на рис. 720.

Предметы с рис. 696, 697 и 766 состоят из длинных плоских пластинок золота с большим количеством отверстий, в которые, несомненно, подвешивались украшения, состоявшие из небольших предметов, как на рис. 712–738.

На рис. 767 я воспроизвожу золотую ленту ($\# \mu \nu \xi$) из сокровища, длина которой составляет 18,4 дюйма, а ширина – 0,4 дюйма. На каждом конце у нее по три отверстия для повязывания вокруг головы, и вокруг она украшена каймой из выдавленных точек. Восемь квадратных рядов точек разделяют ее на девять отрезков, в каждом из которых по две большие точки.

⁸⁷ Профессор Вирхов заметил мне, что на мексиканских золотых украшениях можно видеть зернь такой же степени тонкости.

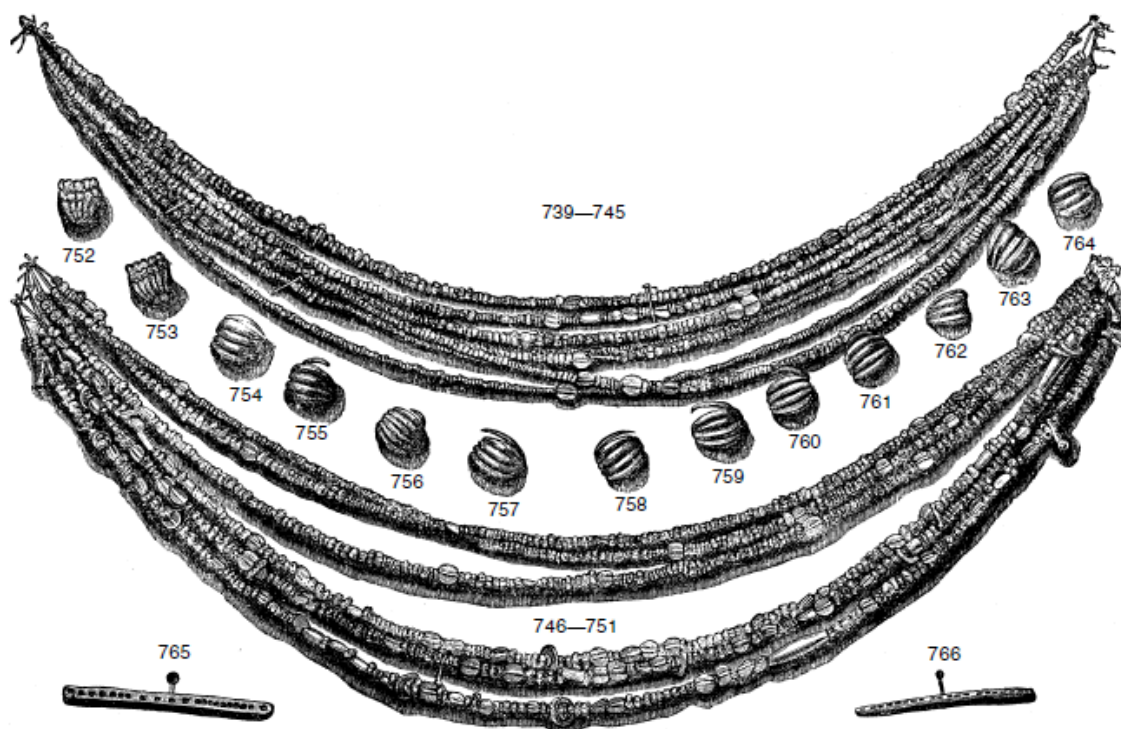

Рис. 739–745, 746–751. Ожерелья, составленные из маленьких золотых драгоценностей. Рис. 752–764. Золотые сережки. Рис. 765, 766. Золотые бруски с несколькими отверстиями. Все эти драгоценности находились в серебряном кувшине (рис. 779), обнаруженном в большом троянском кладе. (Примерно 2:3 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

Из четырех серег с подвесками с рис. 768–771 только две (рис. 768 и 769) в точности похожи друг на друга. Каждая из них состоит из шестнадцати круглых золотых проволочек, спаянных вместе и загнутых в форме корзиночки, в верхней части которой три золотые проволоки спаяны по горизонтали в параллельные линии, образуя таким образом два поля, в верхнем из которых припаяно двенадцать, в нижнем – одиннадцать золотых бусин. К нижней части «корзиночек» припаяна небольшая плоская пластинка из золота, к которой припаяно шесть колец; и с каждого из них свисает золотая цепочка, сделанная из звеньев двойной золотой проволоки, каждое из которых украшено шестью четырехугольными золотыми кольцами; между каждыми двумя из них вставлен цилиндр, сделанный из тонкой квадратной золотой пластинки, которая просто согнута (а не спаяна). На концах цепочек подвешены маленькие фигурки из золотых пластинок, похожие по очертаниям на обычную форму идоллов; однако у них только по одной точке на голове и три – в нижней части. К середине описанной выше «корзинки» был припаян крючок сережки с острым концом.

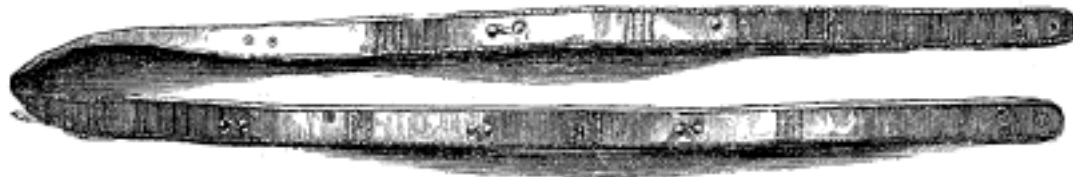

Рис. 767. Золотая лента (#μτῶξ) более 18,4 дюйма в длину, находившаяся среди сокровищ в серебряной вазе (рис. 779). (Найдена на глубине 28 футов)

Еще более замечательны золотые сережки с рис. 770 и 771; поскольку их верхняя «корзинка» состоит из сорока золотых проволочных колечек; восемнадцать очень тонких прово-

лочек – с каждой стороны, а в центре – пучок из четырех более толстых проволочек, расплюснутых с помощью молотка. Все сорок проволочек спаяны вместе, и четыре центральные украшены геометрическими узорами. На верхней части этой корзиночки припаяны по горизонтали три параллельные проволоки, образующие, таким образом, два поля, в каждом из которых припаяно семь или восьми розеток, состоящих из больших золотых бусин, окруженных несколькими маленькими бусинами. К нижней части этих «корзиночек» присоединена золотая пластинка с прочерченными геометрическими узорами и пятью отверстиями, в которых подвешено пять цепочек, образованных из звеньев двойной золотой проволоки. Каждая цепочка украшена двадцатью тремя золотыми листиками, в каждом из которых есть по два отверстия, за которые они были подвешены. В конце каждой цепочки подвешена фигурка, похожая на идола, вырезанная из тонкой золотой пластинки и украшенная с помощью пуансона четырьмя большими точками, вокруг каждой из которых находится бесчисленное количество маленьких; однако эта чеканка есть только на идолах на рис. 770; на рис. 771 они простые.

Теперь я перехожу к большому двуручному золотому кубку (рис. 772 и 773), который, как полагает г-н Джулиано, имеет пробу в 23 карата. Весит он точно 600 граммов (примерно 1 фунт 6 тройских унций), высота его составляет 3,6 дюйма, длина 7,5 дюйма и ширина – 7,3 дюйма. Он сделан в форме корабля; ручки у него очень большие; сбоку носик для питья шириной 2,8 дюйма, и на другой стороне еще один, шириной 1,4 дюйма.

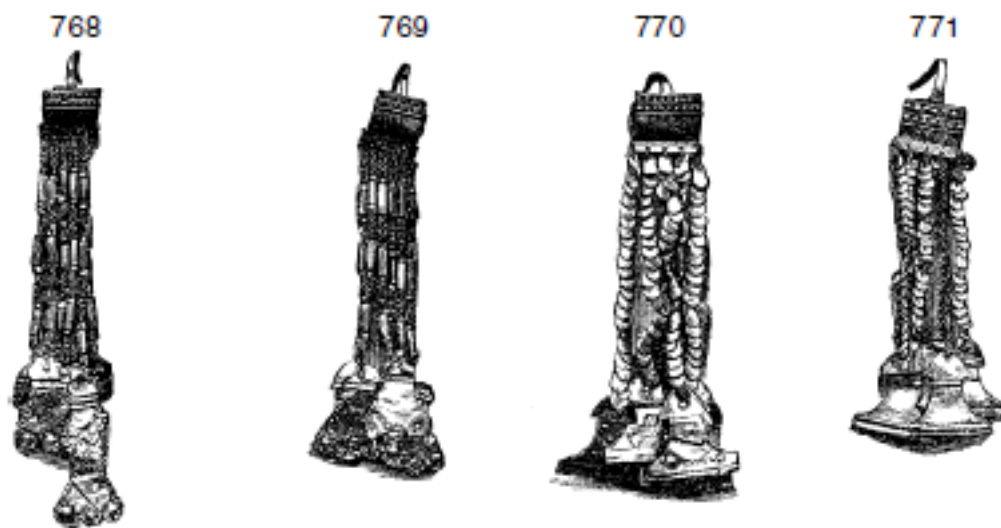

Рис. 768–771. Четыре серьги с подвесками или косточками, каждая длиной $3\frac{1}{2}$ дюйма, из серебряного кувшина (рис. 779). (Найдены на глубине 28 футов)

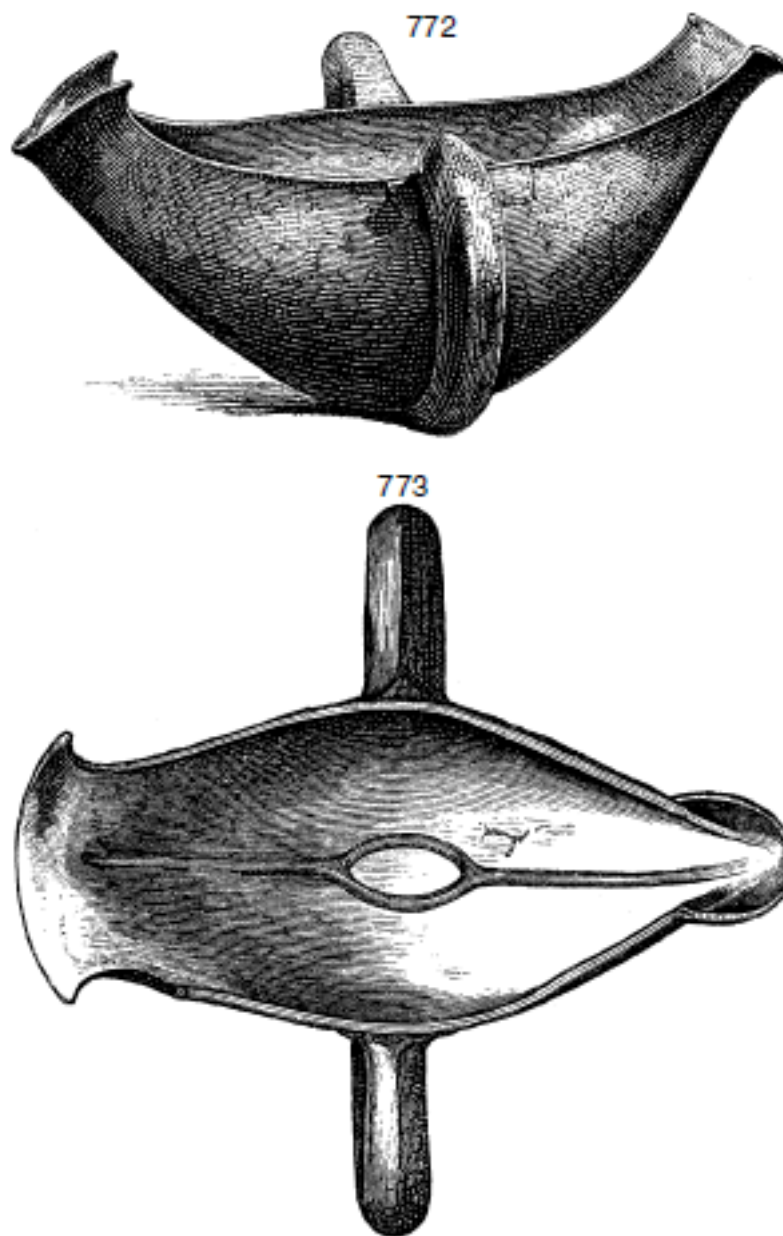

Рис. 772, 773. Вид снаружи и изнутри на замечательную двуручную чашу из чистого золота (δέπας #μικύπελλον), которая весит около 1 фунта 6 тройских унций; найдена в большом троянском кладе. (Глубина 28 футов)

Как заметил мой друг, профессор Стефанос Куманудес из Афин, человек, который вручал наполненную чашу, мог в знак уважения первым отпить из малого носика и дать гостю выпить из большого; или (такое предположение было высказано в *Quarterly Review* за апрель 1874) человек, который держал чашу перед собой за две ручки, совершал из дальнего носика возлияние и затем пил из ближнего. Так Ахиллес использовал прекрасный кубок (δέπας), чтобы совершить возлияние Зевсу⁸⁸. У δέπας #μικύπελλον была ножка, которая выступала

⁸⁸ Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида Черного не пил вина из него; никому из богов им Он не творил возлияний, кроме молниеносного Зевса. (II. XVI. 225–227) Однако здесь мы не видим, чтобы Ахилл сам пил из этого кубка после возлияния. Мы обязаны г-ну Д.У. Локхарту за следующий рассказ о китайском бронзовом сосуде с двумя носиками, использовавшемся похожим образом в китайских храмах и представленном на рис. 774: «В Китае используется сосуд практически той же формы, но с длинными ушками, так что они выступают примерно на дюйм выше чаши. Чаша стоит на трех ножках и фактически является треножником. Такие чаши используются в храмах, особенно в храмах предков

примерно на $\frac{1}{12}$ дюйма и имела 1,4 дюйма в длину и $\frac{1}{5}$ в ширину. Г-н Джулиано говорит, что эта чаша была выкована из одной золотой пластинки, но что две пустотелые ручки были выкованы из отдельных золотых пластинок и затем углы были спаяны вместе и ручки также присоединены к чаше припаиванием. Он объясняет, что пайка могла быть произведена только с помощью смешения серебра с золотом, очень тонкой проковки этой смеси и затем разрезанием ее на очень маленькие кусочки, которые затем расплавляли (в то время как чистое золото не должно было расплавиться); таким образом, можно было легко произвести плавку с помощью этой смеси и небольшого количества буры; вместо буры можно было использовать стекло. В процессе пайки троянцы продвинулись, видимо, гораздо дальше, чем микенцы, поскольку на золотых сосудах, которые я находил в царских гробницах Микен, ручки были не припаяны, но просто присоединены гвоздиками⁸⁹. Фактически единственные золотые предметы, найденные в Микенах, на которых можно видеть следы пайки, – это ножные латы⁹⁰.

в настоящей китайской религии, где совершают приношения *манам* предков. Чаши наполняют вином и ставят на алтарь перед часовней идолов или перед табличками предков; затем вино отчасти пьют из нее, отчасти выливают, как возлияние». Такие сосуды используют парами, и наш рисунок сделан с одного сосуда из пары в собрании г-на Локхарта. Он отлит из бронзы, длиной 6 и высотой $6\frac{1}{2}$ дюйма (включая ножки). Ширина составляет 2 дюйма между вертикальными «ушками» и $2\frac{3}{8}$ дюйма в самой широкой части. Ручка только одна. Г-н Локхарт обращает особое внимание на «ключевой» орнамент вокруг чаши, который так хорошо известен в чистейшем греческом искусстве – как знак китайского влияния на искусство Западной Азии и Европы. Г-н Локхарт также читает китайские иероглифы на некоторых троянских пряслицах. Я глубоко обязан г-ну Локхарту за то, что он от чистого сердца предложил эту интересную параллель к одному из наиболее поразительных и уникальных предметов из обнаруженных мною в Трое.

⁸⁹ См.: Schliemann H. *Mycenae*. P. 232, 233, № 340–343.

⁹⁰ См.: Schliemann H. *Mycenae*. P. 328, 329.

Рис. 774. Бронзовая чаша, использовавшаяся в Китае для возлияний и питья

Рис. 775 воспроизводит шаровидную золотую бутылку из клада. Г-н Джулиано говорит, что она сделана из золота пробой в 20 каратов, и считает, что она была отчеканена из одного куска золота с помощью пуансонов и молоточков. Когда бутылка была готова до горлышка, ее заполнили цементом или глиной и затем отчеканили горлышко, вывернули край и затем снова выгнули его. Бутылка весит 403 грамма (6220 гран, или почти 1 фунт 1 тройскую унцию); она точно 6 дюймов в высоту, 5,6 дюйма в диаметре и снабжена зигзагообразным орнаментом на горлышке, который, однако, идет не по всей его окружности.

Рис. 775. Шаровидная бутылка из золота, весящая около одного тройского фунта; раскопана в большом троянском кладе. (Найдена на глубине 28 футов) *Примечание.* Предметы, видимые снизу, – просто кусочки дерева, на которых она стоит

Второй золотой кубок представлен на рис. 776. Согласно г-ну Джулиано, его проба – 23 карата; весит он 226 граммов ($7\frac{1}{4}$ тройской унции); высота его 3,6 и диаметр – 3,1 дюйма; в нем 16 желобков, которые были получены следующим образом: сосуд сначала заполнили деревом или глиной и затем выбили узор молотком. Далее на рис. 777 я воспроизвожу небольшой кубок из сокровища, который, согласно г-ну Джулиано, сделан из золота, смешанного с серебром, пробой в 18 каратов. Таким образом, он состоит из электрона. Он весит 70 граммов ($2\frac{1}{4}$ тройской унции), высота его 3,4 и ширина – более 2,6 дюйма; высота ножки – только $\frac{1}{5}$ дюйма, она не ровная, так что кубок едва-едва можно поставить на нее – видимо, его ставили на горлышко; как и на кубке с рис. 776, на нем 16 желобков. Ножка отчеканена из отдельной пластинки и не припаяна ко дну, но просто надета на него. Кубок несет на себе отметины сильного жара, которому он подвергся во время пожара.

Рис. 776. Золотой кубок, весящий $7\frac{1}{4}$ тройской унции; часть большого троянского клада. (Найден на глубине 28 футов)

Рис. 777. Небольшая чаша из электрона (то есть 4 части золота на 1 часть серебра); находилась в большом троянском кладе. (Найдена на глубине 28 футов)

Поскольку ничего подобного ни одному из этих разнообразных золотых предметов не было найдено нигде и никогда, то для нас навеки останется загадкой, были ли они сделаны в Трое или привезены откуда-то еще; однако если мы сравним их с грубыми изделиями из терракоты или инструментами и оружием из камня и бронзы, найденными в третьем городе, то конечно же мы будем склонны думать, что они были импортированы.

Небольшая серебряная крышка вазы с рис. 778 орнаментирована зигзагообразными линиями.

Рис. 778. Небольшая серебряная крышка вазы; хранилась в большом троянском кладе. (Найдена на глубине 28 футов)

На рис. 779–781 я воспроизвожу три серебряные вазы из клада. Самая большая из них, с рис. 779, в которой хранились все маленькие золотые предметы, имеет 8,4 дюйма в высоту и 8 дюймов в диаметре; у нее полая ручка длиной 5,6 и шириной 3,6 дюйма. Ее нижняя часть шаровидная, ножка выпуклая; горлышко слегка отклоняется от цилиндрической формы. Ее отчеканили из серебряной пластинки, придав ей ее нынешнюю форму; никакой пайки не было, если не считать огромной ручки; припайка ее к тулову ясно видна. Сама ручка, безусловно, была выкована из серебряной пластинки и спаяна; однако в самой ручке пайки не видно даже через мощное увеличительное стекло. Серебряные вазы с рис. 780 и 781 также шаровидные, и горлышко у них отклоняется от цилиндрической формы. Первая высотой 7,4 и диаметром 6,4 дюйма. Ножка этой вазы выпуклая, и к ней приплавлено значительное количество меди, которое, должно быть, стекло во время пожара с медных предметов, находившихся в кладе. Образец на рис. 781 высотой 7 и диаметром 6 дюймов; ножка у него плоская. Еще одна серебряная ваза, от которой, однако, сохранились лишь фрагменты, прикрепилась к ней⁹¹. У всех этих трех серебряных ваз снаружи толстая корка, которая, как установил профессор Робертс из Королевского монетного двора, «содержит хлорид серебра, который в большинстве случаев легко можно срезать ножом, и он напоминает роговое вещество хлорида серебра, которое осаждается из раствора прозрачными слоями». К этому хлориду серебра пристал древесный пепел, глина и очень маленькие камушки, возможно пыль от кирпичей.

⁹¹ Причина этого соединения будет сейчас разъяснена.

Рис. 779. Большой одноручный серебряный кувшин, часть большого троянского клада; в нем были обнаружены небольшие украшения. (Найден на глубине 28 футов)

Рис. 780. Серебряная ваза, у которой от воздействия огня к дну приплавилось некоторое количество меди. (Найдена в большом троянском кладе на глубине 28 футов)

Рис. 781. Серебряная ваза, к которой из-за цементирующей силы хлорида серебра пристала часть другой серебряной вазы; хранилась в большом троянском кладе. (Найдена на глубине 28 футов)

Еще одну сломанную серебряную вазу, высотой и шириной $4\frac{3}{4}$ дюйма, с трубчатыми отверстиями для подвешивания по бокам, можно увидеть прилепившейся к медной пластине с рис. 782. Эта пластина толщиной $\frac{2}{5}$, шириной 6,4 и длиной 17,6 дюйма; у нее есть ободок высотой $\frac{1}{10}$ дюйма; на одном конце ее приделаны два неподвижных колеса с осью. Пластина сильно изогнута в двух местах; изгибы могли произойти только из-за жара, которому подвергся этот предмет во время пожара.

Этот замечательный предмет лежал на верху всей массы; поэтому я предполагаю, что он должен был поддерживать крышку деревянного ларца, в который было упаковано сокровище, и что два неподвижных колеса играли роль засовов. Профессор Робертс, который тщательно осмотрел этот предмет и проанализировал фрагмент серебряной вазы, написал мне об этом следующее: «Небольшая порция металла толщиной 1 миллиметр из сломанной серебряной вазы с рис. 782 состоит из трех слоев: центральный – серебряный, толщиной около 0,2 миллиметра, внешние слои представляют собой хлорид серебра, в который внедрены песчинки и кусочки земли. Цементирующее действие хлорида, которое так прекрасно видно на многих серебряных вещах, весьма любопытно и особенно замечательно на этом предмете, где серебряная ваза пристала к медному изделию. В других образцах песок, уголь и ракушки прочно прилепились к серебряным вещам с помощью псевдоморфного слоя хлорида серебра, в который они попали».

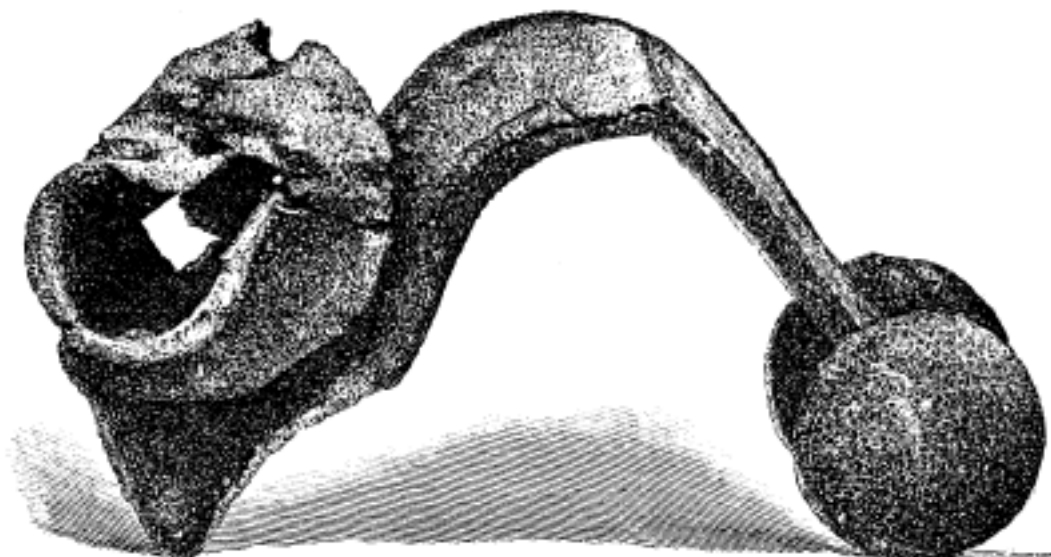

Рис. 782. Любопытная медная пластинка с двумя неподвижными колесами (вероятно, употреблявшимися как засовы). Возможно, служила подпоркой для деревянной крышки сундука. В результате воздействия хлорида серебра и окиси или карбоната меди к ней пристала серебряная ваза. (Найдена в большом троянском кладе на глубине 28 футов)

Эти четыре предмета были найдены в большом троянском кладе (на глубине 28 футов).

Рис. 783 и 784 изображают две красивые серебряные вазы из сокровища, которые выглядят несколько по-египетски. Однако они троянские, поскольку у первой на каждой стороне тулова и на похожей на шапочку крышке по одному вертикальному трубчатому отверстию, в то время как у второй на каждой стороне тулова и на крышке по два вертикальных трубчатых отверстия для подвешивания на шнурке – такой системы в Египте не встречается. Обе вазы были выкованы из серебряных пластинок уже описанным способом. На них нет пайки, если не считать выступов с трубчатыми отверстиями по бокам. Только крышки покрыты хлоридом серебра; сами вазы не пострадали. Небольшая ваза имеет 6,8 дюйма в высоту и 3,2 дюйма в толщину в тулове; ваза побольше – 8 дюймов в высоту и 3,6 дюйма в толщину в тулове.

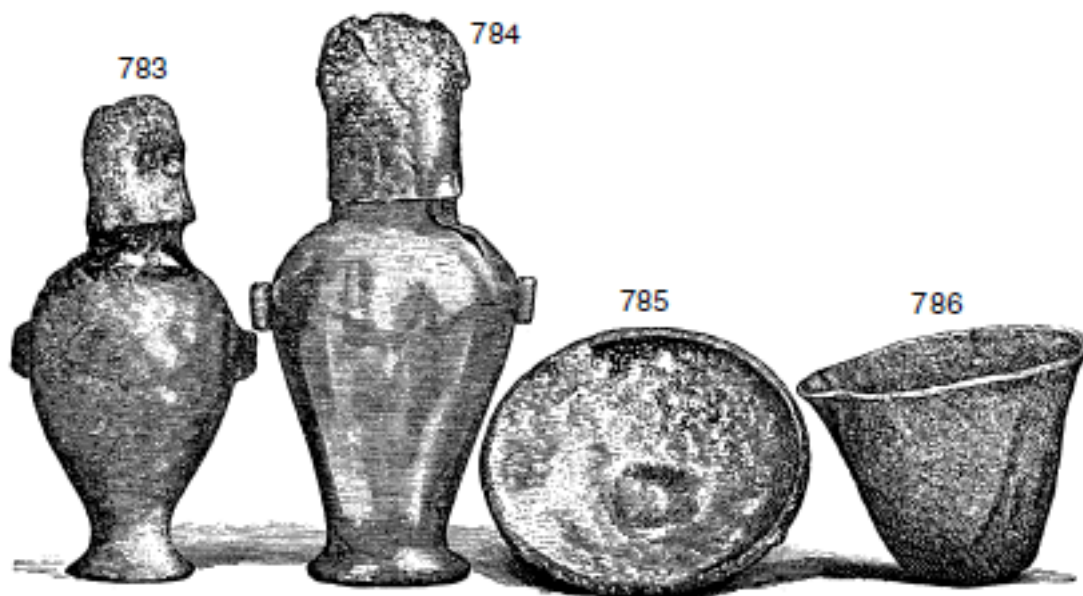

Рис. 783, 784. Две серебряные вазы с крышками и трубчатыми отверстиями для подвешивания на шнурках

Рис. 785. Серебряная чаша, $3\frac{1}{2}$ дюйма в высоту и почти 4 дюйма в ширину

Рис. 786. Серебряная тарелка (φιάλη) с выпуклостью в центре

Серебряный кубок с рис. 785 – высотой $3\frac{1}{3}$ дюйма, диаметр горлышка – 4 дюйма. Он густо покрыт хлоридом серебра. Гораздо лучше сохранилась серебряная чаша или тарелка (φιάλη) с рис. 786; ее диаметр $5\frac{1}{2}$ дюйма, и в середине у нее выпуклость (μφαλός); на ней очень мало или почти нет хлорида серебра.

Следующим предметом, который я достал, был сверток из шести похожих на лезвие слитков серебра, которые я воспроизвожу здесь на рис. 787–792; они слиплись из-за цементирующего действия хлорида серебра; я разделил их не без труда. Профессор Робертс, который любезно проанализировал небольшую часть одного из них, послал мне следующую заметку:

«Вес предмета, присланного для анализа: 0,6408 грамма.

А н а л и з :

Серебро	95,61
Медь	3,41
Золото	0,17
Железо	0,38
Свинец	0,22
Никель	следы
	99,79

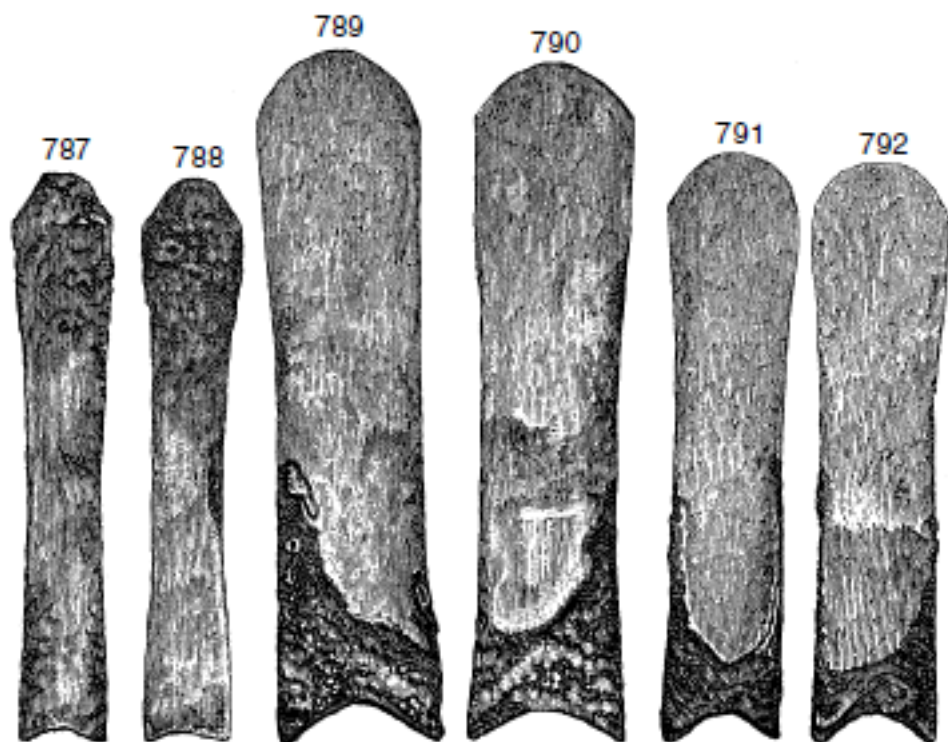

Рис. 787–792. Шесть похожих на лезвия слитков серебра (гомеровские таланты?); хранились в большом троянском кладе (на глубине 28 футов)

Количество присутствующего здесь свинца указывает на то, что серебро было очищено с помощью купеляции. Известно, что в массе слитка серебра состав сплава может варьироваться, но вполне возможно, что результаты данного анализа точно указывают процентное соотношение драгоценного металла в таланте».

Шесть кусков серебра, которые мы видим перед собой, имеют форму больших лезвий ножей, у которых один конец закруглен, а другому придана форма полумесяца; все они были прокованы молотом. Два больших лезвия – длиной 8,6 дюйма и шириной 2 дюйма и весят соответственно 190 и 183 грамма. Следующие два куса длиной 7,4 и шириной 1,6 дюйма: один из них весит 174, другой – 173 грамма. Два оставшихся куса – длиной 7 и шириной 1,2 дюйма; один из них весит 173, другой – 171 грамм⁹².

Можно ли видеть в этих шести слитках из чистого серебра гомеровские таланты? Эти последние должны были быть небольшими, поскольку, например, когда Ахилл предлагает в качестве первого приза за состязания на колесницах женщину, второго – лошадь, третьего – котел, то четвертым призом служат два золотых таланта⁹³.

Профессор Сэйс послал мне следующую интересную заметку относительно этих шести любопытных серебряных клиньев:

«В Academy от 22 ноября 1879 года г-н Барклай В. Хед показал, что «серебряная мина Кархемиша», хеттской столицы, упоминающаяся на ассирийской табличке, идентична, с одной стороны, вавилонской серебряной мине, которая равнялась примерно 8656 троянским гранам (561 грамм), и с другой – мине, использовавшейся в Малой Азии. Лидийская серебряная монета Креза, как говорит г-н Хед, «следует так называемому вавилонскому серебряному стандарту, пятьдесят статеров Креза, каждый из которых весит 173 грана (11,2 грамма), что составляет одну вавилонскую мину из 8656 гран».

Тем не менее я думаю, что предполагать, что вавилонская серебряная мина использовалась для взвешивания серебра в слитках по всей Азии еще задолго до эпохи Креза, можно не только потому, что на ней основаны древнейшие серебряные монеты почти всей Малой Азии, но и потому, что она также использовалась среди фриго-фракийских племен, добывавших металлы, которые, видимо, привезли ее с собой из Азии вместе с почитанием фригийского Вакха, когда они отделились от своих оставшихся на родине собратьев-соплеменников. Более того, я полагаю, что есть позитивное доказательство тому, что эта мера веса использовалась в Троаде в период, когда было захоронено сокровище, обнаруженное доктором Шлиманом. В этом сокровище есть шесть клиньев или слитков серебра длиной примерно 7–8 дюймов и шириной около двух. Они весят соответственно 171, 173, 173, 174, 183 и 190 граммов (в метрической системе). Самый тяжелый и лучше всего сохранившийся, видимо, стал слегка тяжелее с одной стороны (примерно на 40–50 троянских гран) от окисления и образования корки. Предположим, что его первоначальный вес равнялся около 187 граммов, или 2885,4 троянского грана: что же это, как не третья часть вавилонской серебряной мины, состоявшей из 8656 гран? То, что эти бруски или клинья являются именно третями, а не половинами или четвертями, как мне кажется, является веским доводом в пользу

⁹² Два самых больших весят соответственно чуть больше и чуть меньше 6 унций, и другие четыре – чуть больше 5½ троянской унции. Грамм равен 15,43235 грана; то есть чуть меньше 15½ грана.

⁹³ Первые быстрым возницам богатые бега награды Он предложил: в рукодельях искусная дева младая, Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник Первому дар; кобылица второму шестигодовая, Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска; Третьему мздою – не бывший в огне умывальник прекрасный, Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры; Мздою четвертому золота два предложил он таланта; Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний. (И. XXIII. 262–270)

того, что это – доли вавилонской мины; сикли по этому стандарту делились в основном на три, в то время как по финикийскому – на половины и четверти.

Доктор Шлиман называет свои клинья гомеровскими талантами, но, как бы то ни было, они, безусловно, представляют собой треть вавилонской серебряной мины от 8645 до 8656 гран. Если предложенное мною отождествление мины Кархемиша с миной, использовавшейся в Трое примерно в XIV веке до н. э., будет принято, то разве этот факт не имеет большого значения, если рассмотреть его в связи с египетским текстом (поэмой Пентаура), в которой люди Илиона, Педаса, Дардана, Мисии и Ликии упоминаются как союзники хета (хеттов) в их войнах с Рамсесом II примерно в то же время?.. Итак, когда мы находим, что в ассирийских документах определенная серебряная мина определяется как мина Кархемиша, я думаю, что мы не ошибемся, если придем к выводу, что это тот самый вес, который хетты использовали в своих коммерческих сделках с народами Киликии, Памфилии, Лидии, Фригии, Трояды и т. д., и что такое название было дано этой мине в Ассирии, чтобы отличить ее от другой, более тяжелой серебряной мины примерно в 11,225 грана, которая употреблялась в Финикии... Древнейшая чеканная монета этого стандарта – лидийский электрон эпохи Гигеса. Крес, судя по всему, был первым, кто стал чеканить серебряные монеты по тому же стандарту; и когда город за городом начинают чеканить монету, мы видим от залива Исса на востоке до Фаселиды на западе, а также в Лидии и то тут, то там в Ионии, на Кипре и, возможно, даже на Крите, что древнейшие монеты – это статеры в 173 грана или доли таких статеров».

На рис. 793 я воспроизвожу серебряную вазу, найденную за несколько дней до обнаружения большого клада и очень близко от него; ее нижняя часть имеет шарообразную форму, и горлышко выгибается наружу, как часть перевернутого конуса. Она была повреждена мотыгой рабочего, который нашел ее. Как и другие большие серебряные вазы, она покрыта хлоридом серебра; высота ее – 7,2 и ширина – 5,6 дюйма. Заслуживает особого внимания то, что все серебряные вазы покрыты хлоридом только снаружи, а внутри его совсем нет. Ваза с рис. 793 содержала в себе элегантный кубок из электрона высотой 4,4 дюйма и шириной 3,6 дюйма (у горлышка). На этой чаше мы видим отметины сильного жара, которому она подверглась во время пожара, но в остальных отношениях она исключительно хорошо сохранилась. На верхней части снаружи она покрыта толстой коркой; в остальном она блестящего белого цвета, как снаружи, так и внутри. Электрон, упоминания о котором, как уже говорилось, три раза встречаются в «Одиссее», слово, неизвестное «Илиаде»; однако в последней⁹⁴ мы находим слово *#λέκτωρ* применительно к солнцу. Таким образом, представляется, что словом «электрон» поэты обозначали вещество, которое по блеску своему можно было сравнить с солнцем.

⁹⁴ II. VI. 513; XIX. 398.

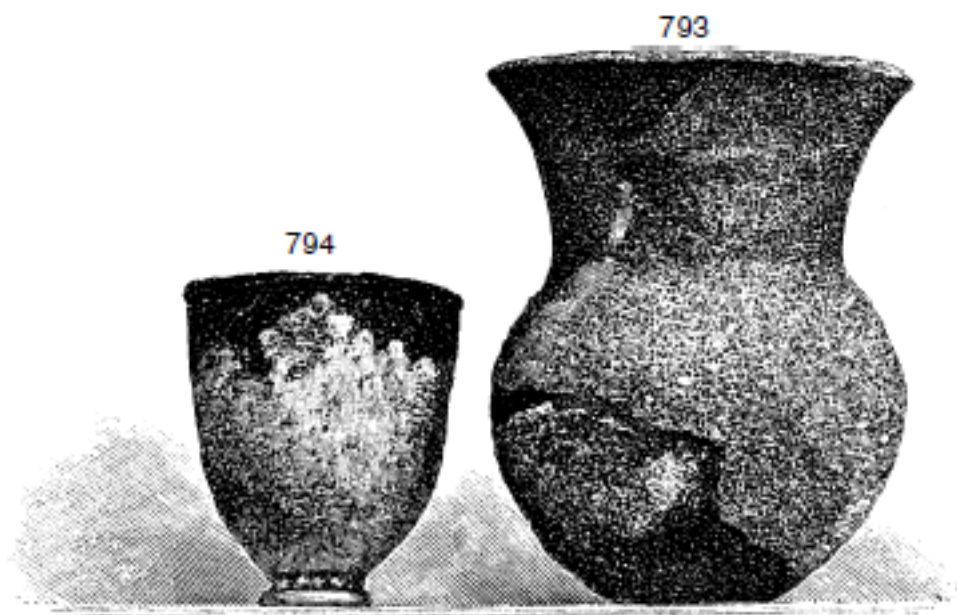

Рис. 793, 794. На рис. 794 – кубок из электрона, находившийся в серебряной вазе (рис. 792), обнаруженной рядом с большим кладом на глубине 28 футов

Вместе с последней вазой был найден шлем, но он был настолько разрушен хлоридом серебра, что распался на мелкие фрагменты, когда его вынули, и его нельзя было собрать. Сохранились только его верхние части (рис. 795 и 796). Я вернусь к ним на последующих страницах, когда я буду говорить о подобных фрагментах еще одного шлема, представленных на рис. 979. Образцы с рис. 797 и 798 также кажутся фрагментами верхних частей шлемов.

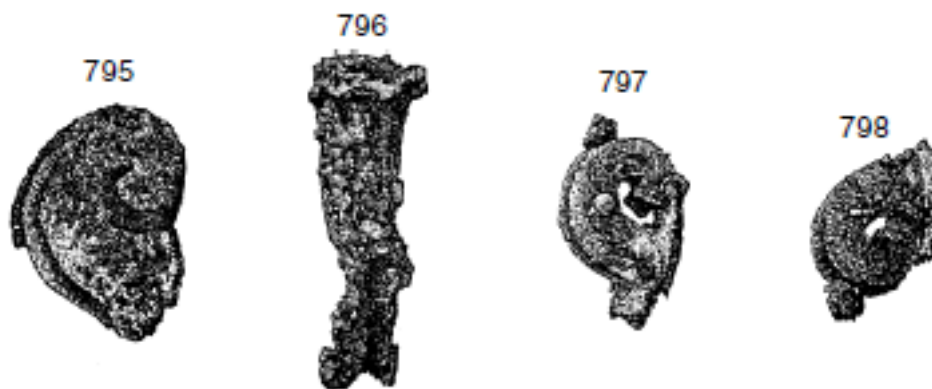

Рис. 795–798. Фрагменты бронзовых шлемов, обнаруженные вместе с серебряной вазой (рис. 793). (Примерно 1:3 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

Рис. 799 изображает большой медный щит из сокровища (гомеровский $\sigma\pi\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ $\acute{\omicron}\mu\phi\alpha\lambda\acute{o}\epsilon\sigma\sigma\alpha$) в форме овального подноса, в центре которого расположен умбон, окруженный небольшой бороздкой ($\alpha\lambda\acute{\alpha}\xi$). Диаметр этого щита составляет чуть больше 20 дюймов. Он совсем плоский и окружен ободом высотой $1\frac{1}{2}$ дюйма. Умбон ($\mu\phi\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$) – высотой 2,4 дюйма и диаметром 4,4 дюйма; бороздка, окружающая его, – 7,2 дюйма в диаметре и $\frac{3}{5}$ дюйма глубиной. Очевидно, щит состоит из четырех или, может быть, даже пяти деталей. Сначала из пластинки выковали его выступающий умбон ($\mu\phi\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$) с бороздкой и высоким краем вокруг него; вокруг него припаяли пластинку в форме плоского кольца и вокруг нее

– высокий выступающий край (#vтуξ), на который снова припаяли вокруг узкую полоску тонкой медной пластинки.

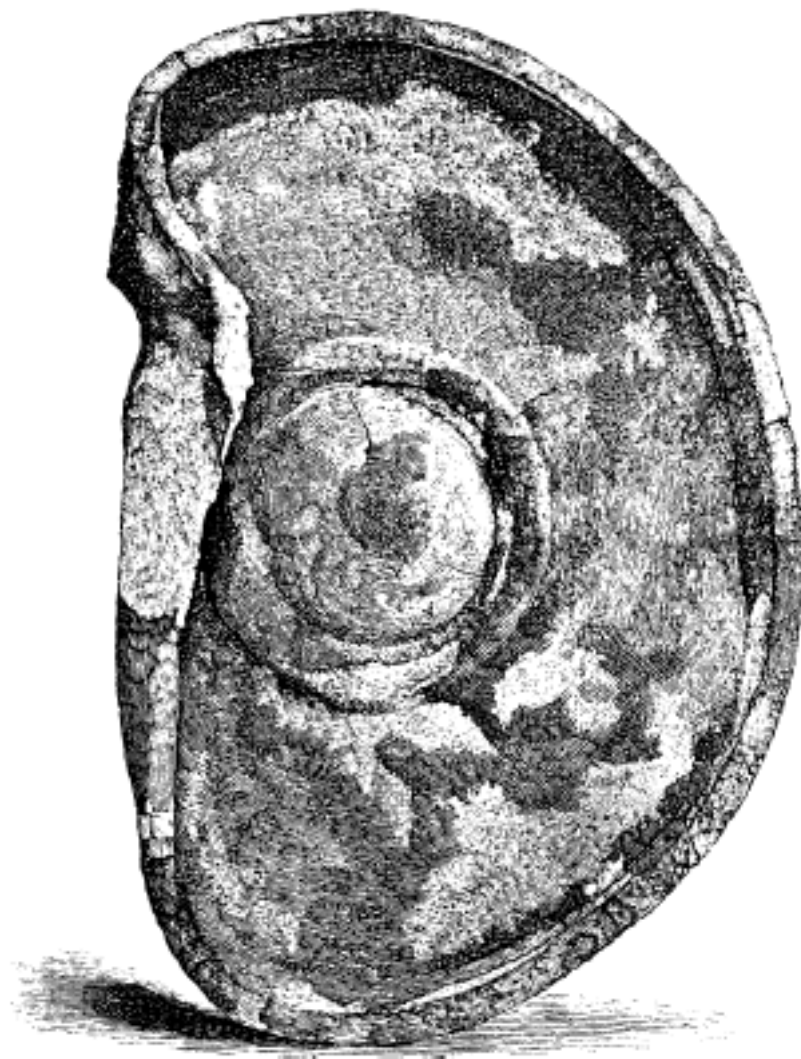

Рис. 799. Медный щит с умбоном (#σπ#ς όμφαλόεσσα), найденный в большом кладе (на глубине 28 футов)

Этот медный щит с его центральным умбоном, бороздкой и краем, который так подходит для того, чтобы нести на себе обтяжку из воловьих шкур, не может не напомнить нам о «семикожном» щите Аякса:

Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь^{95*} знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность⁹⁶.

^{95*} У с м а р ь (устар.) – кожевник, скорняк (от «усма» – выделанная кожа).

⁹⁶ II. VII. 219–223.

Точно так же поражает сравнение этого щита из сокровища с описанием щита Сарпедона с его круглой пластиной из кованой меди и его покрытием из бычьих шкур, прикрепленным к внешнему краю обода длинными золотыми гвоздями⁹⁷.

На рис. 800 изображен медный котел из сокровища с двумя горизонтальными ручками, который, безусловно, напоминает нам о гомеровском λέβης. Он 16,8 дюйма в диаметре и 5,6 дюйма в высоту; дно плоское, и его диаметр – 8 дюймов. На этом котле есть отметины от страшного пожара и близ ручки, с левой стороны видны два фрагмента бронзового оружия (копья и боевого топора), которые прочно приплавилась к нему. Заслуживает особого внимания то, что, в то время как в Микенах мы едва ли видим хоть какую-то пайку и различные детали медных котлов присоединены друг к другу гвоздиками, здесь, в Трое, мы видим только пайку и никаких деталей, соединенных гвоздиками. Поскольку две ручки этого котла были слишком толстыми, чтобы их можно было легко припаять, оба конца каждой из них были пропилены или расколоты, и затем в отверстия вставлен обод сосуда и так припаян.

Рис. 800. Большой медный котел (λέβης), найденный в большом троянском кладе; найден на глубине 28 футов

Мы находим в «Илиаде» десять упоминаний о λέβητες, обычно как о призах на играх⁹⁸; также они служили в качестве подарков⁹⁹. Стоил λέβης столько же, сколько бык¹⁰⁰; только раз мы видим, что он используется в качестве котла¹⁰¹. В «Одиссее» он в основном употребляется как сосуд для омовения: в нем мыли руки перед едой и жертвоприношениями. Часто он был серебряным и орнаментированным¹⁰²; кроме того, мог он быть и медным и употреб-

⁹⁷ Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный, Медный, кованый, пышноблестящий, который художник, Медник искусный, ковал, на поверхности ж телье кожи Прутьями золота часто проплел по краям его круга. (II. XIII. 294–297)

⁹⁸ Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги... (II. XXIII. 259)

⁹⁹ Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник... (XXIII. 485) Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон: Десять талантов золота, двадцать лоханей блестящих, Семь треножников новых... (II. IX. 263–265)

¹⁰⁰ ...сосуд рукомойный, Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцветенный... (II. XXIII. 885)

¹⁰¹ Словно колоколет котел, огнем подгнетенный великим... (II. XXI. 362)

¹⁰² Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня, Гладкий потом пододвинула стол; на него положила Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса Выданным ею охотно...

ляться для омовения ног¹⁰³. Г-н Филип Смит заметил мне, что «среди дани, которую получил Тутмос III (очевидно, из Западной Азии – название страны в записи плохо читается), был «котел медный, работа кефту»¹⁰⁴. Особое упоминание такого котла как предмета иностранной работы можно сравнить с той ценностью, которую придавали котлу в Трое, сохранив его в этом кладе».

На золотых и серебряных предметах и рядом с ними я обнаружил в кладе тринадцать бронзовых наконечников копий, более или менее сломанных, пять из которых показаны на рис. 801–805 и один на рис. 815. Длина их составляет от 7 до более 12¹/₂ дюйма, ширина – от 1,6 до 2,4 дюйма в самой толстой точке. В нижнем конце каждого имеется отверстие, в котором в большинстве случаев все еще торчит гвоздь или колышек, которым наконечник прикреплялся к деревянному древку копья. Отверстие для гвоздя ясно видно на наконечнике с рис. 805, который во время пожара сплавился с боевым топором.

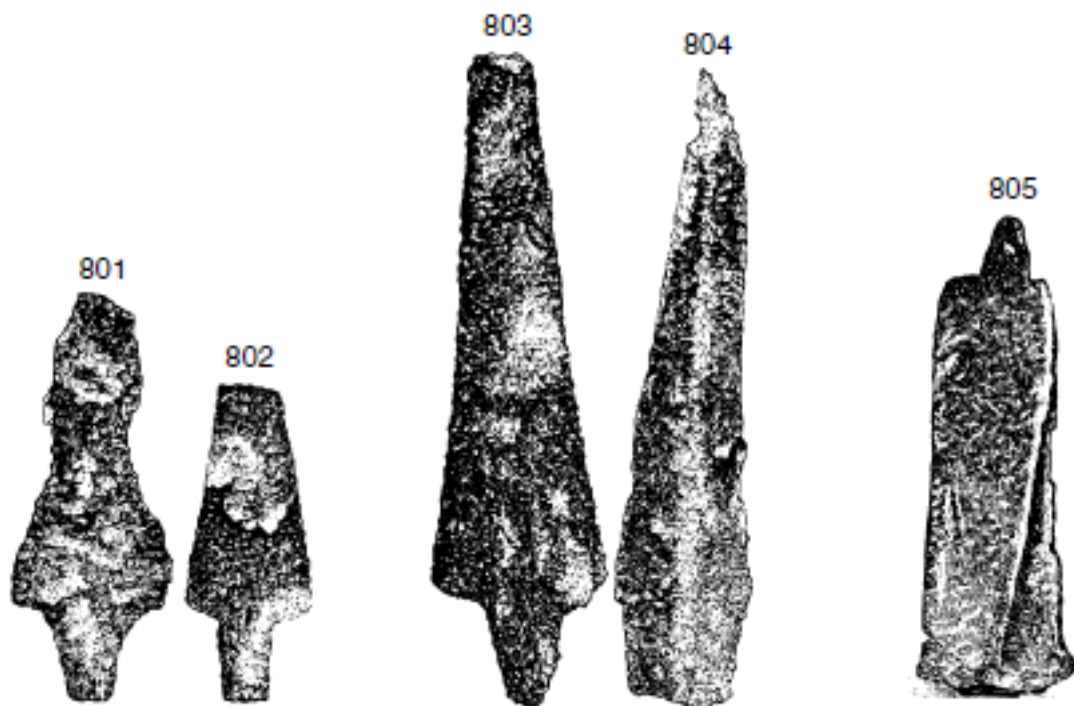

Рис. 801–804. Троянские наконечники копий из бронзы

Рис. 805. Бронзовое копье и боевой топор, сплавленные вместе в огне пожара. Видно отверстие для присоединения древка копья. (Почти 1:3 натуральной величины. Найдено на глубине 28 футов)

Троянские наконечники копий, таким образом, значительно отличались от микенских¹⁰⁵, а также от тех, что были найдены в швейцарских озерных жилищах¹⁰⁶, в погребениях Фронштеттена¹⁰⁷, Хедингена¹⁰⁸, Эбингена¹⁰⁹, Ротенлахена¹¹⁰, Лайца¹¹¹ и многих других

(Od. I. 134–138) Воду им руки умыть в облаженной цветами лохани Вынес из дома Аретос... (Od. III. 440, 441)

¹⁰³ ...Сияющий таз, для мытья ей служивший Нога, принесла Еврикля... (Od. XIX. 386, 387)... упала В таз, опустившись, нога; от удара ее зазеленела Медь... (Od. XIX. 469)

¹⁰⁴ Brugsch. Op. cit. Vol. I. P. 385.

¹⁰⁵ См.: Schliemann H. Mycenae. P. 278, 279, № 441.

¹⁰⁶ Gross V. Op. cit. Pl. IV, № 1, 8–13; Keller F. Op. cit. VII. Bericht. Pl. III, № 14, 18.

¹⁰⁷ Lindenschmidt L. Op. cit. Pl. III, № 27, 28.

¹⁰⁸ Lindenschmidt L. Op. cit. Pl. IV, № 2, 9, 10, 13, 14.

¹⁰⁹ Ibid. Pl. VII, № 3, 4, 9, 11, 12.

могильниках Германии, Австрии и Италии¹¹², в Гальштате¹¹³, в Дании¹¹⁴ и в Венгрии¹¹⁵: во всех этих случаях наконечники имеют трубку, в которую вставлялось древко копья. В гомеровских наконечниках копий, судя по всему, имелась подобная же трубка, в которую вставляли древко, так как поэт говорит: «Мозг по Аякса копьём ($\alpha\lambda\psi$) побежал из главы раздробленной, смешанный с кровью»¹¹⁶. Однако в коллекциях Британского музея и Лувра хранится множество образцов бронзовых наконечников копий, найденных в гробницах Кипра, которые идентичны троянским¹¹⁷.

¹¹⁰ Ibid. Pl. XII, № 10.

¹¹¹ Ibid. Pl. XII, № 5–7.

¹¹² Ibid. Pl. XXXIX.

¹¹³ Sacken Ed. *Freih. von. Das Grabfeld von Halstatt*. Bl. VII, № 1, 3–6.

¹¹⁴ Worsaae J.J.A. *Op. cit.* Pl. 38, 82.

¹¹⁵ Hampel J. *Antiquités préhistoriques de la Hongrie*. Pl. IX, № 1–6, Pl. XV, № 1; *Catalogue de l'Exposition préhistorique*. P. 25, № 10; P. 27, № 13, 14.

¹¹⁶ II. XVII. 297.

¹¹⁷ Профессор Вирхов любезно привлек мое внимание к следующей публикации: *Evans J. Petit Album de l'Age du Bronze de la Grande Bretagne*. London, 1876. Pl. IX, где представлен ряд подобных лезвий, именуемых здесь *couteaux de poignards*. Однако, по моему мнению, такое оружие не могло использоваться ни для чего другого, кроме как быть наконечником копья; поскольку для кинжала мы обязательно должны предполагать существование ручки, похожей на ту, что мы видим на настоящих кинжалах (рис. 811–814, 901 и 927). Поскольку данные лезвия (рис. 801–805) не удовлетворяют этому необходимому условию, они не могут быть кинжалами. Профессор Вирхов добавляет, что подобные лезвия иногда встречаются также в Германии, но нижний конец у них обычно широкий и снабжен двумя отверстиями для фиксации на древке. Однако он показал мне наконечник копья, найденный на острове Рюген, из его собственной коллекции, который полностью похож на троянские наконечники.

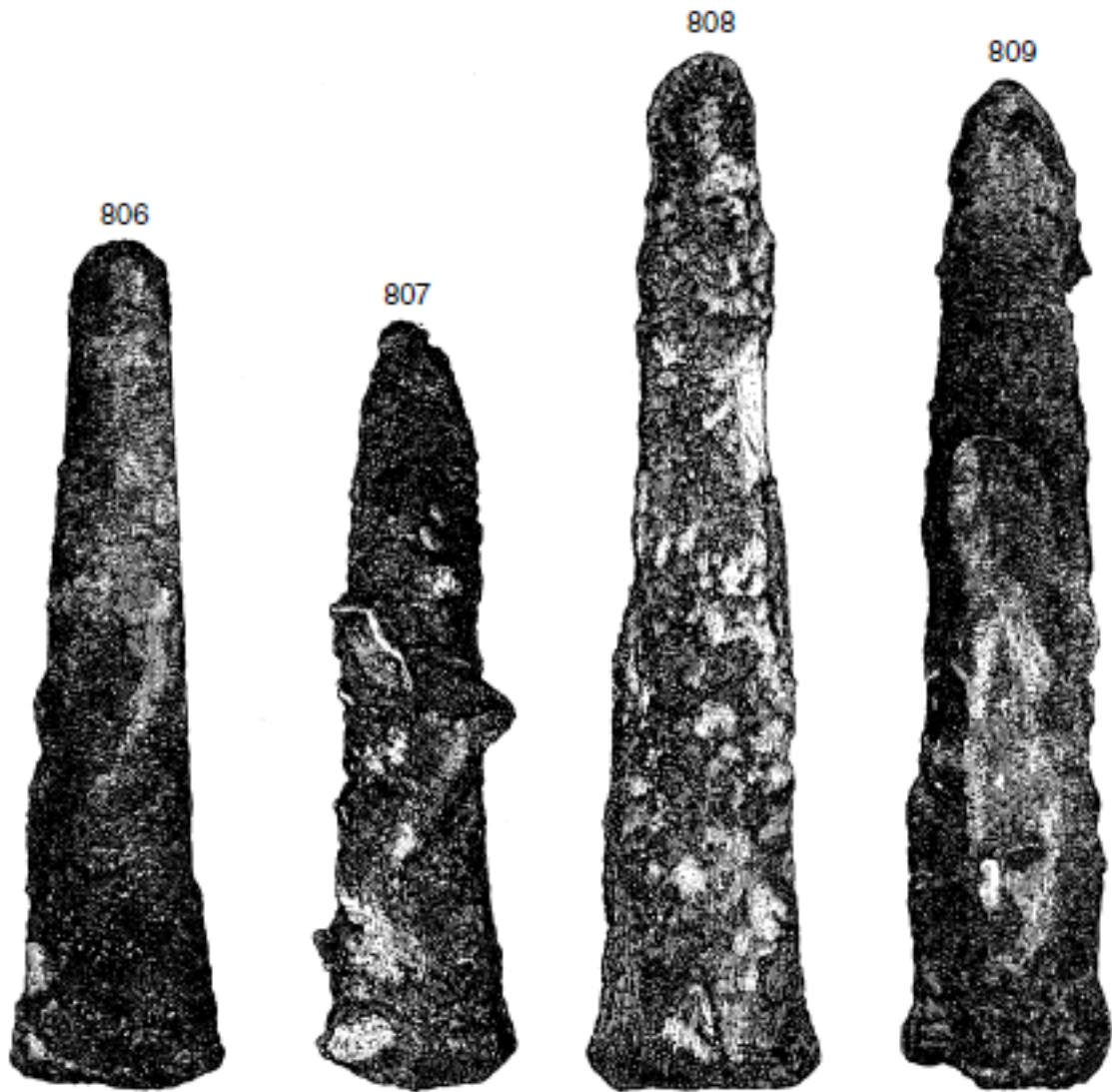

Рис. 806–809. Троянские боевые топоры из бронзы. К образцам 807 и 809 во время пожара приплавилась фрагменты другого оружия. (Почти 1:3 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

Рис. 810. Троянский боевой топор. (Почти 1:3 натуральной величины. Найден на глубине 28 футов)

Далее я достал из клада четырнадцать бронзовых боевых топоров, из которых четыре целых я воспроизвожу на рис. 806–809 и сломанный – на рис. 810. Длина их – от 6,4 до 12,4 дюйма, толщина – от 1 до $\frac{4}{5}$ дюйма и ширина – от 1,2 до 3 дюймов. Крупнейший из них весит 1365 граммов, или около 3 фунтов авердюпойз. Месье Эрнест Шантр, помощник директора музея Лиона, прислал мне результаты анализа этих боевых топоров, проведенного знаменитым химиком месье Дамуром из Лиона. Я просверлил два из них и послал ему образцы.

№ 1. ОБРАЗЦЫ ОТ ОДНОГО ИЗ БОЕВЫХ ТОПОРОВ В КЛАДЕ

	<i>Граммов</i>	
Для анализа	0,3020	
За вычетом содержавшегося в образце песка:	0,0160	
Металла для анализа	0,2860	
	<i>Граммов</i>	В 1,0000 частях
Из него содержание меди	0,2740	= 0,9580
Олова	0,0110	= 0,0384
	0,2850	= 0,9964

№ 2. ОБРАЗЦЫ ИЗ ВТОРОГО БОЕВОГО ТОПОРА В КЛАДЕ

	<i>Граммов</i>	
Для анализа	0,2970	
За вычетом содержавшегося в образце песка:	0,0020	
Металла для анализа	0,2950	
	<i>Граммов</i>	В 1,0000 частях
Из него содержание меди	0,2675	= 0,9067
Олова	0,0255	= 0,0864
	0,2930	= 0,9931

Далее я должен упомянуть любопытный снаряд для пращи из медной руды, который был проанализирован месье Дамуром из Лиона со следующими результатами:

«Образцы одного из троянских снарядов для пращи, покрытого снаружи ярь-медянкой и внутри цвета железа»:

АНАЛИЗ

	Граммов	
Количество металла для анализа	0,2410	
		В 1,0000 частях
Состоит из серы	0,0470	= 0,1950
из меди	0,1920	= 0,7966
из железа	0,0002	= 0,0008
из кварца	0,0005	= 0,0020
	0,2397	= 0,9944

Профессор У. Чандлер Робертс из Королевского монетного двора, который также просверлил два из этих боевых топоров и проанализировал образцы, пишет мне, что один из топоров дал:

95,41 меди
4,39 олова
99,80

И другой:
93,80 меди
5,70 олова
99,50

Он добавил, что, по его данным, они не содержат цинка.

Наконечники копий не были проанализированы, но мы можем со всей вероятностью предполагать, что они бронзовые, поскольку боевые топоры, которые в пятьдесят раз тяжелее, сделаны из этого металла.

Профессор Вирхов любезно обратил мое внимание на отчеты Берлинского антропологического общества от 29 июля 1876 года (с. 8), где показан совершенно аналогичный боевой топор, который был найден вместе с пятью подобными топорами на глубине 3 фута в Битине, герцогство Позен. Все эти шесть топоров состоят из чистой меди. Вирхов говорит о них: «Их форма более всего приближается к форме древних каменных топоров. Правда, что они не столь массивны, как в основном бывают каменные топоры, но в этом не было необходимости, когда стали использовать металл. Такая форма может служить блестящим доказательством того, как каменная форма постепенно была перенесена в металлическую и как люди делали из металла оружие, вполне аналогичное каменному топору».

Боевые топоры подобной формы из чистой меди были также найдены в Венгрии¹¹⁸. Мой досточтимый друг, профессор Джеймс Д. Батлер, доктор права, любезно прислал мне свое ученое исследование о доисторических древностях Висконсина¹¹⁹, иллюстрированное великолепными фотографическими вклейками, на которых показаны семь аналогичных боевых топоров из *чистой меди*, найденных в Висконсине.

Подобные боевые топоры встречаются, хотя и очень редко, в Индии вместе с кремневыми ножами-пилами и топорами из диорита. В коллекции древностей Индии в Британском музее хранятся 9 совершенно таких же бронзовых боевых топоров, обнаруженных в Гун-

¹¹⁸ *Hampel J.* Antiquités préhistoriques de la Hongrie. Pl. VIII, № 13, 15.

¹¹⁹ *Butler J.D.* Pre-historic Wisconsin // Annual Address before the State Historical Society of Wisconsin, in the Assembly Chamber. February 18, 1876.

герии в области Мхоу-Талук в Бурре в Центральной Индии; их длина составляет от 20 до 28 дюймов. В Британском музее также хранятся 2 бронзовых боевых топора, во всех отношениях похожие на троянские, обнаруженные на Тель-Сфире в Вавилонии. В этнографической и доисторической коллекции генерала Лэйна Фокса в музее Южного Кенсингтона содержится 7 бронзовых боевых топоров такой же формы, обнаруженных в погребениях Кипра. Далее, 2 в точности похожих боевых топора, найденные в древних египетских гробницах, хранятся в египетской коллекции Лувра. В Микенах я нашел только один такой боевой топор¹²⁰ и фрагмент еще одного. Эти троянские бронзовые боевые топоры – не что иное, как точные копии первобытных каменных боевых топоров; только они были сделаны длиннее для большего удобства, поскольку так их легче было прикрепить к деревянным ручкам и можно было использовать с обеих сторон.

Описав боевые топоры из троянского сокровища, которые, как было доказано, состоят из бронзы, будет уместно обсудить здесь важный вопрос: откуда доисторические народы, и в особенности те, о которых мы говорим теперь, – обитатели третьего, сожженного города на Гиссарлыке – получали олово. Месье Бюрнуф¹²¹, судя по сходству греческого обозначения олова (*κασσίτερος*) с санскритским *kastira*, полагает возможным, что они получали его из Индии. Однако профессор Сэйс заметил мне: «*Kastira* – столь же не индийское слово, как и не греческое; оба, судя по всему, заимствованы из одного источника. По-арабски «олово» — *kazdir*, по-ассирийски — *kizasaddir*, и в первобытном аккадском Вавилонии — *kasduru* или *kazduru*. Арабское и ассирийское слова могли быть заимствованы из аккадского, но возможно, что оба слова, наряду с аккадским, санскритским и греческим, были взяты из общего источника, которым, возможно, был один из языков Кавказа, где были найдены древние оловянные рудники». Сэр Д. Леббок, с другой стороны, полагает более вероятным, что древние получали олово через посредство «финикийцев из Корнуолла», как он говорит, «поскольку Корнуолл, Саксония и Испания¹²² – единственные известные европейские источники, из которых можно получить олово в каком-либо существенном количестве, простое присутствие бронзы является само по себе достаточным доказательством не только металлургических навыков, но и коммерческих связей»¹²³.

И еще, в другом пассаже: «Если только у древних не было какого-то неизвестного нам источника олова, кажется установленным, и действительно, с этим согласен даже сэр Корнуолл Льюис, что финикийское олово происходило в основном из Корнуолла и, следовательно, что даже в этот ранний период была организована значительная торговля и очень отдаленные страны были связаны друг с другом. Сэр К. Льюис, однако, полагает, что олово «перевозили через Галлию в Массилию и импортировали в Грецию и Италию»¹²⁴. Несомненно, в позднейшие времена значительное количество олова шло именно по этому пути, однако финикийцы были в зените своего могущества за 1200 лет до Р. Х., а Массилия была построена только в 600 году до Р. Х. Более того, Страбон ясно говорит, что в древние времена финикийцы вели торговлю оловом через Кадикс, который, как мы помним, находится ближе к Корнуоллу, чем к Тиру или Сидону. Таким образом, мы с полным правом можем сказать, что между 1500 и 1200 годами до Р. Х. финикийцы были уже знакомы с месторождениями Испании и Британии. При таких обстоятельствах, как я полагаю, более возможно, что они

¹²⁰ См.: Schliemann H. Mycenae, P. 306, № 463.

¹²¹ Burnouf E. Mémoires sur l'Antiquité.

¹²² Говорят, что в древности олово добывали в Паннонии близ современного Темешвара, но я не знаю, насколько большими были эти рудники. См.: Howorth. Stockholm Pre-historic Congress. P. 533.

¹²³ Lubbock J. Op. cit. P. 47.

¹²⁴ Г-н Филип Смит заметил мне, что «сведения, которые дают Диодор и Страбон о сухопутной торговле между Британией и греческими городами Южной Галлии, со всей очевидностью относятся к эпохе этих авторов, и у нас нет никаких данных о ее глубокой древности».

вели свои исследования еще дальше, изучая другие берега, столь же богатые минеральным сырьем, как наши. Действительно, мы должны вспомнить, что янтарь, который так ценился в древности, нельзя было получить из какого-либо более близкого источника, чем берег Германского океана».

Я могу добавить к этому, что всеобщему использованию олова в отдаленной древности не может быть лучшего доказательства, чем частые его упоминания в поэмах Гомера, а также в Ветхом Завете. То, что и его сплав с медью был известен с очень глубокой древности, нельзя подтвердить лучше, чем указав на бронзовое оружие, найденное даже в третьем, сожженном городе Гиссарлыка. Однако в античной литературе редко упоминается тот факт, что бронза – это сплав олова и меди. Полиэн сообщает там, что у Пердикки не хватало серебряных монет и он чеканил монету из олова, смешанного с медью¹²⁵. Аристотель упоминает, что медь мосинеков, как говорили, была очень блестящей и белой не потому, что к ней было подмешано олово, но потому, что к ней добавляли какой-то вид глины и прокаливали с ней. Говорили, что изобретатель этого сплава никому не выдал его секрет; именно поэтому первые изделия из меди, сделанные в этой стране, превосходили другие; последующие уже не были так хороши.

Медь (возможно, бронза) высоко ценилась в отдаленной древности и составляла наряду с золотом или, может быть, даже больше, чем золото, основную форму богатства. Так, в «Илиаде» мы видим, как Одиссей предлагает Ахиллу от имени Агамемнона, чтобы утишить его гнев, наполнить корабль героя после захвата трои всем золотом и бронзой, которые он только сможет увезти¹²⁶. Однако Ахилл отказывается, говоря, что он возьмет с собой золото и красную бронзу, а также женщин и «седое железо», которые выпадут ему по жребию¹²⁷. Согласно Лукрецию¹²⁸, бронзу в отдаленной древности ценили даже больше, чем золото или серебро.

Россиноль¹²⁹ полагает, что, «дабы освятить воспоминание о тех услугах, которые оказывала первобытным людям бронза, и высокой ценности, которую она имела, в позднейшее время, как говорит Макробий¹³⁰, религия старалась использовать ее. Закон Нумы предписывал жрецам срезать свои волосы ножницами из меди, а не из железа»¹³¹. Россиноль¹³² также объясняет этимологию слова «бронза» из *brunus aes*¹³³.

¹²⁵ «Пердикка, испытывая затруднение в серебряных монетах в войне с халкидцами, отчеканил монеты из сплава олова и меди и ими стал расплачиваться с воинами» (IV. 10. 2).

¹²⁶ Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни, Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти. (II. IX. 279, 280)

¹²⁷ Много везу и отсею: золота, меди багряной, Пленных, красноопоясанных жен и седое железо, Все, что по жребию взяю... (II. IX. 365–367)

¹²⁸ Это они серебром или золотом делать пытались Так же сначала, как силой могучей и мощною меди. Тщетно: слабей была стойкость у этих металлов, и с медью Вровень они не могли выдерживать грубой работы. Ценной была тогда медь, а золото было в презренье, Как бесполезная вещь с лезвием, от удара тупевшим. (V. 1268–1273; перевод Ф. Петровского)

¹²⁹ Rossignol J.P. Op. cit. P. 219.

¹³⁰ «Конечно, в божественных делах применялись в основном бронзовые (aenea) вещи; тому есть много свидетельств» (Макробий. Сатурналии. V. 19. 11). Профессор Сэйс высказал мне предположение, что здесь *aenea* должно значить именно «бронзовые», а не «медные».

¹³¹ «И Нумой было установлено, чтобы жрецы стриглись медными, а не железными ножницами» (Иоанн Лид. О месяцах, I. 31). Здесь, несомненно, также имеется в виду бронза.

¹³² Rossignol J.P. Op. cit. P. 271.

¹³³ «*Brunus*, fuscus color, subniger, nigricans (бурый, черноватый, темный цвет). Фр. *Brun*, нем. *Braun*... Возможно, получил свое название по цвету сливы, как полагает Октавий Феррарий, или потому, что относится к цвету *Bruniae*, или кольчуги; отсюда наше *Bronze* как обозначение бронзы, из которой делались кольчуги и статуи; по ее желтоватому цвету мы говорим *Bronzer*, итальянцы *Abbronzare*, покрывать бурым цветом, воронить» (Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Domino Du Cange. Parisiis, 1840. T. I, P. 788).

Франсуа Ленорман¹³⁴ полагает, что «арийские племена, которые заселили Грецию и Малую Азию, судя по всему, почти совершенно не знали металлов во время своего прибытия. Доказательство тому нам дает их язык, в котором названия металлов не те, что обнаруживаются у других народов той же расы, и которые у всех них общие; фактически названия металлов по большей части были заимствованы из чужеземных источников. Так, χρυσός («золото») – это семитское *hharouts* и, очевидно, было привезено финикийцами. Даже само название рудников и металла вообще (μέταλλον) – это семитское *matal*. Никакой удовлетворительной арийской этимологии не может быть найдено для χαλκός («бронза»), в то время как это слово вполне естественно связывается – и это факт, принятый столь строгими филологами, как месье Ренан, – с семитским корнем *hhalaq*, обозначающим «металл, обработанный молотом». Происхождение названия χαλκός, таким образом, видимо, указывает на источник, откуда греко-пеласгские народы получили знание настоящего сплава бронзы после первого века чистой меди и нескольких попыток найти пропорцию олова для смешения с ней – попыток, которые должны были проистекать из желания подражать более совершенным образцам металлургии, которые, возможно, были привезены из других стран. Я могу добавить, что сам факт наличия олова, которое можно было сплавлять с медью в более или менее подходящих пропорциях, доказывает, что у людей, памятники культуры которых мы изучаем, имела иноземная торговля. Олово – один из металлов, который отнюдь не везде распространен в природе. На Гиссарлыке два ближайших места, откуда можно было импортировать оловянную руду, – это Кавказ и Крит, где месторождение олова обнаружено в горах Сфакии. Я склонен думать, что его привозили с Крита, поскольку это ближайшее место. Что касается всего остального, то определенно известно, что с отдаленнейшей древности существовали определенные связи через море с помощью прибрежной торговли с острова на остров и с мыса на мыс, которая все еще находилась во младенчестве, между народами, цивилизация которых находилась на одном и том же уровне и которая в то время простиралась от Кипра до Трояды».

Но помимо сплава с оловом у древних был еще другой способ сделать медь более твердой – а именно закалить ее в воде. Мы находим упоминание об этом способе у Гомера:

Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге...¹³⁵

Точно так же Вергилий изображает циклопов, которые погружают шипящую медь в воду:

...шипящую медь окунают другие
В воду...¹³⁶

И Павсаний, говоря об источнике Пирены в Коринфе, говорит, что в него погружали бронзу, когда она была еще огненной и горячей¹³⁷. Россиньолю¹³⁸ цитирует Поллукса, «кото-

¹³⁴ Lenormant F. Op. cit. P. 11.

¹³⁵ Od. IX. 391–393.

¹³⁶ Вергилий. Энеида. VIII. 450; Он же. Георгики. IV. 172.

¹³⁷ «Говорят, что медь, если ее, раскалив, окунуть в этот источник, благодаря этой воде получает свою окраску и становится «Коринфской» (Павсаний. II. 3. § 3).

¹³⁸ Rossignol J.P. Les Metaux dans l'Antiquite. P. 241.

рый подтверждает пассаж Павсания замечательным примером. Говоря об использовании слова *βάψις* вместо *βαφῆ*, Антифон, замечает он, говорит о закалке (*βάψις*) меди и железа»¹³⁹.

Далее я должен упомянуть семь больших обоюдоострых бронзовых кинжалов из сокровища, из которых один я воспроизвожу на рис. 811; его длина составляет 11 дюймов и ширина 2,2 дюйма в самой широкой точке. У второго кинжала (рис. 812), ширина которого 1³/₄ дюйма, отломан кончик, и теперь он только 9 дюймов в длину, однако, судя по всему, первоначально он был длиной 11 дюймов. Третий кинжал (на гравюре не показан) – длиной 8,6 дюйма, и его размер поперек в самой широкой части – 1¹/₂ дюйма. Четвертый (рис. 813), полностью загнулся в пламени пожара, однако длина его, видимо, составляет 11 дюймов. От пятого, шестого и седьмого кинжалов я нашел лишь фрагменты, такие как на рис. 814; они длиной от 4 до 5¹/₂ дюйма. Однако в массе наконечников копий и боевых топоров (рис. 815), которая сплавилась от высокой температуры во время пожара, виден еще один целый кинжал (на гравюре спереди). У всех этих кинжалов ручки длиной от 2 до 2,8 дюйма, конец их загнут под прямым углом. Эти ручки должны были быть когда-то отделаны деревом, поскольку если бы черенки были костяными, то они все еще сохранились бы целиком или отчасти. Ручка вставлялась в кусок дерева, так что конец выступал за полдюйма за нее, и этот конец был просто загнут. Я могу только показать эти своеобразные троянские кинжалы читателю, поскольку похожих предметов пока еще не было найдено в других местах.

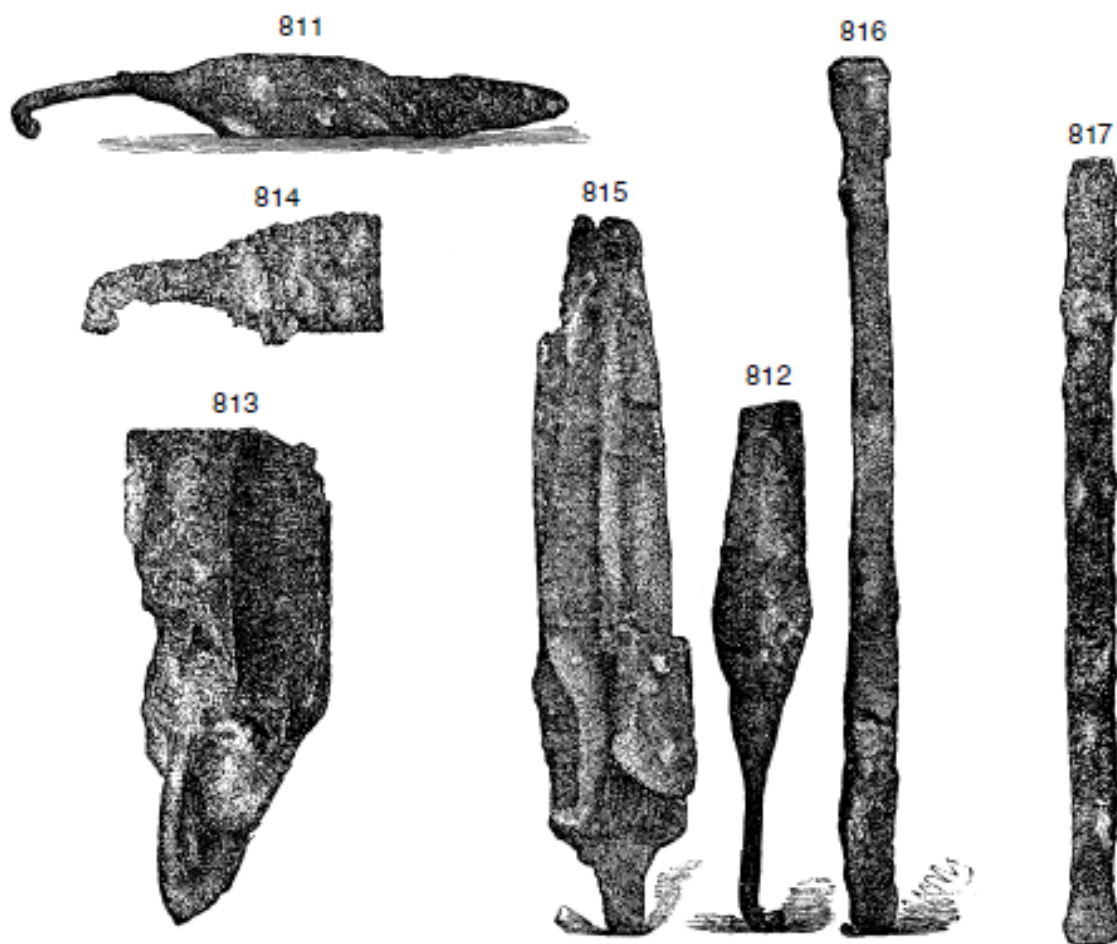

Рис. 811–814. Троянские обоюдоострые бронзовые кинжалы с крючковатыми черенками, которые можно было вставить в деревянную ручку; кинжал (рис. 813) загнулся из-за пожара. Рис. 815. Шесть боевых топоров, кинжалы и наконечники копий, сплавленные

¹³⁹ «Говорят, что и коринфская медь огненной и горячей погружается (*βάλτεσθαι*) под воду» (Павсаний. II. 3. § 3).

вместе. Рис. 816, 817. Прямоугольные бронзовые бруски, возможно оружие с заостренным краем на конце. (1:5 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

Из обычных бронзовых ножей с одним режущим краем, как на рис. 956 или 967, в сокровище я нашел только один.

Сначала мне также показалось, что я нашел в сокровище фрагмент бронзового меча; однако, как могут видеть в моей коллекции посетители музея Южного Кенгсингтона, предмет, о котором идет речь, – это не меч, но просто очень тонкая бронзовая *пила*; длина фрагмента составляет почти 9 дюймов, ширина – 2 дюйма. Если мечи вообще использовались, то я, наверное, должен был бы найти несколько мечей в сокровище среди такого множества другого оружия; или же, по меньшей мере, я нашел бы их где-то еще в третьем городе, который был разрушен так внезапно и неожиданно этой страшной катастрофой, так что у жителей не было времени даже спасти свои сокровища: из них десять остались мне, и я сумел их найти. Даже вместе со скелетами людей, очевидно воинов, я нашел только копья, но никаких следов мечей. Не нашел я и никаких следов мечей и среди руин двух верхних доисторических городов. Более того, если бы мечи использовались, то я, наверное, нашел бы формы, в которых их отливали; но среди 90 (или около того) форм, которые я собрал и в которых есть формы для всего оружия, которое я находил, а также и для другого, которого я не нашел, нет ни одной для меча. Это отсутствие мечей для меня тем более удивительно, что я нашел сотни бронзовых мечей в царских гробницах Микен. Их отсутствие в Гиссарлыке, даже в самом последнем из доисторических городов – это самое ясное доказательство чрезвычайно глубокой древности этих руин и огромного расстояния во времени, которое отделяет их от Гомера, у которого мечи уже во всеобщем употреблении. Однако, если, основываясь на отсутствии этого оружия, кажется столь необходимого, нам придется сделать вывод о том, что Троя находилась на стадии примитивного варварства, то мы поневоле придем в замешательство, глядя на троянские золотые украшения, которые по своему художественному совершенству полностью находятся на уровне тех, что хранились в сокровищницах Микен, и наше замешательство еще усилится, когда мы посмотрим на троянские надписи, поскольку знаки письменности были полностью неизвестны в Микенах. Я могу добавить к этому, что никаких мечей не было найдено и в древних британских курганах периода бронзы.

Однако я возвращаюсь к описанию троянского сокровища, из которого я также извлек четырехугольный бронзовый брусок с рис. 816, который кончается лезвием; он длиной 15 дюймов и мог служить оружием. Бронзовый брусок с рис. 817, который также кончается острым лезвием, был найден в другом месте в сожженном городе.

Возможно, самым интересным предметом, который я нашел в сокровище, является медный (или бронзовый?) ключ с рис. 818, длина которого составляет 4,2 дюйма и головка – 2 дюйма в длину и ширину; он очень напоминает большой ключ от железного сейфа. Любопытно, что у этого ключа была деревянная ручка; в этом не может быть сомнений, поскольку кончик головки ключа загнут под прямым углом так же, как и у кинжалов. У Гомера мы читаем о бронзовом ключе (κλήϊς) с ручкой из слоновой кости в руке Пенелопы; но тот ключ был не таким, как этот, поскольку он был в форме наших отмычек с загнутым крючком вместо бородки¹⁴⁰. Этим ключом – через отверстие, в которое его вставляли, – откидывали засов (или запор) двери¹⁴¹. С другой стороны, в «Илиаде» κλήϊς – это просто запор или засов, который скрепляет две створки дверей¹⁴². В третьем, сожженном городе я нашел два экзем-

¹⁴⁰ Мягкоодутой рукою искусственно выгнутый медный Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши... (Od. XXI. 6, 7)

¹⁴¹ Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку, Дверь отперла... (Od. XXI. 47, 48) Г-н Филип Смит заметил мне, что «форма древних египетских ключей была похожа на эту (см.: Wilkinson. Ancient Egyptians. New ed. Vol. I. P. 354, № 123.)».

¹⁴² К вереям примыкались в ней плотные двери Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым. (Il. XIV. 167,

пляра таких ключей; два из них уже были воспроизведены во введении¹⁴³: я подобрал их у самих ворот – более крупный между первыми двумя выступами каменной кладки, если идти с долины, другой – между двумя следующими выступами. От этого второго ключа отбит кусочек. Третий бронзовый (или медный?) ключ, найденный в доме третьего, сожженного города на глубине 28 футов, представлен на рис. 819. Оба этих ключа квадратной формы, на одном конце толстые, постепенно сужающиеся к другому.

Рис. 818. Медный или бронзовый ключ, видимо относящийся к ларцу с сокровищами. (Примерно 1:4 натуральной величины. Найден на глубине 29 футов)

Рис. 819. Троянский ключ в форме засова. (Натуральная величина. Найден на глубине 28 футов)

Из предметов, найденных в сокровище и не воспроизведенных здесь, я могу упомянуть медную вазу высотой $5\frac{1}{2}$ и диаметром $4\frac{1}{3}$ фута.

На рис. 820 – еще одна серебряная ваза, найденная в царском доме.

168)

¹⁴³ См. рис. 11 и 12.

Рис. 820. Большая серебряная ваза, найденная в царском доме. (Примерно 1:3 натуральной величины. Найдена на глубине 28 футов)

Теперь я перехожу к трем малымкладам, найденным в конце марта 1873 года на глубине 30 футов на восточной стороне царского дома и очень близко от него двумя из моих рабочих, один из которых живет в Ени-Шехре, другой – в Калифатли. Один из них был найден в свиноголовой вазе с рис. 232, которая была закрыта заостренной ножкой другой вазы; два других маленькихклада были найдены вместе с боевым топором с рис. 828 рядом с ним. Однако поскольку утверждения рабочих касательно отдельных объектов, содержащихся в каждом кладе, разнятся, то я могу описать их здесь только совместно. Двое рабочих украли и разделили три клада между собою, и, возможно, я никогда бы не узнал об этом, если бы не то счастливое обстоятельство, что жена рабочего из Ени-Шехра, которая получила в качестве своей доли награбленного все предметы с рис. 822–833, а также еще две подвески, как на рис. 832 и 833, имела наглость однажды в воскресенье выйти на люди в сережках и подвесках с рис. 822 и 823. Это возбудило зависть в ее приятельницах; на нее донесли турецким властям в Кум-Кале, которые бросили ее и ее мужа в тюрьму; когда им пригрозили, что ее муж будет повешен, если они не отдадут драгоценности, она выдала, где они спрятаны, и таким образом эта часть сокровища была немедленно найдена и теперь выставлена в Императорском музее в Константинополе. Супруги также донесли на своего сообщника из Калифатли, но здесь власти явились слишком поздно, потому что он уже заказал ювелиру в Рен-Кее расплавить свою часть добычи, который, по его желанию, сделал из золота очень большое, широкое и тяжелое ожерелье с топорным цветочным орнаментом на турецкий манер. Так эта часть клада была навеки утрачена для науки. Таким образом, здесь я могу воспроизвести только ту часть, что взял вор из Ени-Шехра, поскольку она существует и все могут увидеть ее в музее Константинополя. Поскольку оба вора заявили отдельно под присягой

перед властями в Кум-Кале, что «совиноголовая» ваза с рис. 232 с частью золота была найдена ими непосредственно к западу от колодца (помеченного *a Z* на плане Трои, план I) и что другие два клада были найдены поблизости, и показали настоящее место находки, то в точности этих сведений не может быть сомнений.

На рис. 821 – брусок из электра длиной $6\frac{1}{2}$ дюйма, весящий 87,20 грамма.

Рис. 821. Брусок из электра. Вес – 87 граммов. (1:2 натуральной величины. Найден на глубине 30 футов)

Каждая из сережек с рис. 822 и 823 состоит из двадцати трех золотых проволочек, которые спаяны вместе и согнуты в форме корзинки; средняя проволочка сплющена и в три раза шире других проволочек; она украшена горизонтальными насечками; проволочные «корзинки» украшены четырьмя горизонтальными пластинками, орнаментированными вертикальными насечками; к середине верхней части «корзиночек» припаяны сережки, плоские сверху и украшенные прочерченными вертикальными и горизонтальными черточками. К нижней части корзиночек припаяна золотая пластинка с геометрическим орнаментом; и к этой последней припаяно шесть колец, с которых свисает столько же длинных цепочек, украшенных листочками стреловидной формы точно таким же образом, что и на рис. 687, с той единственной разницей, что здесь листья больше. Большой двойной лист стреловидной формы свисает с конца каждой цепочки. Длина каждой из сережек равна 10 дюймам.

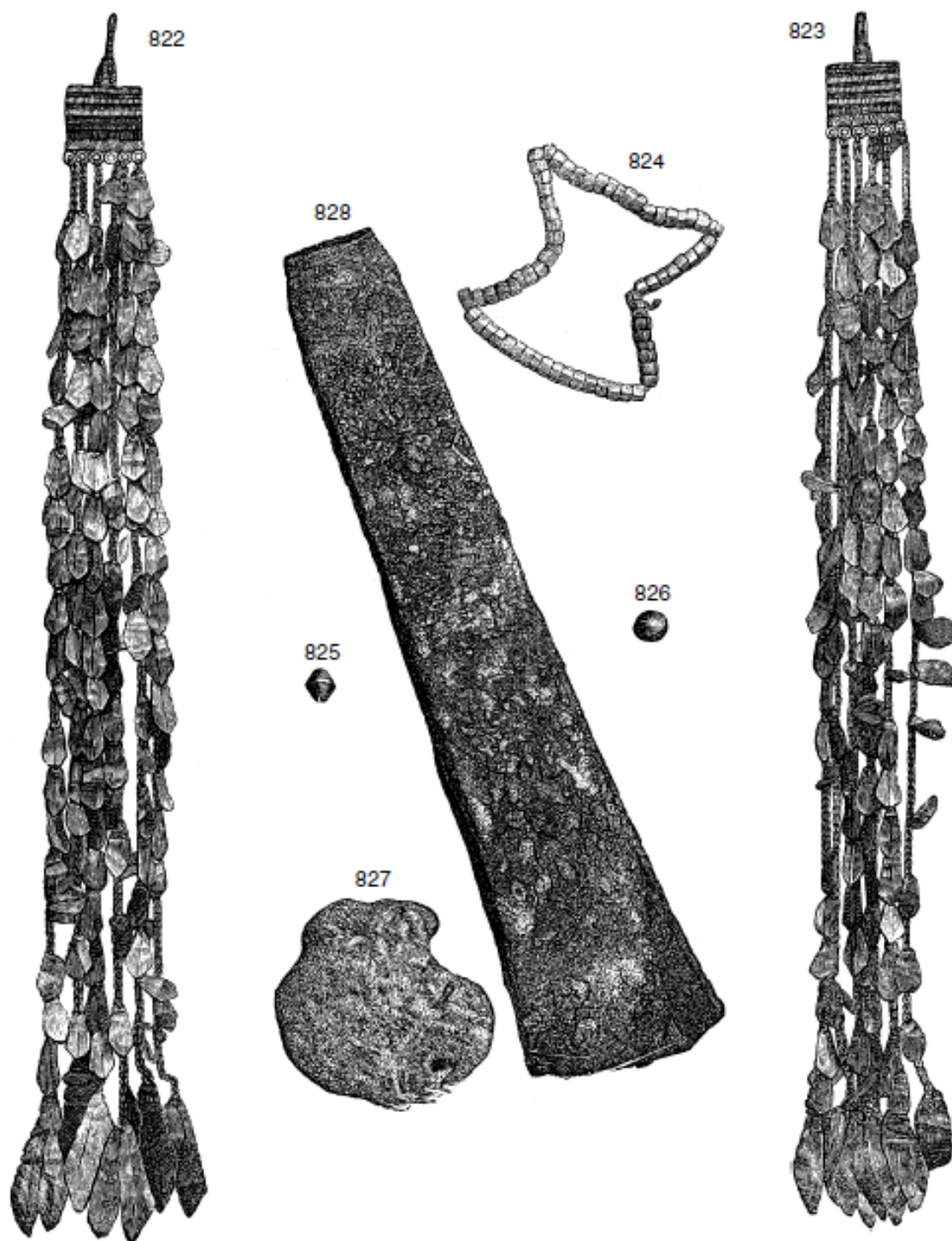

Рис. 822–828. Две золотых серьги с длинными подвесками; золотые бусы; большой слиток выплавленного золота со следами угля на нем и бронзовый боевой топор. (Почти 3:5 натуральной величины. Найдены на глубине 30 футов)

Ожерелье с рис. 824 состоит из 70 прямоугольных золотых бусин. Большие золотые бусины с рис. 825 и 826 имеют форму пряслиц. На рис. 827 – кусок выплавленного золота весом 97,30 грамма, или чуть меньше 3 троянских унций. На ней заметны несколько кусочков угля; один большой виден впереди. На рис. 828 – бронзовый боевой топор, похожий

на те, которые мы уже рассматривали¹⁴⁴. Вору уверяли, что нашли боевой топор вместе с одним из кладов. На рис. 829 – золотой браслет диаметром 3 дюйма; он просто согнут. В том месте, где соединяются два конца, припаяна пластинка овальной формы, украшенная прочерченным геометрическим орнаментом. На рис. 830 и 831 – две сережки в форме змеек; они пустотелые, выкованы из тонких пластинок золота и запаяны. На толстом конце была припаяна толстая прямоугольная бусина, и на ней – золотое зернышко в форме пуговицы. На верхнем и нижних концах были пробиты три ряда небольших отверстий, в которые были впаяны небольшие золотые зернышки; к тонкому концу змеек припаяна сама сережка. На рис. 832 и 833 – золотые подвески, состоящие попеременно из листьев и цепочек, сделанных таким же образом, как цепочки на рис. 685 и 686, что мы уже объясняли выше (с. 455, 456). На конце каждой подвешена фигурка, похожая по форме на рис. 687. Как уже говорилось, есть четыре такие подвески или привеска.

Рис. 829. Золотой браслет с орнаментированной овальной пластинкой. (3:4 натуральной величины. Найден на глубине 30 футов)

Рис. 830, 831. Золотые сережки в форме змеек. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине 30 футов)

¹⁴⁴ См. рис. 806–809.

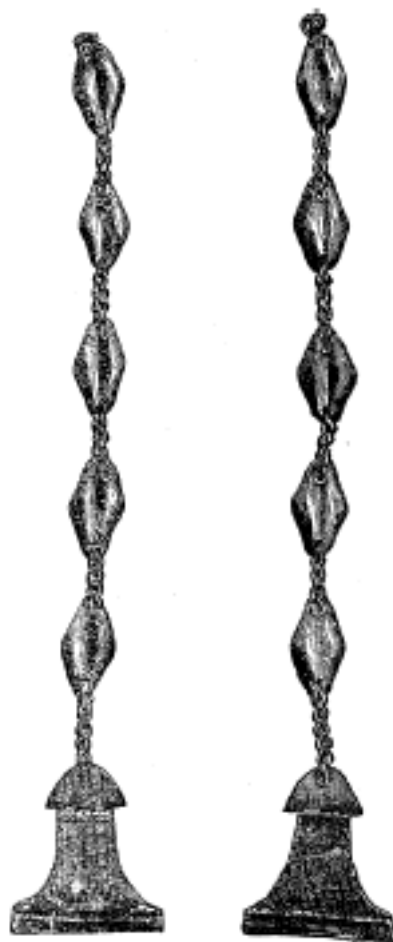

Рис. 832, 833. Золотые подвески. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине 30 футов)

Оба вора согласны в своем утверждении, что в другой части кладов, которая была расплавлена, содержались, помимо других драгоценностей, пара золотых сережек с длинными подвесками, как на рис. 822 и 823, и очень большая круглая золотая пластинка с очень интересными знаками, выгравированными на ней. Утрата этого последнего предмета огорчает меня более, чем что-либо другое.

Из золотых серег того же вида, как и те, что представлены на рис. 830 и 831, я нашел одну на глубине 30 футов в большой связке серебряных браслетов, которые были сцементированы из-за воздействия хлорида серебра; в этой связке содержались также четыре или пять сережек из электра по форме как на рис. 752–764.

Красивую пару золотых булавок для одежды или волос с рис. 834 и 849 (с. 144, 145)¹⁴⁵ я нашел в моем северо-западном раскопе на глубине от 46 до 48 футов, в точности в 16 футах ниже большой эллинской стены, приписываемой Лисимаху. Слой третьего, сожженного города уходит в этой точке гораздо глубже, чем обычно, и эти две броши, безусловно, относятся к нему. Рис. 834 имеет 3 дюйма в длину и очень массивен: он состоит, согласно г-ну Карло Джулиано, из золота чистотой в 23 карата. Она украшена четырехугольной пластинкой из золота длиной 1 1/2 дюйма и шириной 0,7 дюйма, на нижней части которой спаяна с полоской золота, которая по обеим сторонам завернута в спирали с семью оборотами.

¹⁴⁵ Я иногда вынужден отсылать читателя на другие страницы из-за того, что гравюры сгруппированы согласно вкусу гравера.

Наверху припаяна другая плоская золотая полоска, на которую еще припаяны шесть литых золотых вазочек, каждая с двумя ручками: они расставлены так, что каждая ваза повернута одной ручкой вперед; крышки у этих ваз круглые. Поверхность пластинки разделена пятью вертикальными плоскими лентами, припаянными к ней, на четыре вертикальных поля, каждое из которых заполнено спиральным орнаментом, сделанным из тонкой золотой проволоки и припаянным. Эти орнаменты идентичны с теми, что я нашел в третьей царской гробнице Микен¹⁴⁶; однако, чтобы сделать брошь еще более красивой, троянский ювелир (или кто бы то ни было, кто смастерил эту брошь) позаботился о том, чтобы изобразить спирали в двух колонках повернутыми головками вверх, а в двух других – головками вниз. Шесть маленьких золотых вазочек в точности воспроизводят форму терракотовой вазы рис. 261 (если представить ее себе без трех ножек).

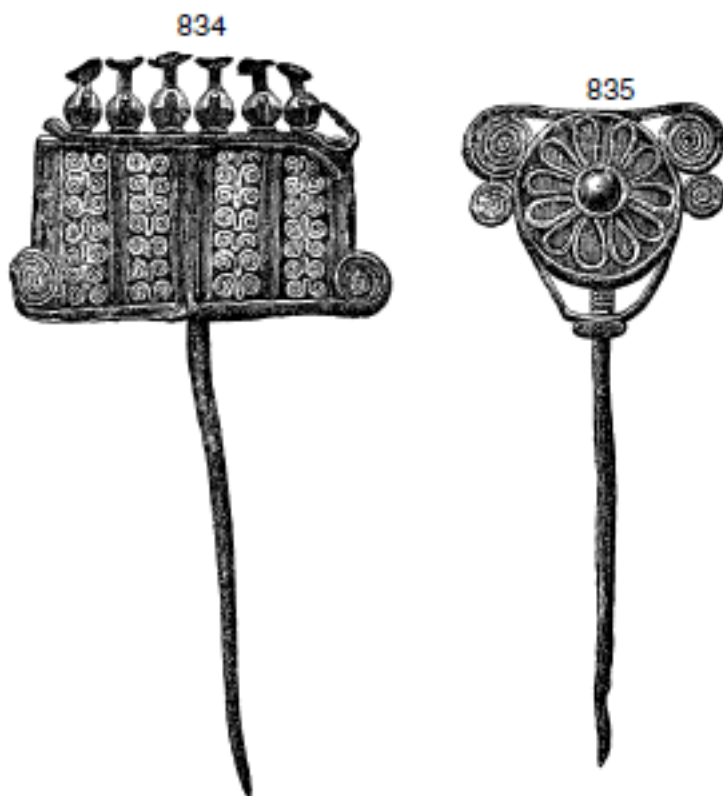

Рис. 834, 835. Золотые броши. (3:4 натуральной величины. Из троянского слоя)

Я нашел другую золотую брошь, (рис. 849) на расстоянии едва ли 1 фута от образца с рис. 834; она чуть длиннее, но легче и проще. Ее верхний конец украшен литым золотым шариком; и над ним, и под ним – спиральный орнамент, в точности как микенский, с той единственной разницей, что в каждой спирали только четыре оборота. Верх кончается предметом, снабженным большой плоской «крышкой»; поэтому он очень похож на винт; но при более близком рассмотрении мы видим, что он просто украшен кругом шестью горизонтальными параллельными насечками.

¹⁴⁶ См: Schliemann H. Mycenae. P. 196, № 295, 296.

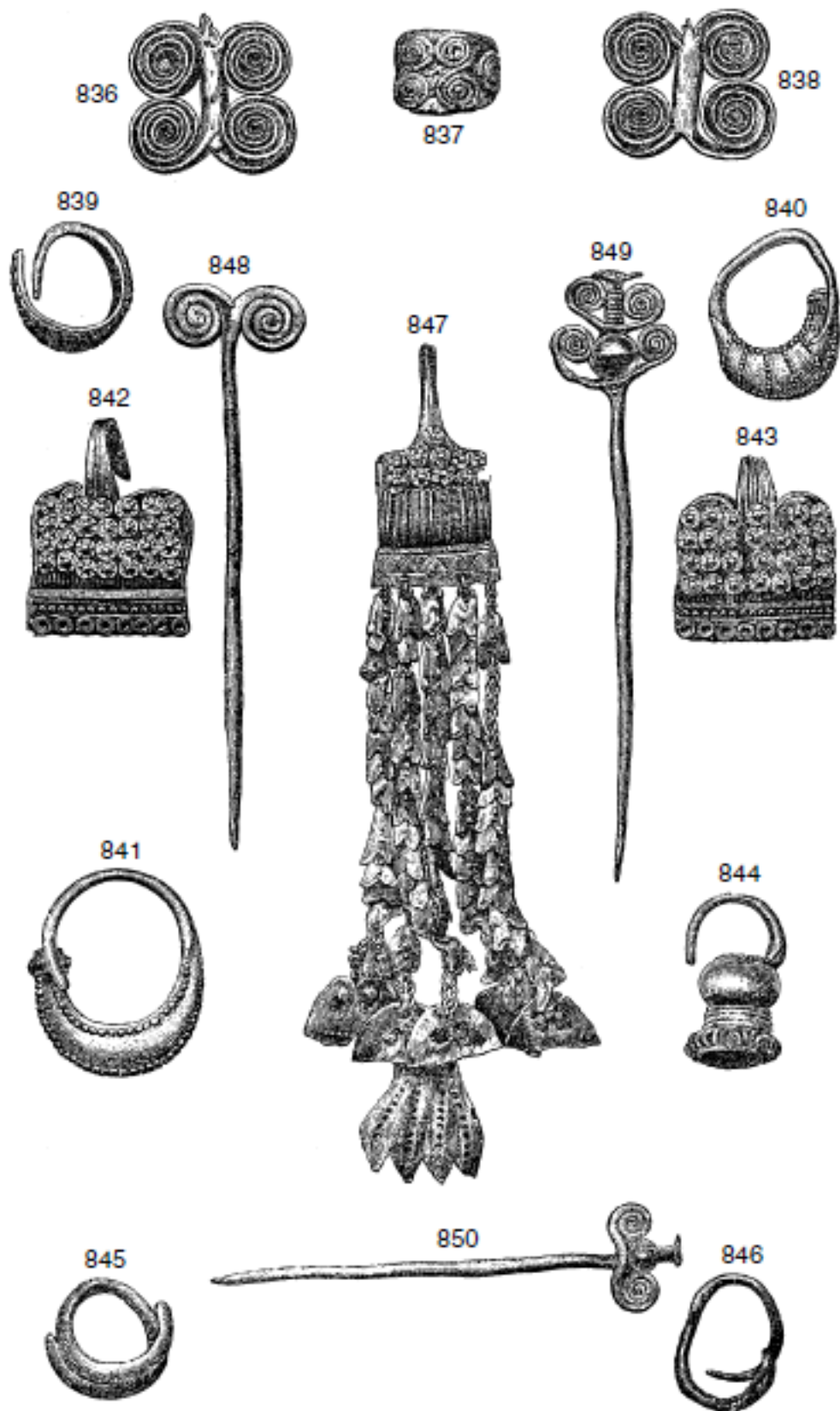

Рис. 836–850. Золотые украшения: бусы для ожерелий, серьги, серьги с подвесками, полукольца и броши. (Примерно 3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 28 футов)

Еще один клад был найден мною 21 октября 1878 года на глубине 26 футов 5 дюймов в присутствии семи офицеров корабля ее величества «Монарх» к северо-востоку от царского дома (в месте, помеченном *r* на плане I) в комнате зданий, которые могли быть дворцовыми службами. Он был в разбитом сосуде из терракоты, сделанном на гончарном круге, содержавшем много пыли, в основном снежно-белой, но местами синеватой; сосуд лежал в наклонном положении примерно в 3 футах над полом и, видимо, упал с верхнего этажа. Среди драгоценностей было двадцать золотых серег, из которых шестнадцать в точности похожи на те, что были найдены в большом кладе и которые представлены на рис. 694 и 695. Другие четыре серьги, из которых одна – на рис. 840, похожи по форме на те, что приведены на рис. 830 и 831. Было также четыре очень красивых золотых украшения, из которых три я воспроизвожу на рис. 836, 838 и 853. В точности такие же золотые украшения были найдены мною в третьем царском погребении в Микенах¹⁴⁷. Они, видимо, использовались для ожерелий, поскольку в середине у них длинное трубчатое отверстие. Делались они следующим образом: к каждому концу маленькой золотой трубки были припаяны две тонкие золотые проволоочки, которые с каждой стороны были повернуты по пять раз, полученные таким образом спирали спаяли вместе и внешний изгиб каждой также припаяли к трубке. Похожим образом сделана золотая булавка для волос с рис. 848, из верха которой с каждой стороны выходит золотая проволока, образующая спирали с четырьмя оборотами. Похожим образом сделана и еще одна золотая булавка (рис. 850), верхняя часть которой орнаментирована литым золотым шариком и спиралями по обеим сторонам; на шарике припаян кусочек круглой золотой проволоки, покрытой круглой пластинкой, так что этот предмет похож на бутылку.

Кроме того, было обнаружено очень большое количество золотых бус различной формы, представленных на рис. 851 и 854–858, а также такой формы, как те, что были найдены в большом сокровище и представлены на рис. 708–738. Форма бус на ожерелье с рис. 858, отдельными образцами которых являются представленные на рис. 859 и 860, встретила здесь впервые. Они сделаны из золотой пластинки, расплющены в виде шишки, и в центре впадины припаяно ушко; ряд точек – чеканная работа. К этому кладу относятся также браслеты из электра с рис. 861 и 862. Первый состоит из трех кругов; он толщиной 0,16 дюйма и так мал, что пришелся бы только на детскую руку. К этому браслету припаялось в большом пожаре одно из золотых колец, а также много золотых бус и часть ожерелья из маленьких серебряных колечек, которые также были скреплены хлоридом серебра; все эти три предмета образовали с браслетом одну сплошную массу.

¹⁴⁷ См: Там же. № 297, 299.

Рис. 851–853. Предметы из золота и сердолика для ожерелий. (Примерно 3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 28 футов)

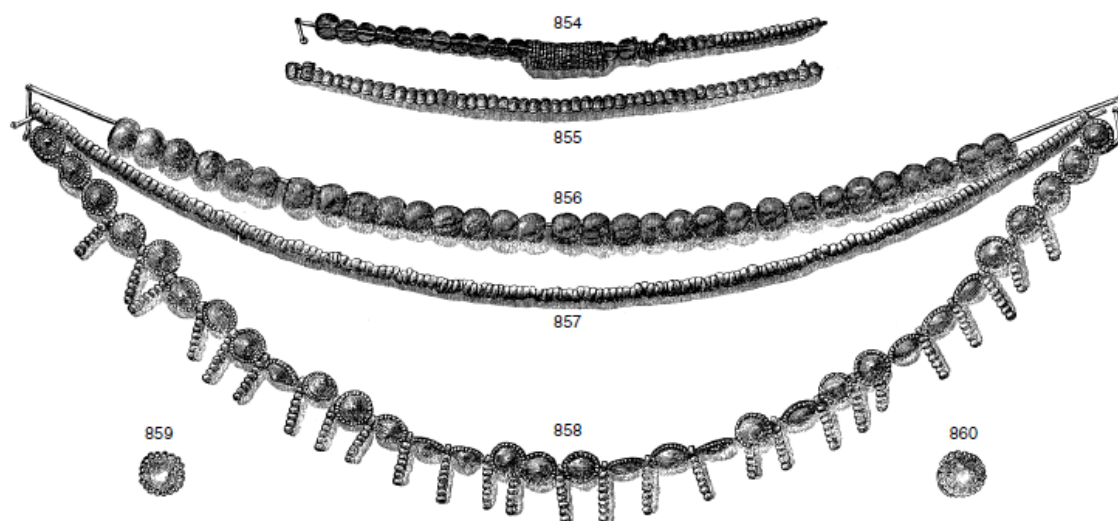

Рис. 854–860. Золотые бусы различной формы для ожерелий. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 33 футов)

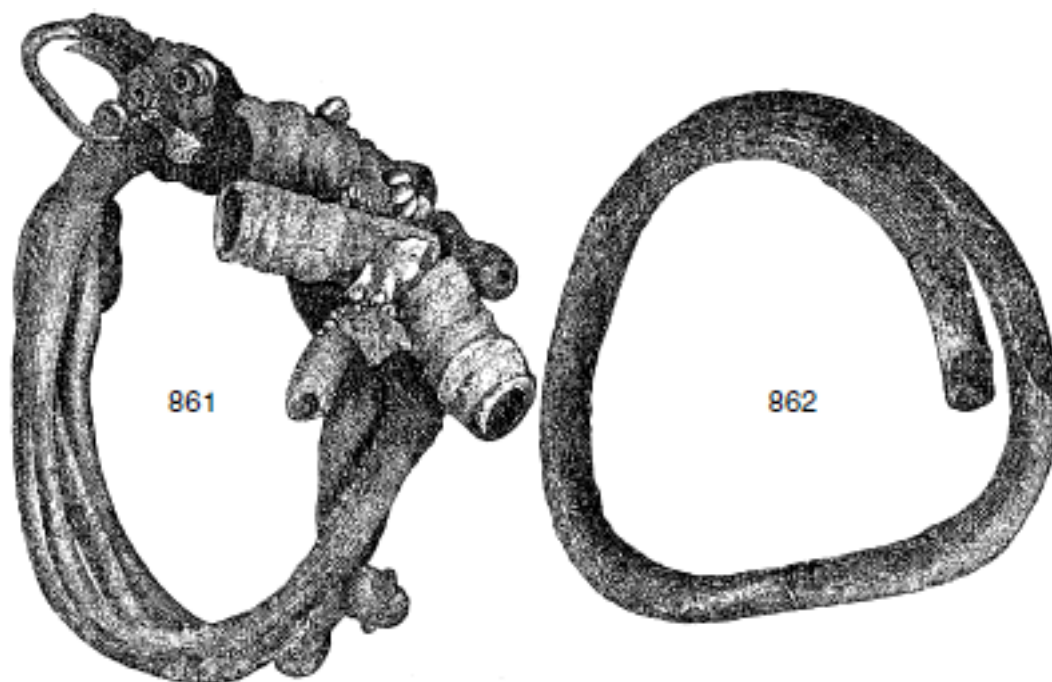

Рис. 861, 862. Два браслета из электра, к одному из которых в пожаре приплавилось множество серебряных колечек и золотых бусин, а также золотая сережка; они прочно при- стали друг к другу из-за скрепляющего действия хлорида серебра. (3:4 натуральной вели- чины. Найдены на глубине 28 футов)

Далее в этом небольшом кладе находилось одиннадцать серебряных сережек той же формы, как на рис. 694, 695 и 754–764, за исключением одной, которая напоминает пару щипцов. Эта последняя присоединена хлоридом серебра к другой серебряной сережке и двум золотым бусам. Из других серебряных колец четыре также соединены хлоридом в один комок и три – в другой. Кроме того, здесь есть 20 фрагментов ожерелий как на рис. 863 и 864, состоящих из бесчисленных серебряных колец, диаметром 0,28 каждое, которые соединились вместе из-за связующего воздействия хлорида серебра. Они нанизаны на куски какого-то вещества, который я считаю слоновой костью, и мой горячо оплакиваемый друг доктор Эдвард Мосс (в 1878 году служивший на корабле ее величества «Ризерч») полностью подтвердил это. Все части ожерелья образуют изгибы и, видимо, сохранили ту форму, которая была у них при использовании. В одном случае две из этих частей ожерелий скреплены вместе серебряной сережкой. Далее, я насчитал 158 подобных серебряных колец, или одиночных, или скрепленных хлоридом. Таким же образом и многие части ожерелий, состоявшие из серебряных бусин, были скреплены вместе хлоридом, к которому прилепилось и множество золотых бусин. Далее я должен упомянуть цилиндрический слиток электра длиной V9 дюйма, а также булавку для волос из того же металла, которую я воспроизвожу на рис. 865; она почти что имеет обычную форму бронзовой броши, то есть форму гвоздя с шаровидной головкой.

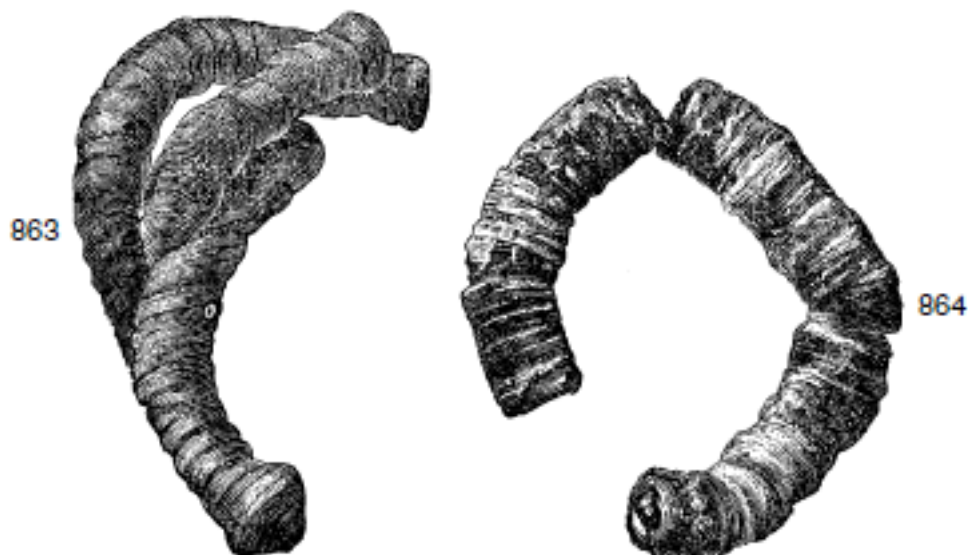

Рис. 863, 864. Фрагменты ожерелий, состоящих из бесчисленных серебряных колечек, скрепленных вместе хлоридом серебра и нанизанных на палочки из слоновой кости. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине 28 футов)

К западу от ворот посетители могут увидеть самую длинную стену дома царя или городского вождя. Она проходит параллельно большой городской стене (см. план Трои I), и ее длина составляет 53 фута 4 дюйма, высота – 4 фута 4 дюйма. Близ северо-западного конца стены и всего в 3 футах над землей¹⁴⁸ я нашел в слое серого пепла еще два небольших клада: оба они были в разбитых терракотовых вазах, сделанных от руки, с большим количеством того же белого порошка, который я заметил в другом кладе. Из этих ваз одна лежала в наклонном, другая в горизонтальном положении; из этого я сделал вывод, что во время катастрофы обе они упали с верхней части этажа; горлышки двух ваз почти соприкасались друг с другом. В вазе, которая лежала в горизонтальном положении, было шесть круглых и четыре овальные бусины из сердолика, как те, что на рис. 852; плоская золотая налобная повязка, у которой на каждом конце по три отверстия для соединения; сорок три большие круглые бусины, как те, что на рис. 856, и бесчисленное количество маленьких золотых бусинок различной формы; золотой брусок с рис. 866 с восемнадцатью отверстиями, видимо для подвешивания украшений, возможно цепочек с подвесками; золотая пластинка, украшенная зигзагообразными линиями и коронками в довольно приличной гравировке, но, то ли от воздействия огня, то ли от руки человека, эта пластинка была согнута четыре или пять раз, и, поскольку она очень толстая, разогнуть ее руками невозможно. Были также большие и маленькие слитки золота (рис. 867–871) и еще очень большой (рис. 872), который, судя по всему, случайно, расплавившись, приобрел форму колокола; к этому слитку во время пожара приплавилось значительное количество серебра, теперь превратившегося в хлорид. Я также должен упомянуть серебряный слиток, превратившийся в хлорид, к которому приплавилось десять золотых бусин различной формы; длинную четырехугольную золотую проволоку, почти что в форме серьги; четырнадцать золотых серег обычного троянского типа, как на рис. 694, 695 и 754–764; золотую серьгу в форме змейки, как на рис. 840, 841, и золотую сережку в форме перевернутой вазы, к «горлышку» которой припаяна золотая проволока с двадцатью одной извилиной (см. рис. 844). Была также золотая сережка с обычной подвеской и двумя заостренными концами, так что ее можно было надеть в ухо обоими концами; далее, красивая золотая сережка в форме образца с рис. 847, образованная из четырнадцати золотых

¹⁴⁸ На точке, помеченной *t* на плане I.

проволочек, которые были согнуты в форме корзинки и спаяны; внутренняя сторона потом была разглажена и отполирована. На одной из внешних сторон она украшена одним рядом, на другом – двумя рядами из пяти розеток с одной розеткой сверху. К верхней части припаяна небольшая золотая пластинка, украшенная пятью треугольниками между двумя линиями – все гравированные; под каждым треугольником есть отверстие: в каждом из этих последних подвешена золотая цепочка, покрытая шестнадцатью золотыми двойными листьями, украшенными точками, и на конце каждой цепочки висит золотое украшение, очень похожее на троянского идола, но заканчивающееся четырьмя листочками, украшенными точками. Эти и все другие предметы из золота и серебра я могу только продемонстрировать такими, какие они есть; поскольку, за исключением спиралей и розеток, которые часто встречаются в Микенах и также в изобилии в Ассирии или Вавилонии, ничего похожего на эти троянские золотые вещи не было найдено нигде. Профессор Сэйс полагает, что орнамент с розетками был изобретен в Вавилонии, перешел к ремесленникам Финикии и ими был привезен на Запад¹⁴⁹.

Рис. 865. Булавка для волос из электра. (Натуральная величина)

Далее я упомяну сережку из электра, украшенную коронкой, в которой висит подвеска, очевидно серебряная, поскольку она сильно разрушена хлоридом; к этому последнему предмету пристала серебряная сережка и бесчисленные серебряные бусинки; а также подвеску из электра, к которой присоединено множество золотых и серебряных бусин; а также около десяти серебряных сережек; все они соединены вместе из-за действия хлорида и покрыты золотыми бусинами, которые также прочно пристали к ним: у этих сережек обычная троянская форма (см. рис. 694, 695, 754–764); еще золотой диск с восемнадцатью насечками. Рядом с двумя вазами с драгоценностями лежал погруженный в угли и пепел бронзовый боевой топор длиной $9\frac{1}{3}$ дюйма обычной троянской формы (см. рис. 806–809 и 828) и два странных предмета вооружения, представленные на рис. 816 и 817.

¹⁴⁹ Sayce A.H. // Contemporary Review. December 1878.

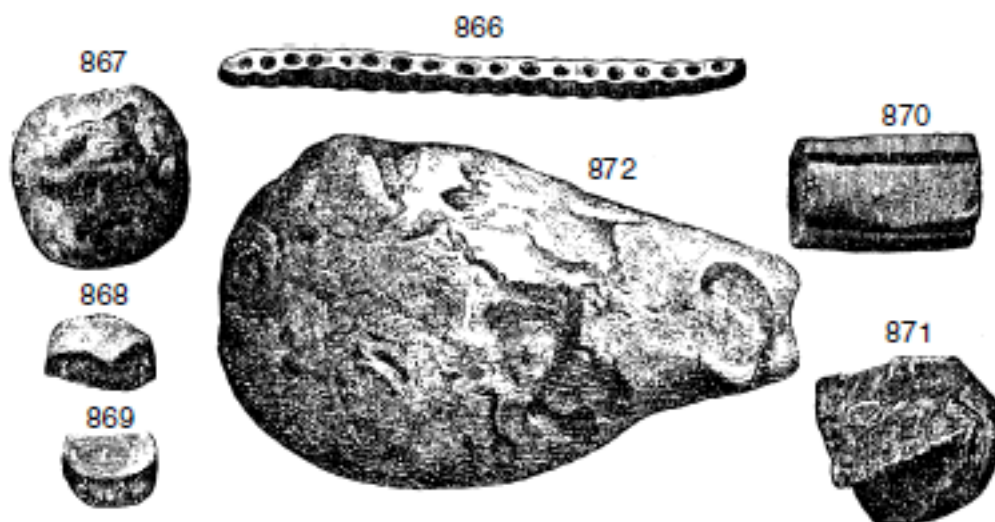

Рис. 866. Золотой предмет для подвешивания украшений

Рис. 867–872. Шесть слитков золота. (3:4 натуральной величины)

Только в 3 футах от этой находки, но на самой стене дома и на глубине 26 футов ниже поверхности был найден другой, еще больший клад из бронзового оружия и золотых украшений; они также более или менее лежали в том же слое белого порошка. Оружие состояло из двух наконечников копий как на рис. 803 и 804, ножа как на рис. 964 и двух небольших предметов вооружения как на рис. 816 и 817 – все они сплывались вместе в огне пожара; далее, боевой топор, как тот, что был описан выше, и сломанный медный сосуд с множеством золотых бусин, «приклеенных» окисью к его поверхности. В нем находилось два тяжелых золотых браслета с рис. 873 и 874, каждый из которых весит почти 18 соверенов и, согласно г-ну Джулиано, имеет пробу в 23 карата. Шириной они почти дюйм и состоят из толстой золотой пластины, которая на образце 873 отделана золотой проволокой, на образце 874 – серебряной. Внешняя сторона первого разделена четырьмя вертикальными рядами из трех розеток в каждой на четыре почти равных поля, которые заполнены двумя рядами спирального орнамента, который мы видим на микенских драгоценностях¹⁵⁰; и, чтобы сделать браслеты еще более красивыми, первобытный художник позаботился о том, чтобы изобразить спирали в одном ряду завивающимися вверх, в другом ряду – вниз. В одном ряду расположено восемь, а в другом – девять таких спиральных орнаментов; кроме того, есть вертикальный ряд из четырех спиралей, и всего вокруг браслета семьдесят два таких орнамента, сделанные из золотой проволоки и припаянные на пластинку. Орнамент другого браслета (рис. 874) почти что такой же: единственная разница в том, что вместо розеток вертикальные колонки заполнены бусами. Эти вертикальные колонки, из которых пять находятся справа от зрителя, четыре слева и еще четыре – по другую сторону, обрамлены вертикальными золотыми проволочками, припаянными к пластине браслета. В каждой центральной колонке – обрамление из двойных проволочек. В каждой из этих вертикальных колонок по восемь колечек, кроме одной, в которой их только семь; всего получается сто три колечка. Число спиральных орнаментов – пятьдесят четыре, по восемнадцать в каждом поле. Я также могу упомянуть большие слитки расплавленного золота, один из которых похож на золотые самородки, которые находят в рудниках; а также слиток золота, очевидно отрезанный от бруска и похожий на образцы с рис. 869 и 870.

¹⁵⁰ См.: Schliemann H. Mycenae. P. 196, № 295.

Вместе с этими предметами была найдена нижняя часть одного из больших троянских двуручных кубков из терракоты (δέφα ἀμφικύπελλα), из которой высовывалось 16 золотых брусков каждый длиной по 4,33 дюйма с горизонтальными насечками от 60 до 62.

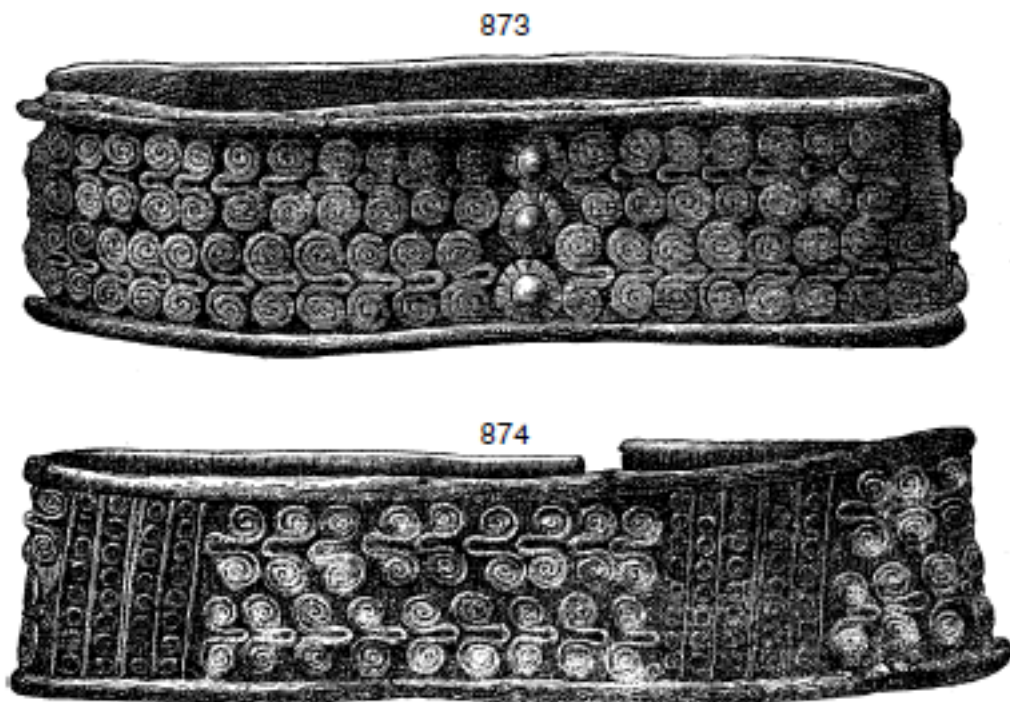

Рис. 873, 874. Золотые браслеты, найденные на стене царского дома. (7:8 натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

Здесь я воспроизвожу на рис. 875–877 три из этих золотых брусочков. Я опять задаюсь вопросом: если шесть слитков чистого серебра (рис. 787–792) не являются гомеровскими талантами, то не должны ли мы видеть эти последние в этих шестнадцати золотых брусках? Профессор Робертс из Королевского монетного двора, который любезно проанализировал часть одного из них, написал для меня следующую заметку об этом: «Очень небольшой фрагмент металла, срезанный с конца одного из золотых брусков, был очищен и подвергнут анализу; вес анализируемого металла составил 2,536 грана. Оказалось, что он содержит 65,10 процента золота и 33,42 процента серебра, наряду с незначительными следами свинца, меди и железа, однако количество этих металлов в сумме не превышает 1,5 процента. Таким образом, сплав, из которого состоит этот «талант», является электром».

Рис. 875–877. Три золотых бруска с горизонтальными насечками от 52 до 60. (Примерно 7:8 натуральной величины. Найдены на глубине 26 футов)

Достав шестнадцать брусков из кубка, я обнаружил под ними две пары очень тяжелых золотых сережек, из которых одну пару я воспроизвожу на рис. 842 и 843 (см. 145). Каждая из них сделана из сорока золотых проволочек, спаянных вместе и прокованных кругом; затем верхняя часть была срезана так, что получилось нечто вроде коронки, в центре

которой был припаян крючок или собственно сережка, сначала плоская и орнаментированная вертикальными насечками и постепенно сужающаяся к концу. На внутренней стороне проволоки были отполированы до получения гладкой поверхности; на внешней стороне «корзинки» каждой сережки были припаяны четыре ряда из семи розеток, всего двадцать восемь розеток на каждой, кроме одной, на которой было только двадцать семь. Чтобы сделать серьги более прочными, вокруг всех краев была припаяна золотая проволока, которую легко можно видеть в тех местах, где она оторвалась. К нижней части каждой «корзинки» были припаяны две золотые пластинки; на передней мы видим между верхней границей из двух плоских золотых полосок и нижней очень узкой полоски ряд из восемнадцати бусин, припаянных в углубления; другая золотая пластинка не орнаментирована, поскольку она находилась со стороны головы. К каждой из этих пластинок прикреплено восемь колечек, сделанных из двойной золотой проволоки, так что, поскольку здесь всего шестнадцать колечек, мы можем с большой долей вероятности предполагать, что к каждой из этих сережек было подвешено шестнадцать цепочек, которые, однако, должны быть нанизаны на нитку, поскольку они исчезли; однако сотни сохранившихся золотых бусин свидетельствуют об их былом великолепии. Бусины или прямоугольные и орнаментированные насечками, как те, что показаны на рис. 855, или же круглой или овальной формы, как на рис. 857 или на рис. 721, или же они состоят из длинных и очень тонких колец, как на рис. 894–897.

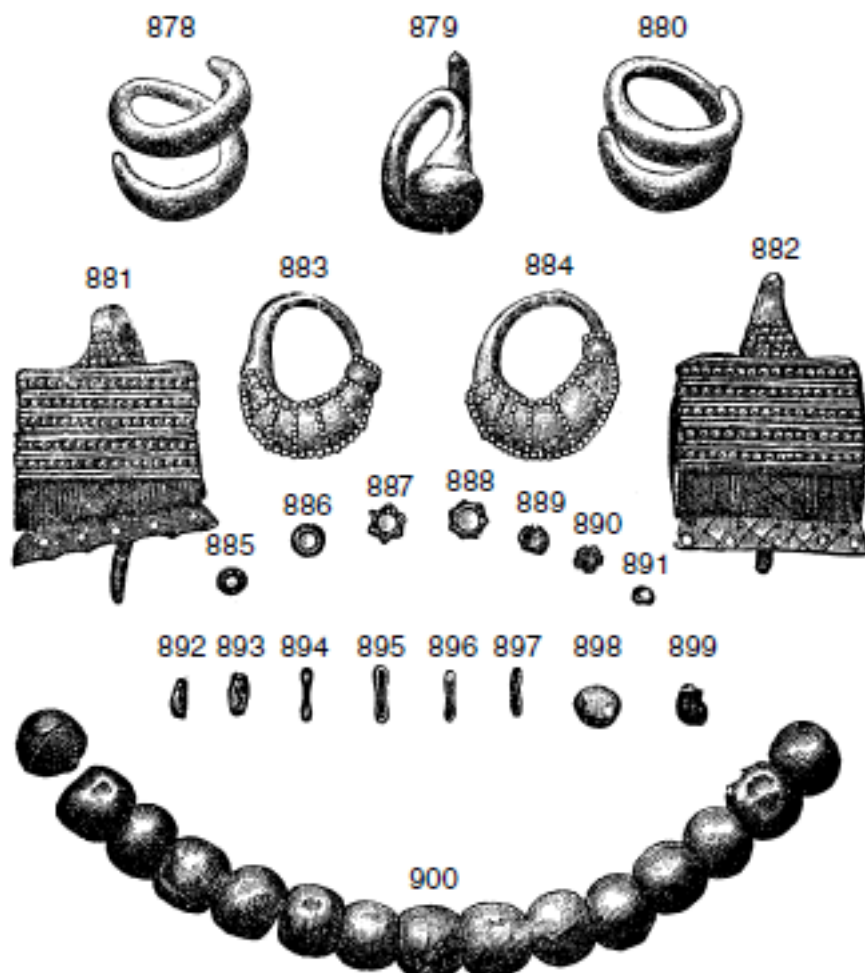

Рис. 878–900. Три кольца для закрепления и украшения кос или локонов, четыре богато орнаментированные сережки и бусы для подвесок и ожерелий – все золотые. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 33 футов)

Я воспроизвожу другую пару серег на рис. 881 и 882. Обе были сделаны из золотой пластинки, с каждой стороны которой были припаяны тринадцать золотых проволочек; затем все было закручено в форму корзинки, крючок или сама сережка была припаяна наверху посередине, и ее нижний конец украшен двадцатью бусинами, впаянными в желобки. Затем каждая сторона обеих серег была украшена пятью рядами из двадцати пяти бусин, впаянных в желобки между шестью каемками из двойных горизонтальных проволочек: таким образом, всего на обеих сторонах каждой сережки было двести семьдесят бусин. Очень простые геометрические узоры были прорезаны на обеих сторонах пластинки в середине, а также на пластинке, припаянной снизу: в этой последней пять отверстий для привешивания украшений. Г-н Алессандро Кастеллани полагает, что «первобытные ювелиры подражали типу *Diademae*, *Pseudodiademae* и семейства *Echinae*, поскольку так же, как и эти водяные создания, их изделия покрыты множеством линий и выпуклостей. Вполне естественно, что художественный орнамент заимствует свои элементы из окружающей природы»¹⁵¹.

Г-н Джулиано полагает, что проба этих двух пар сережек составляет 23 карата. Однако степень чистоты золотых бусин другая; г-н Джулиано полагает, что некоторые из них имеют пробу в 20, другие в 18 или только в 16 карат. Это согласуется с анализом, проведенным профессором Робертсом, который пишет мне: «0,0910 грамма золотых бусин, как показал анализ содержания металлов, содержат 67,91 процента золота. Одна бусина весом 0,920 грамма, более яркого цвета, чем остальные, содержала 75,8 процента золота. Стандарт этих бус разнится, таким образом, от 16 до 18 карат. Во всех бусах, предоставленных мне для анализа, цвет поверхности металла, судя по всему, был достигнут искусственными средствами, и, может быть, уместно вспомнить, что японцы, которые используют ряд интересных сплавов золота, используют для этой цели сливовый уксус».

Далее, в этом кладе были найдены девять более простых золотых серег, одна из которых, с рис. 837, украшена четырьмя рядами по две спирали в каждом, напоминая второй надгробный камень из Микен¹⁵². На другой, с рис. 879, – подвеска в форме колокольного языка. Три другие имеют обычную троянскую форму (рис. 694, 695 и 754–764). Оставшиеся четыре, из которых две я воспроизвожу на рис. 878 и 880, – просто спирали с двумя оборотами, и при ближайшем рассмотрении я нашел, что оба конца их слишком толсты, чтобы пропустить через мочку уха. Таким образом, они должны были предназначаться для скрепления локонов волос и могут, по моему мнению, вполне объяснить следующий пассаж у Гомера:

Кровью власы оросились, прекрасные, словно у граций,
Кудри держимые пышно златой и серебряной связью¹⁵³.

Я полагаю, что любопытная «сережка» с рис. 879 без острого конца также не может быть ничем иным, как украшением для волос.

Далее я нашел в сокровище два золотых бруска как на рис. 866, один с восемнадцатью, другой с двадцатью отверстиями для привешивания украшений; кроме того, сорок пять золотых бусин полушаровидной формы, как те, что изображены на рис. 858–860, с ушком в углублении и краем, украшенным двадцатью пятью чеканными точками; а также маленькая простая булавка для волос как на рис. 865, но с восьмиугольной головкой.

Далее я должен упомянуть еще одну небольшую находку золота, которую я сделал в ноябре 1878 года во время моих раскопок на северной стороне холма, точно в северо-восточ-

¹⁵¹ Castellani A. в Германском археологическом институте в Риме, 3 января 1879 года.

¹⁵² См.: *Schliemann H.* *Mycenae*. P. 81, № 140.

¹⁵³ II. XVII. 51, 52.

ном углу кирпичной стены¹⁵⁴. Она состояла просто из пары тяжелых массивных серег как на рис. 841 в виде змейки, украшенной тремя рядами бус, припаянных в желобки, небольшого серебряного предмета с шестью отверстиями и серебряной пластинки овальной формы шириной 2,4 дюйма в самой широкой части; длину ее нельзя точно определить, поскольку в огне она согнулась и оба ее конца загнуты, однако, по-видимому, она была длиной около 5 дюймов. Вместе с этими предметами были найдены сотни золотых бус, из которых многие в форме листочков как на рис. 912 с трубчатыми отверстиями посередине. Наконец я должен отметить находку красивой золотой булавки для волос с рис. 835, у которой на каждой стороне розетка с одиннадцатью цветочными лепестками; однако эта круглая часть с двумя розетками состоит из двух отдельных золотых дисков без чеканки. Они были сделаны следующим образом: в середине припаяли небольшую полукруглую золотую пластинку и вокруг нее – ободок из золотой проволоки; затем из золотой проволоки сделали лепестки и симметрично припаяли к булавке. Украсив таким образом два диска, их соединили широкой плоской золотой лентой, которая слегка выступает за оба из них. Затем этот двойной диск был припаян на длинную булавку, верхняя часть которой украшена насечками. Затем булавку пропустили через плоскую золотую ленту, которая на обеих сторонах двойного диска была запаяна и свернута на обоих концах в спираль с тремя оборотами. Далее булавка была пропущена через небольшой золотой диск: он припаян под золотой лентой и хорошо виден. Наконец наверху диска была припаяна золотая лента, которая с каждой стороны была завернута в спираль с пятью оборотами.

Далее среди открытий 1878 года я должен упомянуть замечательный *серебряный кинжал* с рис. 901, который был обнаружен в царском доме на глубине 28 футов. Хорошая сохранность этого предмета, горизонтальные линии и черный цвет могли заставить любого поверить, что он сделан из метеоритного железа. Однако профессор Робертс из Королевского монетного двора, который отскреб немного от тонкого черного слоя, покрывавшего кинжал, и проанализировал его, доказал, что это хлорид серебра. Далее я могу сказать, что металл под этим черным слоем совершенно белый; таким образом, не может быть сомнений в том, что анализ профессора Робертса правилен и что перед нами серебряный, а не железный кинжал.

Рис. 901. Серебряный кинжал; возможно, церемониальное оружие. (2:3 натуральной величины. Найден на глубине 28 футов)

Г-н Гладстон полагает, что серебряный кинжал должен был быть церемониальным оружием. Его длина 6 дюймов; он обоюдоострый и достаточно остро заточен. Рядом с нижним концом лезвия – два отверстия длиной 0,53 и шириной 0,12 дюйма, которые, возможно, были сделаны только для украшения. Конец длинной ручки загнут под правым углом, что доказывает, что ручка была вставлена в дерево; едва ли это могла быть слоновая кость, поскольку слоновая кость, которую я находил в сожженном городе, так хорошо сохранилась. Я должен добавить, что серебряный кинжал в точности повторяет форму кинжалов, найденных в большом сокровище (см. рис. 811–814). Вероятно, мы можем рассматривать как церемониальное оружие также золотой наконечник стрелы с рис. 902, который был найден на плато у двух больших стен (Башня).

¹⁵⁴ См. план I (план Трои) и план в разрезе (III. Н.).

Рис. 902. Плоский кусочек золота в форме наконечника стрелы. Из башни. (Почти в натуральную величину. Найден на глубине 26 футов)

Что касается драгоценных металлов, я также обнаружил два небольших клада во время своих раскопок в 1879 году. Первый из них был найден в апреле на северной стороне холма примерно в 66 футах снаружи от черепичной городской стены (см. план Трои I, место, помеченное *n a*), на глубине всего 13 футов ниже поверхности; он лежал на рухнувшей стене дома и, возможно, упал с верхнего этажа. Как уже объяснялось на предшествующих страницах, слой третьего, сожженного города не всегда встречается на одной и той же глубине под поверхностью: в границах сожженного города он в основном доходит до глубины 23 футов, но по причинам, которые я уже пояснил, он также находится непосредственно под основаниями храма Афины; и на северо-восточной и восточной сторонах вне кирпичной стены сожженного города он в основном встречается на такой малой глубине, как 12 футов. Посетители без труда убедятся в этом факте, взглянув на мои раскопы. В любом случае это, судя по всему, подтверждает внешний вид золотых украшений из этого маленького клада: все они в точности похожи на те, что были найдены в кладах, открытых близ царского дома в самом городе, за исключением золотых дисков с рис. 903 и 904, которых было найдено три и которые здесь встретились впервые. Однако подобных золотых дисков было очень много в царских погребениях Микен; там в одной только третьей гробнице я собрал 701 штуку¹⁵⁵. Рис. 903 изображает красивую звезду-цветок в небольшой рамке; похожую звезду мы видим на рис. 904 с тройной рамкой; все рельефное. Трудно объяснить, как троянцы изготавливали такие узоры. Г-н Джулиано вместе с г-ном Ландерером полагает, что золотую пластинку положили на блок свинца и орнамент выбили или выдавили на ней. В кладе также находилось золотое нагрудное украшение с рис. 905; его длина 18 дюймов. Верхняя часть в форме корзинки длиной 1,8 дюйма и шириной 1 1/2 дюйма; она состоит из двадцати пяти золотых проволочек, которые были сплюснены, спаяны, согнуты и соединены маленькой золотой пластинкой шириной 0,12 дюйма и двумя золотыми булавками; к верхнему краю были припаяны два золотых крюка длиной 2 1/2 дюйма. Одна сторона золотой «корзинки» украшена тремя рядами из одиннадцати золотых колечек; еще два таких колечка можно увидеть на нижней части крюков. Все эти кольца были заполнены веществом, напоминающим белое стекло, которое, судя по всему, раньше имело другой цвет и, возможно, было синим. На нижнем конце припаяна золотая пластинка с десятью отверстиями, из которых свисают десять цепочек, состоящих из двойных колец из золотой проволоки; на каждом звене прикреплен золотой листочек диаметром 0,2 дюйма. В каждой золотой цепочке — 155 таких звеньев и 155 таких листочков и, следовательно, 1550 двойных колечек и 1550 листочков. На конце каждой цепочки подвешен золотой идол обычной формы, с двумя четко обозначенными глазами. Рабочие не заметили это украшение и вместе с остальным мусором кинули его в тачку, чтобы сбросить со склона; но его заметил острый глаз профессора Вирхова, который поднял его с тачки и спас от неминуемой гибели. Там также были найдены фрагменты семи значительно более крупных золотых идов.

¹⁵⁵ См.: Schliemann H. Mycenae. P. 165–172.

903

904

Рис. 903, 904. Диски из золотых листов, богато орнаментированные. (Примерно половина натуральной величины. Найдены на глубине 13 футов)

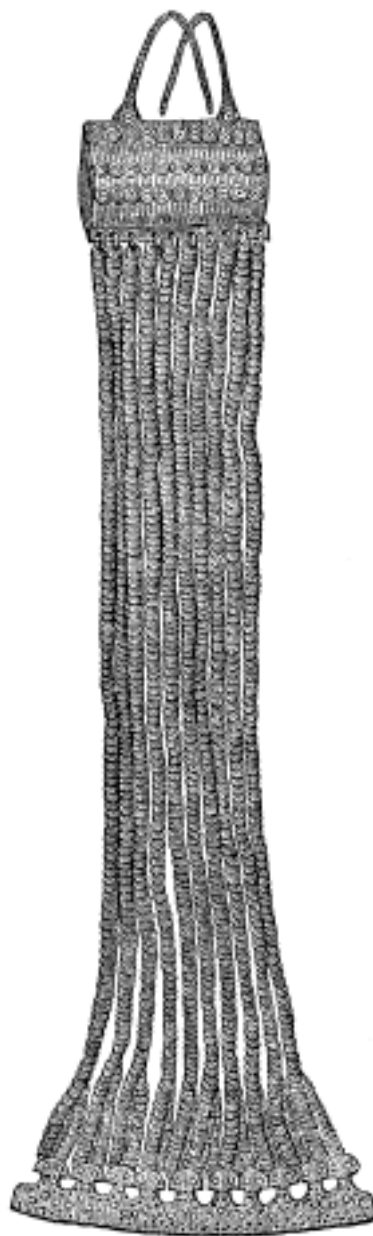

Рис. 905. Золотое украшение, возможно для подвешивания на груди. (1:4 натуральной величины. Найдено на глубине 13 футов)

Еще один клад был найден мною в присутствии месье Бюрнуфа и профессора Вирхова на глубине 33 футов ниже поверхности (в месте, помеченном V, к северу от места, помеченного на плане I – плане Трои), на склоне большой троянской стены, рядом с домом древнего городского вождя или царя и рядом с тем местом, где в 1873 году было найдено большое сокровище. Он состоял из двух золотых сережек, из которых одну я воспроизвожу на рис. 920. Обе имеют обычную форму корзинки и украшены тремя розетками. К «корзинке» припаяна золотая пластинка, орнаментированная очень простыми прочерченными геометрическими узорами. К этой золотой пластинке прикреплены на одной сережке пять, на другой – только четыре золотых колечка; с них свисают золотые цепочки, покрытые листьями.

Далее я упомяну очень большие золотые сережки обычной формы (рис. 906 и 907), из которых последняя украшена тремя розетками; еще одну золотую сережку, такую же, как на рис. 920, но без подвесок; еще две маленькие сережки обычной формы, из которых одну я воспроизвожу под рис. 910; небольшое золотое кольцо, как на рис. 878 и 879, для скрепления

локонов или кос; одну простую золотую ленту длиной 21 дюйм, которую я воспроизвожу на рис. 921; на одном конце у нее три отверстия и на другом – одно отверстие для закрепления ее вокруг головы; девять золотых украшений с четырьмя спиралями, как на рис. 836 и 838; и несколько украшений поменьше такого же типа, как на рис. 909. Похожих украшений очень много в царских гробницах Микен¹⁵⁶.

¹⁵⁶ См.: *Schliemann H. Mycenae. № 297.*

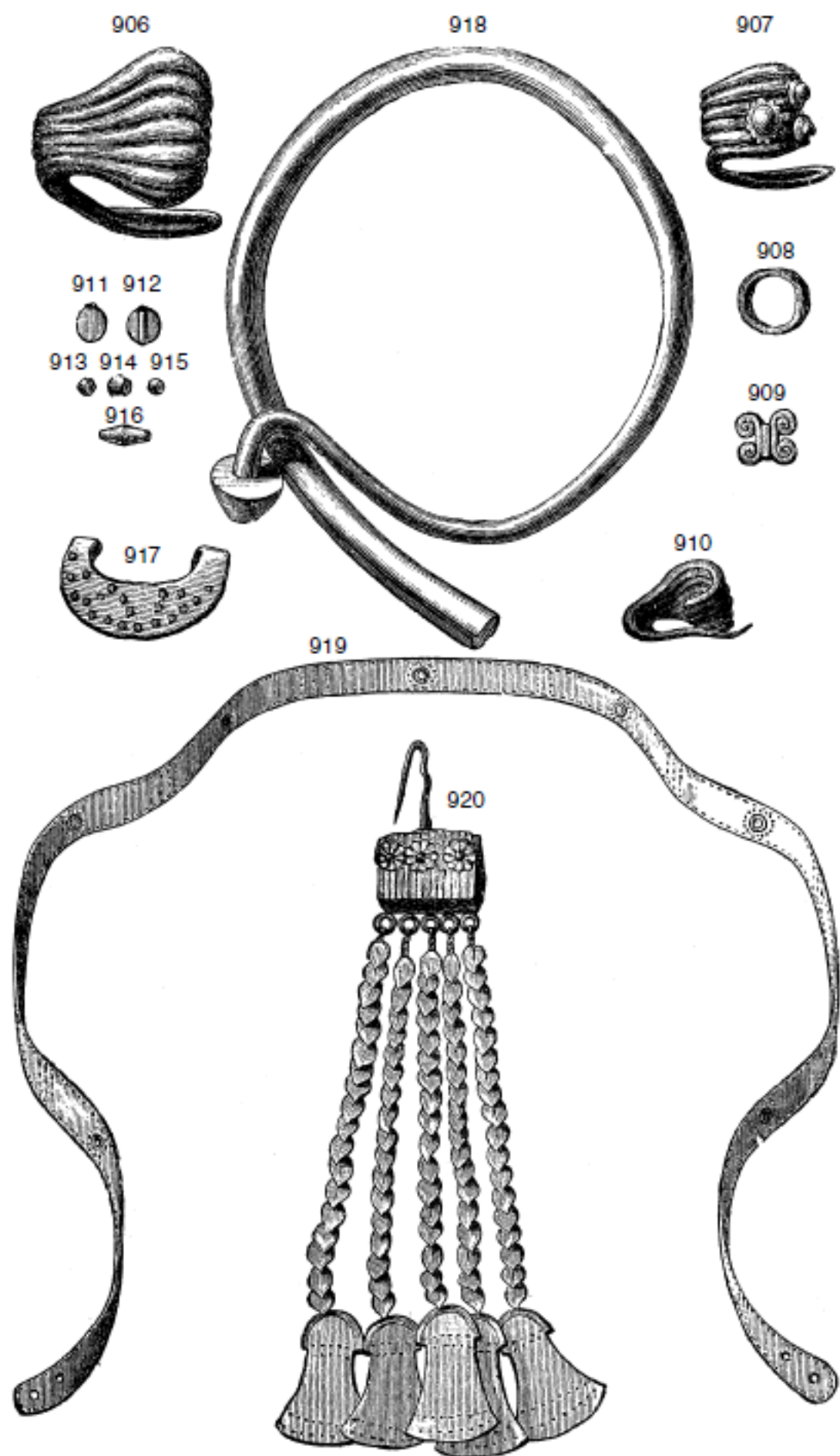

Рис. 906–920. Серьги, браслет, повязка для волос, бусы для ожерелий, серьга с подвеской – все золотое. (3:4 натуральной величины. Найдены на глубине от 26 до 33 футов)

Рис. 921. Золотая лента. (Половина натуральной величины. Найдена на глубине 33 фута)

Далее, в кладе было два очень больших и тяжелых золотых браслета, из которых один я воспроизвожу на рис. 918. Он состоит из очень толстого круглого золотого прутика; только на одном конце у него есть орнамент в виде цветочного бутона. В кладе также были сотни золотых бусин в форме колечек или листочков с трубчатым отверстием, как на рис. 885–899 и 911–916; шесть серебряных сережек с рис. 922, которые скреплены вместе цементирую-

щим действием хлорида серебра и к которым также пристало множество золотых бусин; и большая серебряная ложка с рис. 923 из штампованного металла. Как и щит с рис. 799, в этой ложке в центре имеется большая выпуклость, похожая на шишку, окруженная желобком ($\alpha\lambda\alpha\xi$) и выступающим краем. Ручка украшена гравированным цветочным орнаментом; ее конец снабжен отверстием и большим кольцом для подвешивания. Большой размер этой ложки и особенно эта выпуклость делают весьма вероятным, что она использовалась для священных целей и употреблялась при возлияниях. Далее в кладе была красивая золотая лента с рис. 919 с двумя отверстиями на каждом конце. Она украшена чеканным краем из точек, девятью двойными концентрическими кругами и двадцатью семью вертикальными рядами точек. Кроме того, я нашел девять золотых серег формы, представленной на рис. 917, которые встречаются только в серебре (см. рис. 122). Они выглядят как первобытная лодка и состоят из простой золотой пластины. Два конца повернуты в форме спирали, и через отверстие на последнем они подвешивались в ухо с помощью тонкой золотой проволочки. Каждая из этих серег-лодочек украшена двадцатью одной точкой, сделанной пробойником. Золотые серьги, похожие на эти, есть также в золотой комнате Британского музея, но я не мог узнать, откуда они происходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.